

RESPUBLICA LITERARIA

№1 2024

Respublica Literaria

2024. Т. 5. № 1.

Учредитель:

Институт философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук

Founder:

Institute of Philosophy and Law of the
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Редакция:

Главный редактор - Абрамова М. А.
(ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Заместитель главного редактора - Хлебалин А. В.
(ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Секретарь – Персидская О. А.
(ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)

Редакционный совет:

Вольф М. Н. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Аязбекова С. Ш. (МГУ, Нур-Султан, Казахстан)
Иванов А. Ф. (СПбГЭТУ, СПб, Россия)
Кефели И. Ф. (СЗИУ РАНХиГС, СПб, Россия)
Константиновский Д. Л. (ИС РАН, Москва, Россия)
Лазаревич А. А. (ИФ НАН, Минск,
Республика Беларусь)
Толстых В. Л. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Целищев В. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Шаронова С. А. (РУДН, Москва, Россия)

Редакционная коллегия:

Аблажей А. М. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Алмакаева А. М. (НИУ ВШЭ, Москва, Россия)
Арутюнова Е. М. (ФНИЦС РАН, Москва, Россия)
Афонасин Е. В. (БФУ им. И.Канта, Калининград, Россия)
Борисов Е. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Григоричев К. В. (ИГУ, Иркутск, Россия)
Зыков С. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Изгарская А. А. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Костина Е. Ю. (ДВФУ, Владивосток, Россия)
Костюк В. Г. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Куликов С. Б. (ТГПУ, Томск, Россия)
Лбова Е. М. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Маклашова Е. Г. (ИГиИПМНС СО РАН,
Якутск, Россия)
Петров В. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Попков Ю. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Санжеников А. А. (ИФПР СО РАН,
Новосибирск, Россия)
Солодова Г. С. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Сторожук А.Ю. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Ярулин И. Ф. (ТОГУ, Хабаровск, Россия)
Yachin S. E. (ДВФУ, Владивосток, Россия)
Campbell K. (Техасский университет в Остине, США)
David C. Lewis (Yunnan University, China;
University of Cambridge, England)
Farnika M. (Университет Зелена Гура,
Зелена Гура, Польша)
Liberska H. (Университет г. Быдгощ им. Казимира
Великого, Быдгощ, Польша)

Editorial council:

Chief editor-M. A. Abramova
(IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Vice chief editor-A. V. Khlebalin
(IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Secretary – Persidskaya O. A.
(IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)

Editorial Board:

Volf M. N. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Ayazbekova S. Sh. (MSU, Nur-Sultan, Kazakhstan)
Ivanov A. F. (SPbSETU, St. Petersburg, Russia)
Kefeli I. F. (NWIM RANEPa, St. Petersburg, Russia)
Konstantinovskiy D. L. (IS RAS, Moscow, Russia)
Lazarevich A. A. (IP NAS, Minsk, Republic of Belarus)
Tolstykh V. L. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Tselishchev V. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Sharonova S. A. (Peoples' Friendship University
of Russia, Moscow, Russia)

Editorial Board:

Abblazhey A. M. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Almakaeva A. M. (HSE University, Moscow)
Arutyunova E. M. (Institute of Sociology
of FCTAS RAS, Moscow, Russia)
Afonasin E. V. (IKBFU, Kaliningrad, Russia)
Borisov E. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Grigorichev K. V. (ISU, Irkutsk, Russia)
Zykov S. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Izgarskaya A. A. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Kostina E. Yu. (FEFU, Vladivostok, Russia)
Kostyuk V. G. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Kulikov S. B. (TSPU, Tomsk, Russia)
Lbova E. M. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Maklashova E. G. (IHRISN SB RAS, Yakutsk, Russia)
Petrov V. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Popkov Yu. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Sanzhenakov A. A. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Solodova G. S. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Storozhuk A. Yu. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Yarulin I. F. (Pacific National University,
Khabarovsk, Russia)
Yachin S. E. (FEFU, Vladivostok, Russia)
Campbell K. (University of Texas at Austin, USA)
David C. Lewis (Yunnan University, China;
University of Cambridge, England)
Farnika M. (Zielona góra University,
Zielona góra, Poland)
Liberska H. (University of Bydgoszcz,
Casimir The Great, Bydgoszcz, Poland)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

- Алексеев А. Ю., Алексеева Е. А.** Трехмерная семантика когнитивных терминов междисциплинарных исследований искусственного интеллекта 5
- Лобовиков В. О.** Гильбертовская концепция «существования в математике» и ее моделирование формальной аксиоматической теорией $\Phi+$), рассматривающей существование не как квантор, а как модальность (на англ.).... 16
- Марков А. В., Штайн О. А.** Чтение книг как предмет философии справедливости..... 51
- Маслов Д. К.** Холизм и индивидуализм в социальных науках (онтология и методология): современные дебаты и приближение к позиции Гегеля 61

СОЦИОЛОГИЯ

- Абрамова М. А., Гончарова Г. С.** Динамика изменения количества многодетных семей в регионах России 71
- Маклашова Е. Г.** Социальное самочувствие населения полиэтнического региона: этносоциальные особенности (по материалам социологического исследования в Якутии)..... 84

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Шмаков В. С.** Детерминанты социокультурного развития Евразии: явление кризиса 100

ПРАВО

- Чернущ Н. Ю., Чжун Я.** Проблемы правовой защиты персональных данных по законодательству России и Китая..... 113

CONTENTS

PHILOSOPHY

- Alekseev A. Yu., Alekseeva E. A.** Three-dimensional Semantics of Cognitive Terms as the Basis for Artificial Intelligence Research 5
- Lobovikov V. O.** Hilbert’s Conception of “Existence-in-Mathematics” and Modelling it by a Formal Axiomatic Theory $\Phi+$), Treating Existence not as the Quanifier but as a Modality 16
- Markov A. V., Shtayn O. A.** Reading Books as a Subject of the Philosophy of Justice... 51
- Maslov D. K.** On the Dichotomy of Holism and Individualism in Social Metaphysics: Approaching Hegel’s View 61

SOCIOLOGY

- Abramova M. A., Goncharova G. S.** Dynamics of Quantity Change Large Families in the Regions of Russia 71
- Maklashova E. G.** Social Well-being of the People in Polyethnic Region: Ethnosocial Features (Based on Sociological Research in Yakutia)..... 84

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

- Shmakov V. S.** Determinants of the Socio-cultural Development of Eurasia: The Phenomenon of Crisis 100

LAW

- Chernus N. Yu., Zhong Ya.** Problems of Legal Protection of Personal Data under the Laws of Russia and China..... 113

ФИЛОСОФИЯ

УДК 165

ТРЕХМЕРНАЯ СЕМАНТИКА КОГНИТИВНЫХ ТЕРМИНОВ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА¹

А. Ю. Алексеев

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
Государственный академический университет гуманитарных наук (г. Москва)
aa65@list.ru

Е. А. Алексеева

Государственный академический университет гуманитарных наук (г. Москва)
eaalekseeva@gaugn.ru

Аннотация. В статье рассматриваются различные варианты построения объемной (3D) семантики языка описания междисциплинарных отношений путем усложнения семиотических комплексов, обеспечивающих координацию различных дисциплин. Наиболее сложным полагается трехмерная семантика плавающих миров, в которой для междисциплинарной координации используется двумерная рамка, соединяющая как минимум две различные дисциплины. Третье измерение для этой рамки задается концепцией вычислимости. Вычислимость трактуется в символично-коннекционистском формате совмещения принципов работы машины Тьюринга и машины Корсакова. С другой стороны, «вычислимость» понимается как установление отношения достижимости между логически возможными мирами, где в каждом возможном мире «скрывается» особая дисциплина. Показаны три формы междисциплинарной координации: абсолютная – отношение достижимости возможных миров осуществляется в контексте теории С. Крипке; релятивная – используется модификация этой теории Я. Хинтилкой и рефлексивная координация, которая иллюстрируется работой машины Корсакова. Показывается, что трехмерная семантика когнитивных терминов помимо методологической роли организации междисциплинарной координации при построении систем ИИ, имеет непосредственные практические импликации в развитии концепции метавселенной.

Ключевые слова: искусственный интеллект, междисциплинарность, трехмерная семантика, возможные миры, машина Корсакова-Тьюринга.

Для цитирования: Алексеев, А. Ю., Алексеева, Е. А. (2024). Трехмерная семантика когнитивных терминов междисциплинарных исследований искусственного интеллекта. *Respublica Literaria*. Т. 5. № 1. С. 5-15. DOI: 10.47850/RL.2024.5.1.5-15

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ГАУГН «Цифровизация и формирование современного информационного общества: когнитивные, экономические, политические и правовые аспекты». Регистрационный номер НИОКТР 123022000042-0, код темы FZNF-2023-0004, регистрационный номер темы 1022040800826-5-5.2.1; 6.3.1; 5.9.1.

THREE-DIMENSIONAL SEMANTICS OF COGNITIVE TERMS AS THE BASIS FOR ARTIFICIAL INTELLIGENCE RESEARCH

A. Yu. Alekseev

RUDN University, State Academic University of Humanities,
State Academic University of Humanities (Moscow)
aa65@list.ru

E. A. Alekseeva

State Academic University of Humanities (Moscow)
eaalekseeva@gaugn.ru

Abstract. The article discusses various options for constructing three-dimensional (3D) semantics of a language for describing interdisciplinary relations by increasing the complexity of semiotic complexes that ensure coordination of various disciplines. The most complex is the three-dimensional semantics of floating worlds, which uses a two-dimensional framework connecting at least two different disciplines for interdisciplinary coordination. The third dimension for this framework is given by the concept of computability. Computability is interpreted in a symbolic-connectionist format combining the principles of the Turing machine and the Korsakov machine. On the other hand, “computability” is understood as the establishment of a relation of reachability between logically possible worlds, where in each possible world a special discipline is “hidden”. Three forms of interdisciplinary coordination are shown: absolute – the relation of the reachability of possible worlds is carried out in the context of S. Kripke’s theory; relative – a modification of this theory by J. Hintikka and reflexive coordination is used, which is illustrated by the work of the Korsakov machine. It is shown that the three-dimensional semantics of cognitive terms, in addition to the methodological role of organizing interdisciplinary coordination in the construction of AI systems, has direct practical implications in the development of the concept of the metaverse.

Keywords: three-dimensional semantics, possible worlds, Korsakov-Turing machine.

For citation: Alekseev, A. Yu., Alekseeva, E. A. (2024). Three-dimensional Semantics of Cognitive Terms as the Basis for Artificial Intelligence Research. *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 1. Pp. 5-15. DOI: 10.47850/RL.2024.5.1.5-15

Существует несколько методологических подходов к исследованию искусственного интеллекта (ИИ): логический, алгебраический, семиотический (символьный), коннекционистский, герменевтический, феноменологический, сложностный. Логический подход является исторически первым (с XIII в.) и связывается с постглоссаторской юридической идеей координации двух полисиллогизмов – естественного права и позитивного права – в машине Р. Луллия [Нерсесянц, 2005, с. 445-447]. Как показали исследования французских логиков, к формально-логическим средствам представления знаний возможно редуцировать все базовые модели представления знаний (семантические сети, продукции, фреймы) [Тейз, Грибомон и др., 1990]. В отечественных исследованиях ИИ в рамках «точной эпистемологии» В. К. Финна [Финн, 2023] логический подход, обобщенный до эпистемологического уровня, заявлен как возможная основа для построения любой когнитивной системы, включая и системы ИИ. Алгебраический подход к ИИ инспирирован идеей Ады Лавлейс по поводу возможности построения алгебраической сигнатуры, инвариантной относительно разнообразия исполнительных механизмов вычислительной машины. Эта компьютерная алгебра способна и осуществлять тригонометрические вычисления, и исполнять музыкальные симфонии [Sketch of the

Analytical Engine, 1842]. Семиотический (символьный) подход присущ отечественной школе ИИ Д. А. Поспелова [Искусственный интеллект, кн. 2, 1990]. Сегодня он опирается на изучение синтактики, семантики, прагматики знаковых моделей в системах ИИ (А. Ю. Нестеров)¹. Коннекционистский подход, в отличие от предыдущего подхода, отрицает значимость семиотических форм интеллектуальной деятельности и собственно языка программирования для построения системы ИИ. Главное – взаимосвязанная совокупность ассоциаций, установление подобия между искомым предметом и ассоциативно связанными с ним объектами. Данное направление исследований ИИ соотносится с машиной Корсакова и с нейросетевой машинерией [Алексеев, 2013б]. Герменевтический подход связывает ИИ не с компьютерной имитацией когнитивных функций человека, но с усилением его способности *понимать* (В. Г. Кузнецов). Феноменологический подход к ИИ обобщает предыдущий подход в изучении смысловых составляющих человеческого бытия посредством экспликации информационными технологиями ценностей и смыслов (Н. М. Смирнова, В. А. Рубанов). Сложностный подход рекурсивно включает системы ИИ в культуру, обеспечивая собственную интеллектуализацию в том числе посредством систем ИИ, человек повышает общий культурный уровень социума, что влечет построение и применение более интеллектуальных систем, которые, по-новому влияя на культуру индивида, повышают рекурсивным способом надиндивидуальный уровень общей культуры и т. д.² (В. И. Аршинов).

Все эти подходы сталкиваются с проблемой каузальных связей несоразмерных концептов, например, «дух / тело», «сознание / мозг», «когниция / реализация». Для ИТ-тематики такой подход специфицируется в поиске решения более конкретных проблем. Например, перспективно решение проблемы взаимосвязи «модель / способ моделирования» в рамках системного моделирования в теории репрезентации Маркса Вартофского [Вартофский, 1998] или «программа как алгоритм / программа, как средство реализации алгоритма». Но здесь же возникают и более абстрактные несоразмерности, например, проблема каузальной взаимосвязи синтаксиса и семантики (об этом говорил Дж. Серль применительно к исследованиям ИИ [Серль, 2006]). В еще более абстрактном смысле это может быть проблема необходимости соединить понятие априори и понятие апостериори. Такой подход использовал Д. Чалмерс для психофизической тематики: ментальное и физическое определялось двумерным языком, одно из измерений которого выражало ментальное субъективное качественное, а другое – физическую объективацию [Chalmers, 2006]. Для систем ИИ подобного рода каузальности между знаниями априори и знаниями апостериори предполагают вычислимость, т.е. компьютерную реализацию. Именно в связи с этим мы ранее выдвинули гипотезу о необходимости включения третьего (компьютерного) измерения в двумерную (априорно-апостериорную) семантику 2-димионализма

¹ Этот и другие доклады были представлены на Всероссийском симпозиуме «Искусственный интеллект: ориентиры, перспективы, стратегии», посвященном 15-летию НСМИИ РАН. Симпозиум прошел в г. Москва 24 декабря 2020 г. См. программу симпозиума и ссылки на видеофайлы: URL: <https://scmai.ru/2020/12/24/>

² По этой теме можно отметить доклады А. Ю. Нестерова «Формализация процедур порождения нового в моделях семиотики творчества», В. Г. Кузнецова «Герменевтика и искусственный интеллект», Н. М. Смирновой «Творчество и искусственный интеллект», В. А. Рубанова «Семиотический орнамент», В. И. Аршинова «Феномен сложности в семиотическом контексте», представленные на Всероссийском симпозиуме «Искусственный интеллект: ориентиры, перспективы, стратегии».

Д. Чалмерса [Алексеев, 2013а]. Объемный 3D-язык системы ИИ формируется: 1) концептом приватного переживания (априори); 2) теоретическим описанием и / или объяснением этого феномена (апостериори); 3) компьютерной системой реализации 1 и 2 – т. е. репликация, репрезентация, репродукция понятий субъективной реальности (1) и понятий объективной реальности (2). В целом это метафизический, т. е. спекулятивный, подход, который может иметь практические приложения, но способен и, напротив, уводить от конкретных практических реализаций на просторы бесконечных философских дискуссий.

При этом нужно понимать, что система ИИ – это система *междисциплинарной* организации знаний, где каждая дисциплина использует собственный понятийный аппарат для описания некоторой группы феноменов. Это связь между, как минимум, двумя дисциплинами, скажем, между психологией и программированием. Поэтому концептуальная организация развитой искусственной интеллектуальной системы включает программно-технические решения по поводу репрезентации многомерных суждений собственными средствами этой системы, т. е. внутри этой системы создаются специальные средства для многомерных связей между дисциплинами. Дисциплины замкнуты, инкапсулированы, связаны двумерной семантикой, а связи между ними имеют вычислительный формат, т. е. представлены в базах данных, знаний и смыслов системы ИИ.

На наш взгляд, подобная работа с системами ИИ осуществляется начиная с 1970-х гг., и первоначально она шла по пути методологии двумерных семантик. Широкое движение философов, логиков, математиков, лингвистов, психологов, физиологов и мн. др. исследователей того периода можно обозначить девизом: «Назад к Фреге!». Дело в том, что Б. Рассел в начале XX в. предлагал мощную программу элиминации «смысла» из логики Г. Фреге. Для этого он ввел теории типов, дескрипций и пропозиций. Полвека назад возникло оппозиционное движение, вернувшее «смысл» в теории, которые его изгоняли. Постфрегеанцами предлагалась двумерная семантика индексикалов и демонстративов (Д. Каплан, 1978–1989 гг.), двумерная семантика диагональных пропозиций (Р. Сталнейкер, 2003–2004 гг.), двумерная семантика дескрипций (Г. Эванс, 1977 г.), обобщенная семантическая двухмерность (Д. Чалмерс, 2000 г.), «метасемантический 2-дизенсионализм» (Р. Сталнейкер, 2003–2004 гг.). В нашей стране А. А. Шаров и Ю. А. Шрейдер предлагали т. н. теорию каркасов «ткань-рисунок» [Шрейдер, Шаров, 1982]. «Ткань» – это контекст (смысл) рассуждений, на который наносится «рисунок» – текст. Возможны двумерные трансформации разрисованной ткани. Если ценностные суждения составляют «ткань», то понятно каким значительным трансформациям подвержен «рисунок» при изгибах ткани.

Логически самой сложной двумерной конструкцией, на наш взгляд, является двумерная семантика плавающих миров. Данная концепция была предложена М. Дейвисом и И. Л. Хамберстоном в 1981 г. Двумерность высказывания формируется путем применения оператора «актуальности» к возможному миру. «Актуальность» – это способ модального представления действительности возможного мира. Каждое высказывание связывается с возможными мирами и со степенью их актуальности. На возможные миры – базовые множества, операции и отношения – накладывается плавающая рамка, которая позиционирует актуальный мир и обрамляет возможные миры, достижимые из актуального мира. Отношение достижимости между возможными мирами представляется как «скольжение» по границам понятий и как факт концептуального (например,

функционального) единства теорий разных дисциплин. Эта самая сложная 2-дизенсиональная конструкция позволяет четко обозначить идею 3-дизенсионализма как методологического подхода к междисциплинарному построению систем ИИ. Рассмотрим далее две классические (на базе идей С. Крипке и Я. Хинтикки) и одну неклассическую схемы достижимости (путем использования нашей оригинальной интерпретации идей машины Корсакова).

От двумерной к трехмерной семантике плавающих миров

Двумерный формат рамки, которая «плавает» и актуализирует логические миры, трудно использовать в компьютерных системах. Двумерная семантика, конечно, интересна, поскольку она приближает нас к задаче связывания и координации разнородных дисциплин. Тем не менее в контексте исследований электронной культуры, цифровой экономики и искусственного интеллекта двумерную семантику следует дополнить еще одним измерением – метрикой вычислимости. Без этого компьютерного дополнения старый обобщенный

2D-дизенсионализм – это чистое произведение докомпьютерной культуры. Он служит задачам человека с ручкой, блокнотом и книгой, т. е. того, кто не пользуется компьютером. Для ИИ-систем – для роботов, аватаров, киборгов – такая плоская семантика совсем не применима. Обоснование необходимости использования трехмерной семантики достаточно подробно изложено [Алексеев, 2013а]. Третья метрика – это метрика вычислимости, квазиалгоритмичности, компьютеринга. И так как в настоящей работе важны принципиальные идеи ИИ и вычислимости, то третье измерение будет рассматриваться в теоретико-алгоритмическом формате, который выражает как принципы работы символического алгоритма (машина Тьюринга), так и коннекционистского алгоритма (машина Корсакова).

Абсолютная трехмерная семантика (миры Крипке)

Данный подход является самым известным в части изучения логики возможных миров [Крипке, 1974]. Связь между суждением 1 (одной дисциплины) и суждением 2 (второй дисциплины) осуществляется тогда, когда под плывущей рамкой объединяются разнопорядковые логические миры, т. е. выполняется траектория попадания в мир одной дисциплины из мира другой дисциплины. Вопрос, «В какой мере это соединение будет концептуально единым», относится к валидности модальной логики «необходимости / возможности», предложенной С. Крипке [Крипке, 1974, с. 258-260]. Наше единственное дополнение состоит в том, что используются информационные, программные, лингвистические, технические средства компьютерной системы для хранения, обработки, отображения возможных (дисциплина 1) и необходимых (дисциплина 2) логических миров. Акцент модальности предопределен предпочтениями разработчика системы ИИ. Например, для программиста, интересующегося проблемой сознания, дисциплина 2 будет, конечно, программированием (на то он и программист), а дисциплина 1 – психологией.

Релятивная двумерная семантика (миры Хинтикки)

Недостатком предыдущего подхода является непогрешимая точка зрения разработчика, который актуализирует дисциплины 1, а затем 2, 3, ..., n . Такой разработчик занимает привилегированное место. Более «демократичный» вариант двумерной семантики удобно сконструировать из логических миров Я. Хинтикки [Хинтикка, 1980]. С суждением дисциплины 1 теперь сразу соотнесутся суждения дисциплины 2, ..., n . Суждения разных дисциплин могут противоречить друг другу, т. е. рамки актуализации миров нельзя совмещать. Возможно, будет недостижим мир, в котором достижимо совмещение концептов. Я. Хинтикка на этот счет вводит понятие «невозможных возможных миров», т. е. таких состояний, которые не могут возникнуть ни в одной альтернативе [Хинтикка, 1980, с. 228-245]. Таких «невозможностей» следует избегать.

Рефлексивная трехмерная семантика (миры Корсакова)

В рамках данной стратегии идея равноправия траекторий попадания из миров дисциплины 1 в миры дисциплин 2, 3, ... n дополняется идеей всеохватности этих траекторий, параллельного учета, сопричинности траекторий. Необходимо, чтобы каждое частное отношение достижимости отражалось от целого, причинялось системой траекторий. Рамка должна «плавать» уже не только между траекториями достижимости, но и между траекториями и системой этих траекторий в целом. Двумерная семантика между дисциплинами представляется как сложная система ассоциаций между терминами базовой дисциплины (1) и теми дисциплинами (2, 3, ...), которые являются менее «родными» для исследователя. Координация терминологических ассоциаций представляется незавершенной, динамичной, подобно связям, например, между символом и знаком в психосемиотических исследованиях, связанных с моделированием языка религиозных убеждений. Это ранее было показано в условиях применения третьей, вычислимой семантической метрики, образуемой работой машины Корсакова [Алексеев, Воинов, 2016]. Представим плавающую рамку, которая накладывается и двигается по мере уточнения значений терминов над стопкой перфокарт машины Корсакова. О составе и строении этой машины в связи с ее коннекционистской интерпретацией [Алексеев, 2013б]. На каждой перфокарте 1, 2, ... n представлен тезаурус понятий дисциплин 1, 2, ... n .

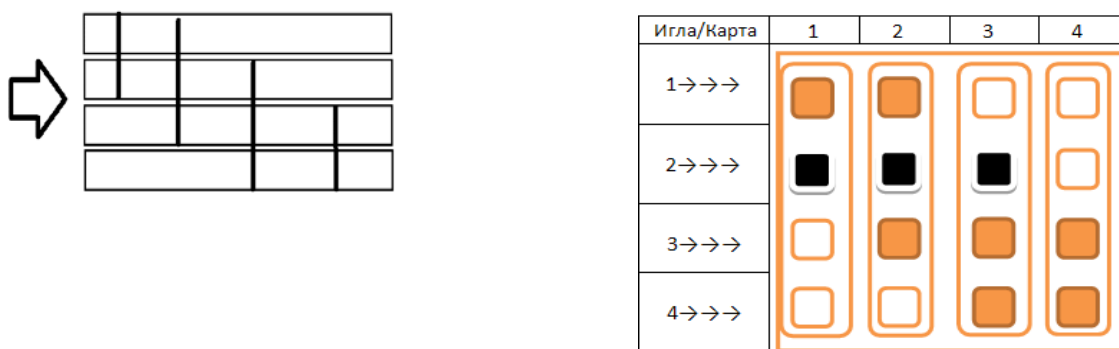

Рис. 1. Пример конфигурации машины Корсакова. Проекция на перфокарты сбоку (слева).
Проекция сверху (справа)

Перфокарты расположены вертикально. Ассоциация терминов задаётся коннекцией, которая образуется проваливанием иглы между отверстиями перфокарт. Попадание иглы в отверстия перфокарт отмечено черными линиями (слева) и закрашенными квадратами (справа). Отношение достижимости схватывает сразу несколько перфокарт. Это отношение «расширяется» при обращении к различным «целевым слоям», каждый из которых имитируется перфокартой из стопки. Так, на перфокарте 3 раскрываются связи, не просматриваемые на перфокарте 2. Но они просматриваются целиком при «виде сбоку» (слева).

Такие отношения достижимости в рефлексивной трехмерной семантике машина Корсакова формирует одновременно и параллельно. Традиционный компьютер, построенный на принципах машины Бэббиджа-Тьюринга, способен это сделать, но при условии разработки достаточно сложной программы имитации коннекций.

Принципы технической реализации трехмерной семантики плавающих миров на базе машины Корсакова-Тьюринга

Для машинной реализации обозначенных стратегий наложения плавающей рамки перспективна мемристорная реализация машины Корсакова-Тьюринга, которая обеспечивает коннекционистскую репрезентацию ряда традиционных философских проблем [Алексеев, 2016]. Представим стопку перфокарт коннекционистской машины Корсакова (МК) [Алексеев, 2013б] как мемристорную память: мемристор – это электронная репродукция непрерывной активности биологического синапса. Градуальная коннекция непосредственно моделируется мемристором, характеризуя непрерывные связи между признаками. Градуированная коннекция учитывает пороговые значения сопротивлений, моделируя многозначную логику сетевых соединений. Бинарных коннекций, как отмечалось [Алексеев, 2013б], в МК нет.

Отношения достижимости в рефлексивной схеме плавающих миров выделяются рамкой следующим образом: плавающая рамка накладывается сбоку, как бы целиком охватывая нужные для анализа перфокарты МК. Перфокарты прозрачны, а на верхней перфокарте представлено сужение дисциплины 1. На лежащих ниже перфокартах представлены суждения дисциплин 2, 3, Непрозрачные иглы табулятора, которые попадают в отверстия перфокарт, позволяют явно и непосредственно отобразить связь суждений разных дисциплин. Так как каждая перфокарта характеризует частное суждение, а стопка – композицию из частных, то взгляд сбоку на стопку перфокарт проявляет связь между целым и частями, конкретизируя это отношение. Таким образом, мы получаем визуализацию междисциплинарности, которая, кстати, имманентна исследованиям в области ИИ. На наш взгляд, пример С. Н. Корсакова вполне подходит для наших целей. Он описал применение МК в медицине, когда из частных описаний болезней, органов, лекарств «вычисляется» целостная, сложная, но конкретная идея о медикаментозном лечении заболевания пациента: в 30-е гг. XIX в., за семь лет работы машины Корсакова как компьютера «врача-инженера», таких диагнозов было поставлено свыше 11 тысяч. Для нас

важно и когнитивистское применение МК: попадание под одну плавающую рамку (напомним, плавающая рамка двигается сбоку перфокарт) высказываний о субъективном переживании (верхняя перфокарта) и высказываний о программе имитации этого переживания, а также высказываний о программной имитации другого когнитивного феномена (третья сверху перфокарта), и т. д.

Наложение плавающей рамки осуществляется табулятором гомеоскопа с подвижными частями. Это один из пяти механизмов МК. Статической является схема коннекций на стопке перфокарты. Динамичными, плавающими, актуальными становятся отношения достижимости между мирами тогда, когда табулятор проводится по стопке перфокарт: иглы табулятора проваливаются в отверстия на глубину, заданную градуальными и градуированными значениями коннекций. Если к иглам навешиваются слова, обозначающие понятия, то МК обеспечивает визуализацию этих рефлексивных связей достижимости миров. Раскрашенные и звучащие иглы позволяют мультимедийно воспроизвести динамику логических миров междисциплинарных связей.

Глубина и сила проникновения игл в отверстия перфокарт разной ширины напрямую и просто моделируются сопротивлениями мемристоров. Как доказывалось [Алексеев, 2016], машину Корсакова и машину Тьюринга эффективно применять совместно. В МК отсутствуют автоматные переходы машины Тьюринга. Однако в МК имеется способ параллельного представления сложных спецификаций на коннекционистских перфокартах. Мемристоры следует применять для коннекций, но не для инструкций. Для инструкций надо применять машину Тьюринга. В общем виде такая машина Корсакова-Тьюринга позволяет воспроизводить коннекционистско-символьные «исчисления». Компьютерная реализация такой системы позволит визуализировать и анализировать динамику работы системы ИИ, в которой совместно функционируют относительно замкнутые «в самих себе и на самих себя» знания философов, информатиков, математиков, программистов, психологов, физиков, биологов, химиков, социологов, политологов, экономистов, юристов и др.

Предметная и инструментальная общность репрезентации

Принципы трехмерной семантики обладают репрезентативной общностью. Согласно упомянутой выше теории репрезентаций Маркса Вартофского [Вартофский, 1988], предметная модель – то, что полагается предметом реализации, т. е. то, чем пользуется потребитель – неразрывно связана с инструментальной моделью – тем, чем пользуется разработчик. Разработка и эксплуатация – принципиально разные вещи и системно объединяются тогда, когда разработчик как бы видит предмет глазами (интеллектом) пользователя и, наоборот, пользователь – глазами (интеллектом) разработчика. Фактически между пользователем и разработчиком пролегла пропасть, своеобразный аналог трудной проблемы сознания – вопрос о том, как связать феномен сознания со средством реализации этого феномена. Физически эта пропасть непреодолима, концептуально – преодолима. Трехмерная семантика плавающих миров является мостиком для ее преодоления. Это реализация реализации, т. е. «модель модели» в теории репрезентации [Там же].

Перспективы развития проекта искусственного мира (метавселенной)

Абсолютная, релятивная и рефлексивная разновидности 3D-семантики имеют непосредственные импликации для развития проекта метавселенной как варианта искусственных миров. Современный инструментарий проекта искусственного мира – это мультиагентная суперкомпьютерная система. Если не принимается трехмерный семантический подход к ИИ, то тогда мультиагентный инструментарий вырождается в объектно-ориентированную поведенческую структуру. Полиморфные, наследуемые, инкапсулированные возможные миры связываются друг с другом посредством статичных интерфейсов. Эти специальные интерфейсы разрабатываются в условиях координации и интеграции априорных знаний разработчика (пользователя) и апостериорных знаний пользователя (разработчика). Но межмировой динамики, когда пользователь смотрит на мир как разработчик, а разработчик – как пользователь, не обнаруживается, если не принимается 2-дизменциональная семантическая позиция. 3-дизменционализм позволяет эту динамику воспринимать в компьютерном формате, т. е. в формате ИТ и исследований ИИ. При отсутствии дименционализма не обнаруживается и восприятие одного мира другим миром. Метавселенная без трехмерной семантики не возможна.

Список литературы / References

Алексеев, А. Ю. (2013а). Объемная (3d) интенциональная семантика словаря искусственного общества. [Электронный ресурс]. *Искусственные общества*. Т. 8. Вып. 1-4. URL: <https://artsoc.jes.su/s207751800000038-0-2> (дата обращения: 17.03.2024).

Alekseev, A. Yu. (2013a). Volumetric (3d) intensional semantics of the artificial society dictionary. [Online]. *Artificial societies*. Vol. 8. Iss. 1-4. Available at: <https://artsoc.jes.su/s207751800000038-0-2> (Accessed: 17.03.2024). (In Russ.)

Алексеев, А. Ю. (2013б). Протонейрокомпьютер Корсакова. *Нейрокомпьютеры: разработка, применение*. № 7. С. 6-17.

Alekseev, A. Yu. (2013b). Korsakov's protoneurocomputer. *Neurocomputers: development, application*. No. 7. Pp. 6-17. (In Russ.)

Алексеев, А. Ю. (2016). Мемристоры и ... философия. *Биомедицинская радиоэлектроника*. № 4. С. 10-11.

Alekseev, A. Yu. (2016). Memristors and ... philosophy. *Biomedical radioelectronics*. No. 4. Pp. 10-11. (In Russ.)

Алексеев, А. Ю., Воинов, Е. М. (2016). Применение нейрокомпьютеров в религиоведении. *Нейрокомпьютеры: разработка и применение*. № 5. С. 8-11.

Alekseev, A. Yu., Voinov, E. M. (2016). Application of neurocomputers in religious studies. *Neurocomputers: development and application*. No. 5. Pp. 8-11. (In Russ.)

Вартофский, М. (1988). *Модели. Репрезентация и научное понимание*. М.: Прогресс.

Wartofsky, M. (1988). *Models. Representation and scientific understanding*. Moscow. (In Russ.)

Искусственный интеллект. В 3 кн. (1990). Кн. 2. *Модели и методы: справочник*.

Под ред. Д. А. Поспелова. М.: Радио и связь.

Artificial Intelligence. In 3 books. (1990). Pospelov, D. A. (ed.). *Book 2. Models and Methods. Handbook*. Moscow. (In Russ.)

Крипке, С. А. (1974). Семантический анализ модальной логики. I. Нормальные модальные исчисления высказываний. Пер. А. А. Мучника. *Р. Фейс. Модальная логика*. Под ред. Г. Е. Минца. М.: Наука. С. 254-303.

Kripke, S. A. (1974). Semantic analysis of modal logic. I. Normal modal propositional calculus. Muchnik, A. A. (transl.). In *R. Face. Modal logic*. Mints, G. E. (ed.). Moscow. Pp. 254-303. (In Russ.)

Нерсесянц, В. С. (2005). *Философия права: учебник для вузов*. М.: Норма.

Nersesyants, V. S. (2005). *Philosophy of Law. Textbook for Universities*. Moscow. (In Russ.)

Серль, Дж. (2006). Разумы, мозги, программы. *Тест Тьюринга. Роботы. Зомби*. Под ред. А. Ю. Алексеева. М.: МИЭМ. С. 6-27.

Searle, J. (2006). Minds, Brains, Programs. In Alekseev, A. Yu. (ed.) *The Turing Test. Robots. Zombie*. Moscow. Pp. 6-27. (In Russ.)

Тейз, А., Грибомон, П., Луи, Ж., Снийерс, Д., Водон, П., Гоше, П., Грегуар, Э., Санчес, Э., Дельсарт, Ф. (1990). *Логический подход к искусственному интеллекту: от классической логики к логическому программированию*. М.: Мир.

Tase, A., Gribomon, P., Louis, J., Snyers, D., Wodon, P., Gochet, P., Gregoire, E., Sanchez, E., Delsarte, F. (1990). *A logical approach to artificial intelligence. From classical logic to logic programming*. Moscow. (In Russ.)

Финн, В. К. (2023). *Искусственный интеллект: Методология, применения, философия*. М.: URSS.

Finn, W. K. (2023). *Artificial Intelligence: Methodology, Applications, Philosophy*. Moscow. (In Russ.)

Хинтиikka, Я. (1980). *Логико-эпистемологические исследования*. (Серия: Логика и методология науки). М.: Прогресс.

Hintikka, Ya. (1980). *Logical-epistemological studies*. (Series: Logic and Methodology of Science). Moscow. (In Russ.)

Шрейдер, Ю. А., Шаров, А. А. (1982). *Системы и модели*. М.: Радио и связь.
Schrader, Yu. A., Sharov, A. A. (1982). *Systems and Models*. Moscow. (In Russ.)

Sketch of the Analytical Engine. Invented by Charles Babbage. By L. F. Menabrea of Turin, Officer of the Military Engineers. From the Bibliothèque Universelle de Genève. October 1842. No. 82. With notes upon the Memoir by the Translator Ada Augusta, Countess of Lovelace. [Online]. The Analytical Engine. Table of Contents. Sketch of the Analytical Engine. Available at: <https://www.fourmilab.ch/babbage/contents.html> (Accessed: 17.03.2024)

Chalmers, D. (2006). Two-Dimensional Semantics [Online]. In Lepore, E., Smith, B. (eds.) *Oxford Handbook of Philosophy of Language*. Oxford. Oxford University Press. Pp. 575-606. Available at: <http://consc.net/papers/twodim.pdf> (Accessed: 17.03.2024).

Сведения об авторах / Information about the authors

Алексеев Андрей Юрьевич – доктор философских наук, профессор философского факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, профессор Инженерной академии Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, ул. Орджоникидзе, 3, e-mail: aa65@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2230-311X>

Алексеева Екатерина Алексеевна – кандидат философских наук, заместитель декана по учебно-методической работе, доцент кафедры эпистемологии и логики философского факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, г. Москва, Мароновский пер., 26, e-mail: eaalekseeva@gaugn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0006-5942>

Статья поступила в редакцию: 15.02.2024

После доработки: 04.03.2024

Принята к публикации: 14.03.2024

Alekseev Andrey – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Faculty of Philosophy of the State Academic University for the Humanities Professor of the Engineering Academy of the RUDN University, Moscow, Ordzhonikidze Str., 3, e-mail: aa65@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2230-311X>

Alekseeva Ekaterina – Candidate of Philosophical Sciences, Deputy dean for Educational and Methodological Work, Associate Professor of the Department of Epistemology and Logic of the Faculty of Philosophy of the State Academic University for the Humanities, Moscow, Maronovsky lane, 26, e-mail: eaalekseeva@gaugn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0006-5942>

The paper was submitted: 15.02.2024

Received after reworking: 04.03.2024

Accepted for publication: 14.03.2024

УДК 1(091) + 16 + 17 + 51-7 + 510.687 + 510.82 + 512

**HILBERT'S CONCEPTION OF "EXISTENCE-IN-MATHEMATICS",
AND MODELLING IT BY A FORMAL AXIOMATIC THEORY $\Phi+\exists$
TREATING EXISTENCE NOT AS THE QUANTIFIER BUT AS A MODALITY**

V. O. Lobovikov

Institute of Philosophy and Law UB RAS (Yekaterinburg)

vlobovikov@mail.ru

Abstract. The *subject-matter* of investigation is Hilbert's-principle consisting of two parts: (a) proclaiming equivalence-of-consistency-and-truth-in-mathematics; (b) proclaiming equivalence-of-consistency-and-existence-in-mathematics. The *target* – explication and vindication of the principle. The *scientific novelty*: for reaching the goal, (1) a hitherto unknown logically formalized multimodal axiomatic epistemology-and-ontology-system called $\Phi+\exists$ has been constructed; (2) by means of $\Phi+\exists$, a precise *axiomatic* definition of the notion "existence as modality" is submitted for the first time; (3) by means of artificial language of $\Phi+\exists$, a precise formulation of the principle-of-equivalence-of-consistency-and-existence is given; (4) for the first time, the article presents *formal deductive inferences* (in formal-theory- $\Phi+\exists$) of such formulae which make up Hilbert's principle (given an appropriate interpretation of these formulae).

Keywords: existence-in-mathematics, Hilbert, principle-of-equivalence-of-consistency-and-existence, principle-of-equivalence-of-consistency-and-truth, formal-multimodal-axiomatic-theory- $\Phi+\exists$.

For citation: Lobovikov, V. O. (2024). Hilbert's Conception of "Existence-in-Mathematics" and Modelling it by a Formal Axiomatic Theory $\Phi+\exists$ Treating Existence not as the Quantifier but as a Modality. *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 1. Pp. 16-50. DOI: 10.47850/RL.2024.5.1.16-50

**ГИЛЬБЕРТОВСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ «СУЩЕСТВОВАНИЯ В МАТЕМАТИКЕ»
И ЕЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ФОРМАЛЬНОЙ АКСИОМАТИЧЕСКОЙ ТЕОРИЕЙ $\Phi+\exists$,
РАССМАТРИВАЮЩЕЙ СУЩЕСТВОВАНИЕ
НЕ КАК КВАНТОР, А КАК МОДАЛЬНОСТЬ**

В. О. Лобовиков

Институт философии и права Уральского отделения РАН (г. Екатеринбург)

vlobovikov@mail.ru

Аннотация. *Предмет* исследования – принцип Гильберта, состоящий из двух частей: (а) утверждение об эквивалентности непротиворечивости и истины в математике; (б) утверждение об эквивалентности непротиворечивости и существования в математике. *Цель* – уточнение и обоснование упомянутого принципа. *Научная новизна:* для достижения этой цели, (1) построена некая пока неизвестная логически формализованная мультимодальная аксиоматическая система онтологии и эпистемологии, названная $\Phi+\exists$; (2) впервые с помощью $\Phi+\exists$ дано точное *аксиоматическое* определение понятия «существование как модальность»; (3) на искусственном языке $\Phi+\exists$ точно сформулирован принцип эквивалентности непротиворечивости и существования в математике; (4) впервые публикуются *формальные дедуктивные выводы* (в формальной теории $\Phi+\exists$) тех формул, которые вместе образуют (в соответствующей интерпретации) принцип Гильберта.

Ключевые слова: существование в математике, Гильберт, принцип эквивалентности существования и непротиворечивости, принцип эквивалентности истины и непротиворечивости, формальная мультимодальная аксиоматическая теория $\Phi+\exists$.

Для цитирования: Лобовиков, В. О. (2024). Гильбертовская концепция «существования в математике» и ее моделирование формальной аксиоматической теорией $\Phi+\exists$, рассматривающей существование не как квантор, а как модальность. *Respublica Literaria*. Т. 5. № 1. С. 16-50. DOI: 10.47850/RL.2024.5.1.16-50

1. Introduction

“Hilbert's Principle: in mathematics, if it is consistent for something to exist then it does exist”
[Doherty, 2017, p. 107].

“What does the word exist mean in mathematics? It means, I said, to be free from contradiction”
[Poincaré, 1912, p. 526]

In philosophical logic and metaphysics, criteria of existence and of truth make up one of the very old and hard problems since the ancient Greek philosophy times to our days [Plato, 1994; Aristotle, 1994; Юм, 1965; Leibniz, 1969, 1981; Kant, 1994, 1996; Frege, 1971, 1980, 1984; Hilbert, 1990, 1996a, 1996b, 1996c; et al.], are implied here. In modern philosophy, there had been a *debate of existence as a predicate* [Kant, 1994; Frege, 1971, 1980, 1984; Hintikka, 1986; Berto, 2012; Наараранта, 1985, 1986; Ершов, Самохвалов, 2007; Целищев, 2003; Nelson, 2022]. While discussing the ontological proofs of God's existence, Immanuel Kant argued that *existence was not a real predicate* [Kant, 1994]. Gottlob Frege significantly *explicated* this thesis (he made it formulated more precisely) by means of mathematizing logic systematically and claiming that *existence is a second-order predicate*. However, the tendency (initiated by Alexius Meinong [Berto and Priest, 2014; Fine, 1984, 1985; Jacquette, 1996, 1997, 2015; Marek, 2022; Meinong, 1960; Parsons, 1980, 1982; Hintikka, 1984; Zalta, 1983]) somehow to explicate and accept (the well-explicated option of) the extraordinary Meinongian idea of existence of nonexistent objects makes the contemporary situation not so easy and clear as it has been seemed to followers of Kant and Frege. In this connection, I agree with Maria Reicher when she writes: “It turns out that Kant's view that “exists” is not a “real” predicate and Frege's view, that “exists” is not a predicate of individuals (i.e., a predicate that yields a well-formed sentence if one puts a singular term in front of it), has to be abandoned if one is to accept the claim that there are nonexistent objects” [Reicher, 2022]. An intellectually respectable critique of the philosophical debates of *existence as a predicate*, and a reasonable suggestion of solving the problem is presented in [Ершов, Самохвалов, 2007, с. 41-62, 118-139; Целищев, 2003, с. 20-22].

However, in spite of the fact that among philosophers the discussion still goes on, in the present article, I shall not go into details of the debate (of existence as a predicate) and shall not take part in it. Also, I shall not discuss the well-elaborated mathematical logic doctrine of *existence as the quantifier*. In XX century, B. Russel, A. Prior, W. Quine, N. Resher, J. Hintikka, V. Tselishchev, and many other celebrated logicians had undertaken an all-around investigation of the philosophical ontology problems raising in relation to the very influential tendency to exploit

various mathematical logic theories of quantification in general and of existence quantifier especially for clarifying the proper philosophical (ontological) notion “existence (in general)”. An in-depth philosophical ontology discussion and logic analysis of the theme “Existence and Quantification” may be found, for instance, in [Resher, 1959; Prior, 1961; Hintikka, 1969; Quine, 1969, 1980; Целищев, 2010].

As, today, existence as the quantifier is already well-studied, I intend, in this article, to concentrate on recognizing and investigating *existence as a modality*. Even at the very beginning of philosophy development it was recognized clearly that the notion “existence” is essential for metaphysics [Aristotle, 1994; Plato, 1994; Nelson, 2022]. Consequently, if one seriously considers *modal logic as metaphysics* (for example, [Williamson, 2013]), then it is highly likely that the one must recognize clearly and investigate systematically the nontrivial hypothesis that *existence is a modality*. In modern philosophical literature of formal ontology and logic of existence [Bader, 2021; Blecher, 2012; Rosefeldt, 2020], this hypothesis has been already discussed somehow (especially in writings on history of philosophy). For example, T Rosefeldt has argued that, for Kant, *existence is* (not a quantity, but) *a modality* [2020]. Moreover, in the internet, one can find even such an online publication, which is called “Existence as a modality” [Bader, 2021]. Also, one can find the title “Introduction: Existence as a Modality” in the PhD dissertation [Blecher, 2012].

In the present article I am to study the hypothesis (that *existence is a modality*) with a view for applying results of this study to explicating and vindicating Hilbert’s principle in question. Thus, in this paper, I am to depart from *pure* philosophy (proper metaphysics) to *applied* one. I mean *applying* metaphysics (understood as *modal* logic) to philosophical grounding proper mathematics. Quite precise definitions of the proper philosophical notions “truth” and “existence” are very important (even indispensable) for sufficient clarifying the philosophical (especially logical) foundations of mathematics. Many celebrated mathematicians and logicians had been involved in creating (inventing) such definitions and systematical investigating them, for example, G. Frege, B. Russel, H. Poincaré, D. Hilbert, K. Gödel, H. Weyl, L. Brouwer, V. Glivenko, A. Heyting, S. Leśniewski; A. Tarski, A. Church, S. Kleeny, A. Kolmogorov, A. Markov Jr., Yu. Ershov, K. Samokhvalov, Ch. Chihara, et al. An intellectually respectable survey of the relevant scientific literature on the theme can be found in [Chihara, 1990; Mancosu, 1998; Moschovakis, 2007; Целищев, 2010, 2003; Zach, 2023]. Concerning David Hilbert’s principles of (a) equivalence-of-consistency-and-truth and (b) equivalence-of-consistency-and-existence, it is worth taking into an account the following citation from his letter to Gottlob Frege:

You write “From the truth of the axioms it follows that they do not contradict one another”. It interested me greatly to read this sentence of yours, because in fact for as long as I have been thinking, writing and lecturing about such things, I have always said the very opposite: if arbitrarily chosen axioms together with everything which follows from them do not contradict one another, then they are true, and the things defined by the axioms exist. For me that is the criterion of truth and existence [Frege, 1980, pp. 39-40].

In relation to this extract from D. Hilbert's letter to G. Frege, F. T. Doherty writes in her interesting article:

The ... extract from Hilbert's letter has received much attention. On the basis of it, a general principle for mathematical ontology has been attributed to Hilbert which I call *Hilbert's Principle*:

Hilbert's Principle: In mathematics, if it is consistent for something to exist then it does exist.

It is important to note that Hilbert's Principle is not a summary of the quote from Hilbert's letter. It is the attempt to extract a *thesis* from Hilbert on the basis of his remark. A lesser-known proponent of the same view is Poincaré ... [Doherty, 2017, pp. 107-108].

Following F. T. Doherty, hereafter in this paper I am to use the name "Hilbert's principle" systematically as well. Obviously, in some concrete relations, generally speaking, the principle by Hilbert is very strange; it is somewhat strange even with respect to mathematics as such. In some concrete relations, I agree with F. T. Doherty, when she writes the following:

As a general approach to ontology, such a principle is unintuitive and highly unparsonious. Even taking into account the restriction to mathematics, the view is controversial. Consistency is very plausibly a necessary condition for the existence of mathematical entities, but why should it be considered a *sufficient* one? To answer such a question, we must be careful to understand the context in which Hilbert's Principle is given and not to assess it in a philosophical vacuum. This would be unproductive because Hilbert's Principle is not, by itself, a fully-fleshed out thesis. For example, it tells us nothing of what is meant by consistency, or by what means consistency is to be secured, or what kinds of things are established to exist. Because of this, no proper assessment of Hilbert's Principle can be reached before reconstructing Hilbert's actual contention. Thus, the concern of this paper will be neither to attack *nor* to defend Hilbert's view, but to discover it. As such, the guiding question of the paper will be as follows:

Qu. What does Hilbert mean by Hilbert's Principle?

To answer this question, I propose that we begin with what is commonly regarded as a bad answer. Namely, that Hilbert's Principle is an anticipation of the completeness theorem. I will henceforth call this the misguided reading of Hilbert's Principle. In what follows, we will give ourselves the task of asking whether there is any truth to this bad answer, and of articulating precisely what is misguided about it. This will require attention to many considerations which will very nicely pave the way for us to develop an alternative, historically informed, good answer to (Qu) [Doherty, 2017, p. 108].

Actually, Hilbert had formulated the principle not in a philosophical vacuum; he had accepted and followed some important aspects of G. W. Leibniz's [1969, 1981] and I. Kant's [1994, 1996] philosophies of mathematics [Murawski, 2002; Lutskanov, 2010, p.122; Shanker, 1988, pp. 246-247]. According to Kant's nontrivial philosophy, knowledge of any statement of proper mathematics is *a-priori* knowledge [Kant, 1994, 1996]. Here, also it is worth taking into an account that, according to St. Shanker, as a matter of fact, D. Hilbert "selected as one of the two theses which doctoral candidates were required to defend in public the proposition that the objections to Kant's theory of the a priori nature of arithmetical judgments are unfounded" [Shanker, 1988, pp. 246-247].

Therefore, I guess, that, being a "fully-fleshed out thesis", Hilbert's principle should be formulated as the following pair of conditional statements S1 and S2.

S1. If Kant's philosophy-statement "mathematics is *a priori* knowledge" is true, then, in mathematics, consistency is equivalent to existence.

S2. If Kant's philosophy-statement "mathematics is *a priori* knowledge" is true, then, in mathematics, consistency is equivalent to truth.

As following Kant's philosophy of mathematics, Hilbert had presumed that the antecedents of the two conditionals are obviously true [Lutskanov, 2010, p. 122], [Shanker, 1988, pp. 246-247], he had detached his principle (under the discussion) from the couple of conditionals by *modus ponens*.

In the present article I am to investigate such a nontrivial hypothesis according to which Hilbert's "fully-fleshed-out" principle, namely, conjunction (S1 & S2) is quite true. Thus, I am to vindicate (explain and defend) Hilbert's principle (explicated and interpreted as (S1 & S2)) by means of *formal logic deriving* it (namely, *formal inferring* (S1 & S2)) in a newly constructed (invented) *formal axiomatic theory* $\Phi+\exists$ hitherto never published elsewhere.

It is worth taking into an account here that, according to S2, not only existence, but also truth is necessarily involved into the formulation of Hilbert's principle. Therefore, explicating and vindicating Hilbert's principle requires treating not only *existence as a modality*, but also *truth as a modality*. According to the interesting paper "Truth as Modality" [Wolenski, 2016] and paper "Truth-Logics" [Wright, 1996, p. 71], such an attitude to truth is quite realizable. For more detailed information about the controversy between Frege and Hilbert, readers are advised to make acquaintance with the well-written articles on the theme [Blanchette, 1996, 2007, 2018].

With respect to progressive development of universal philosophical epistemology, I would like to attract special attention of readers to the important possibility significantly *to generalize* the conjunction (S1 & S2), which represents Hilbert's "fully-fleshed-out" principle of philosophy (ontology) of mathematics. I think that abstractly speaking in general, it is quite natural to move from the conjunction (S1 & S2) to the conjunction (S1* & S2*) of the immediately following pair of statements.

S1*. In any knowledge sphere, if knowledge is *a priori*, then consistency is equivalent to existence.

S2*. In any knowledge sphere, if knowledge is *a priori*, then consistency is equivalent to truth.

The sentences $S1^*$ and $S2^*$ are substantial *generalizations* of $S1$ and $S2$, respectively. The conjunction ($S1$ & $S2$) represents Hilbert's "fully-fleshed-out" principle of philosophy (epistemology-and-ontology) of proper mathematics. The conjunction ($S1^*$ & $S2^*$) represents a more fundamental (universal) principle of proper philosophical epistemology-and-ontology.

Universal philosophical epistemology is a proper philosophical theory of *knowledge in general*. Hence, it is to take into an account and to combine consistently both special types of knowledge, namely, *a-priori* and empirical (*a-posteriori*) ones. Also, along with synthesizing the two kinds of knowledge, it is indispensable for the actually *universal* philosophical epistemology to study a *universal* for the two. (Therefore, the significantly new formal axiomatic philosophy theory $\Phi+\exists$ formulated below submits an exact representation of *the universal*.) Certainly, it is necessary for the actually *universal* philosophical epistemology to deal systematically with the *empirical* material (curious *facts* and noteworthy trends of knowledge revision and evolution) systematically studied by the *evolutionary epistemology* [Bradie and Harms, 2020] along with the *history* and methodology of *science*. Initially, the epistemic modal logic – mathematized logic of knowledge had been constructed as a special kind of *normal modal logic* (in that meaning of the term, which had been defined precisely by S. Kripke). Noteworthy discussions of this kind (and stage of evolution) of epistemic modal logic may be found in [Wright, 1951; Hintikka, 1962, 1974; Rendsvig, Symons, Wang, 2023]. Since its creation to our days, the normal modal logic of knowledge has generated many grave paradoxes showing convincingly that the *normal* epistemic modal logic is to be rejected as subjectively counterintuitive and objectively inadequate. I believe that this is so because, for instance, the theorem of "normal" epistemic-modal-logic "If a person knows that p, then p" is in antagonistic contradiction with the well-known *empirical* theory of *evolution of knowledge* implying the intellectually respectable conception of *knowledge revision*. I believe that nowadays there is a strong want to dissolve the mentioned grave paradoxes of *normal*-epistemic-modal-logic by creating (inventing) a qualitatively new multimodal axiomatic formal-philosophy system combining actually universal epistemology with formal axiology and proper philosophical ontology. I guess that it is highly likely that such a novel multimodal axiomatic system of metaphysics would be *not a normal modal logic* system (in that meaning of the term which has been defined by S. Kripke). I guess that within the hypothetical new logically formalized multimodal axiomatic system of epistemology-and-ontology, one can construct a *formal inference* of a formula representing Hilbert's principle in this formalized system. In the present paper, the guess of mine is to be examined by (1) constructing *the formal theory* and (2) by constructing *the formal inference* of the formula representing Hilbert's principle in that formal theory.

2. Methods and Systems to be Applied to the Subject-Matter (Precise Definitions of Basic Notions Necessarily Used for Obtaining Novel Scientific Results)

Below in 2.1 and 2.2, such a substantial portion of my own previously published text is placed which has been already used by me many times, for example, in [Lobovikov, 2020, 2021, 2022, 2023; Лобовиков, 2023а, 2023б]. However, I firmly believe that this is not a scientist-misconduct (author delinquency) labeled "self-plagiarism (understood as *redundant* self-citations combined with *redundant* self-references)". The firm belief of mine is based upon the fact that the below-located

(in sections 2.1 and 2.2) repetition of some significant aspects of my already published texts is *absolutely necessary* for blind-reviewer's and reader's adequate understanding and autonomous rechecking the *substantially new* scientific results *hitherto never published* elsewhere. If the mentioned significant quantity of self-citations and self-references is resolutely cut off (by editor's "Occam razor") and excluded from this article, then the article would become absolutely incomprehensible and unverifiable for the blind-reviewers and readers, consequently, the article would become *not proper scientific* one (according to K. Popper's principle of *falsifiability* of proper scientific statements). Thus, the self-citations and self-references (located in sections 2.1 and 2.2 of the present article) are vindicated by their *emergent necessity* for the *proper scientific* communication. Here I imply the emergent necessity perfectly to introduce the *unhabitual* methods and formal theories (along with the *not-well-known* basic notions) to be utilized indispensably for obtaining novel nontrivial scientific results unpublished hitherto. Evidently, using the word-combination "formal philosophy" in this paper is not a scientific novelty as the word-combination is already used systematically in modern scientific literature, for example, in [Montague, 1960; Thomason, 1974]. However, in the present article, the word-combination "formal philosophy" is used in a substantially different meaning to be clarified by the below-following text (although, certainly, the meanings under comparison are somehow connected in some nontrivial sense).

2.1. A New Formal Multimodal Axiomatic Theory $\Phi+\exists$ (Syntax Aspect)

The multimodal formal axiomatic system $\Phi+\exists$ is an outcome of significant enrichment and generalization of the formal axiomatic *epistemology-and-axiology* theories Σ [Lobovikov, 2020], $\Sigma+C$ [Lobovikov, 2021], $\Sigma+2C$ [Lobovikov, 2022, 2023], and Φ [Лобовиков, 2023а, 2023б]. In the formal theory $\Phi+\exists$ (which substantially generalizes the formal systems Σ , $\Sigma+C$, $\Sigma-2C$, and Φ), proper philosophical *ontology* is united naturally with universal philosophical *epistemology* and with formal *axiology*. In the present article, the result of such synthesizing is applied to philosophical foundations of mathematics in general, and to Hilbert's principle under investigation especially.

For precise defining the formal axiomatic theory $\Phi+\exists$, it is indispensable to begin with precise defining the concepts: "*alphabet* of object-language of $\Phi+\exists$ "; "*term* of $\Phi+\exists$ "; "*formula* of $\Phi+\exists$ "; "*axiom* of $\Phi+\exists$ ". Precise definitions of these concepts of $\Phi+\exists$ *look similar* to the precise definitions of the corresponding concepts of Σ , $\Sigma+C$, $\Sigma-2C$, and Φ , which definitions are already published, respectively, in [Lobovikov, 2020, 2021, 2022, 2023; Лобовиков, 2023а, 2023б]. That is why one can have a strong impression of analogousness (*déjà vu*) and the *illusion* of identity. However, strictly speaking, in this paper, it is indispensable manifestly to give exact definitions of "*alphabet* of object-language of $\Phi+\exists$ ", "*term* of $\Phi+\exists$ ", "*formula* of $\Phi+\exists$ ", and "*axiom* of $\Phi+\exists$ ", notwithstanding the indicated similarity, as the notions "*similarity*" and "*identity*" are *not logically equivalent ones*; the relevant concepts of Σ , " $\Sigma+C$ ", " $\Sigma+2C$ ", and Φ *differ significantly* from the corresponding *similar* concepts of $\Phi+\exists$. Therefore, let us begin accurate formulating the definitions necessary for adequate understanding the article, notwithstanding the false impression that they are mere repetitions of the statements which are already published. Let us start with exact defining the concept "alphabet-of-object-language of formal-theory $\Phi+\exists$ ".

According to the below-given definition (consisting of 11 items), the alphabet-of-object-language of formal-theory $\Phi+\exists$ contains all the symbols which belong to the alphabets of object-languages of formal theories Σ , $\Sigma+C$, $\Sigma-2C$, and Φ . But, generally speaking, the conversion of this statement is not true, because, in $\Phi+\exists$, some very important novel sign is added to the alphabets of object-languages of Σ , $\Sigma+C$, $\Sigma-2C$, and Φ . The result of such a significant change (complementation) is the below-located precise definition of the alphabet-of-object-language of $\Phi+\exists$.

1. The lowercase Latin letters p, q, d (and the same letters possessing lower number indexes) are elements of the alphabet-of-object-language of $\Phi+\exists$. Such and only such lowercase Latin letters are called “*dictum variables*”. In the alphabet of object-language of $\Phi+\exists$, *not all lowercase Latin letters are called dictum variables* because, according to the provided definition, such lowercase Latin letters which are elements of the set {g, b, e, n, x, y, z, a, s, h, t, f} do not belong to the set of *dictum variables* of object-language of $\Phi+\exists$.

2. The lowercase Latin letters a, s, h (and the same letters possessing lower literal indexes: a_m, h_s) are elements of the alphabet of object-language of $\Phi+\exists$. Such and only such lowercase Latin letters are called “*dictum constants*”.

3. The well-known proper (pure) logic symbols $\neg, \supset, \leftrightarrow, \&, \vee$ called, respectively, “classical negation”, “classical (or ‘material’) implication”, “classical equivalence”, “classical conjunction”, “classical not-excluding disjunction” are elements of the alphabet of object-language of $\Phi+\exists$.

4. Elements of the set { $\square, \mathcal{K}, K, A, E, S, G, W, O, B, C, Y, T, F, P, D, U, J$ }, containing the sign \square , the capital Cyrillic letter \mathcal{K} , and some (but not all) capital Latin letters possessing no indexes, belong to the alphabet of object-language of $\Phi+\exists$. Such elements of the alphabet are called “modality symbols” in $\Phi+\exists$. The modality symbol \mathcal{K} belongs *exclusively* to the alphabet of object-language of $\Phi+\exists$. The hitherto investigated formal philosophy systems Σ , $\Sigma+C$, $\Sigma-2C$, and Φ do not have the sign \mathcal{K} in the alphabets of their object-languages.

5. The lowercase Latin letters x, y, z (and the same letters possessing lower number indexes) are elements of the alphabet-of-object-language of $\Phi+\exists$. Such and only such letters are called “*axiological variables*” in $\Phi+\exists$.

6. The lowercase Latin letters “g” and “b” called “*axiological constants*” also belong to the alphabet-of-object-language of $\Phi+\exists$.

7. The capital Latin letters possessing number indexes – $E^1, C^1, K^1, K^2, E^2, C^2, C_j^n, B_i^n, D_m^n, A_k^n, \dots$ belong to the alphabet-of-object-language of $\Phi+\exists$. Such capital Latin letters are called “*axiological-value-functional symbols*”. In these symbols, the upper number index n implies that the axiological-value-functional symbol (indexed by n) is n -placed one. Some axiological-value-functional symbols may have no lower number index. However, when value-functional symbols have lower number indexes, then, when these indexes are different, then the indexed value-functional symbols are different ones.

8. The signs “(” and “)” called “round brackets” belong to the alphabet of object-language of $\Phi+\exists$. These auxiliary signs are exploited in the given paper as usually in mathematical logic, namely, as pure technical symbols.

9. The signs “[” and “]” (called “square brackets”) belong to the alphabet of object-language of $\Phi+\exists$. But, it is worth highlighting here that, in contrast to the “round brackets”, the “square ones” are used in $\Phi+\exists$ not as the pure technical (auxiliary) symbols, but as *ontologically meaningful* signs. Such very odd (unusual, unhabitual) utilizing the “square brackets” is a psychological surprise (difficulty), because, in relation to natural language, round brackets and square ones seem identical and very often are used (in natural language) as synonyms. But, in contrast to natural language, in the artificial object-language of $\Phi+\exists$, the two kinds of brackets have *substantially different* meanings (play *significantly different* roles): exploitation of round brackets is purely technical (auxiliary) one, on the contrary, square-bracketing have an *ontological* meaning. The *ontological* meaning of the nonstandard usage of square-brackets is precisely defined below in that part of the given article which part deals with *semantics* of object-language of $\Phi+\exists$. However, even at the level of pure syntaxis of the object-language of $\Phi+\exists$, square brackets *play an important role* in giving exact definition of/for the notion “formula of $\Phi+\exists$ ”. (Such exact definition is to be provided below in just this very section of the paper.) Moreover, the nonstandard usage of square-brackets *plays a significant role* also in the exact formulations of some axiom-schemes of $\Phi+\exists$ (which formulations are to be provided below also in just this very section of the paper).

10. A very strange complex sign “=+=” (artificially composed of the habitual signs) belongs to the alphabet of object-language of $\Phi+\exists$. The sign “=+=” is called (a symbol of) “*formal-axiological equivalence*”. The very odd compound symbol “=+=” *plays a very important role* in the exact definition of “formula of $\Phi+\exists$ ” and also in the exact formulations of some axiom-schemes of $\Phi+\exists$.

11. A sign belongs to the alphabet of object-language of $\Phi+\exists$, then and only then, when the sign is an element of this alphabet owing to the above-located points 1) – 10) of the given definition.

Any finite sequence (train) of symbols is called “an *expression* of the object-language of $\Phi+\exists$ ”, if and only if that sequence contains such and only such symbols which belong to the alphabet of object-language of $\Phi+\exists$.

An exact definition of the notion “*term* of $\Phi+\exists$ ” is the following.

1. The above-listed *axiological variables* (see the above-located definition of alphabet of $\Phi+\exists$) are terms of $\Phi+\exists$.

2. The above-indicated *axiological constants* (see the above-provided definition of alphabet of $\Phi+\exists$) are terms of $\Phi+\exists$.

3. If Φ_k^n is some *n-placed value-functional symbol* (mentioned in the above-located definition of alphabet of $\Phi+\exists$), and t_i, \dots, t_n are *terms* of $\Phi+\exists$, then any expression possessing the form $\Phi_k^n t_i, \dots, t_n$ is a term of $\Phi+\exists$. (Here, it is worth taking into an account that symbols t_i, \dots, t_n belong to the meta-language because they denote *any* terms of $\Phi+\exists$; the similar remark is worth making in connection with the symbol Φ_k^n , which also belongs to the meta-language of $\Phi+\exists$.)

4. Any expression, belonging to the object-language of $\Phi+\exists$, is a term of $\Phi+\exists$, if and only if this is so owing to the above-formulated points 1) – 3) of the present definition.

Thus, the purely *syntactic* aspect of the abstract concept “*term* of $\Phi+\exists$ ” is perfectly fixed. Therefore, now it is quite opportune to go to precise definining the purely *syntactic* aspect of the abstract concept “*formula* of $\Phi+\exists$ ”. To perform this correctly, let us accept the agreement that

in the present paper, lowercase Greek letters α , β , and ω (which belong to meta-language of $\Phi+\exists$) denote *any* formulae of $\Phi+\exists$. Keeping this agreement in mind, it is possible to construct the below-located exact definition of the concept “formula of $\Phi+\exists$ ”.

1. All such lowercase Latin letters which are named “*dictum variables*”, and also all such lowercase Latin letters which are named “*dictum constants*”, are elements of the set of formulae of $\Phi+\exists$.

2. If α and β are formulae of $\Phi+\exists$, then all such expressions of the object-language of $\Phi+\exists$, which (expressions) possess the logic-forms $(\alpha \& \beta)$, $(\alpha \vee \beta)$, $(\alpha \supset \beta)$, $(\alpha \leftrightarrow \beta)$, $\neg\alpha$, are elements of the set of formulae of $\Phi+\exists$ as well.

3. If t_i and t_k are terms of $\Phi+\exists$, then $(t_i = t_k)$ is a formula of $\Phi+\exists$.

4. If t_i is a term of $\Phi+\exists$, then $[t_i]$ is a formula of $\Phi+\exists$.

5. If α is a formula of $\Phi+\exists$, and the sign Ψ (which belongs to the meta-language of $\Phi+\exists$) denotes any modality-symbol belonging to the set $\{\square, \mathcal{K}, K, A, E, S, T, F, P, D, C, Y, G, W, O, B, U, J\}$, then all such expressions of object-language of $\Phi+\exists$, which possess the form $\Psi\alpha$, are formulae of $\Phi+\exists$. Here, it is worth keeping in mind, that, strictly speaking, the expression having form $\Psi\alpha$ is not a formula of $\Phi+\exists$, but a scheme of formulae of $\Phi+\exists$.

6. Finite successions (trains, tails) of signs belonging to the alphabet of object-language of $\Phi+\exists$ are formulae of $\Phi+\exists$, when and only when this is so owing to the points 1) – 5) of the present definition.

This special part of the paper is deliberately reduced exclusively to *syntactic* meanings of expressions of object-language of the formal axiomatic philosophy theory $\Phi+\exists$. Therefore, the set of modal symbols $\{\square, \mathcal{K}, C, Y, G, W, K, E, A, S, O, B, U, J, T, F, P, D\}$ is considered here as nothing but a set of extremely short *names*. The sign \square is a name for the well-known modality “it is *necessary* that ...” The sign (Cyrillic letter) \mathcal{K} is a name of/for the *newly* introduced philosophical-ontology modality “what is indicated-and-described by the *dictum* (affirmation) ..., *exists*”. Thus, the *ontological* modality \mathcal{K} is a *de dicto* modality. According to the tradition, modalities *de-dicto* are glued to a *dictum*. It is a statistical norm that, from the Latin language, the word “*dictum*” is translated as an “assertion, or affirmation (or statement, or sentence, or judgement)”. However, in principle, there is such a heuristically important possibility of substantial *generalization* of the traditional meaning of the word “*dictum*”, according to which (generalization) any theoretical (deductive) system may be also considered as a *dictum*. Thus, by the substantially generalized definition accepted and used systematically in this article, (in general) *dictum* is either a proposition or a theory. According to its traditional meaning, *dictum* is “what is affirmed (asserted, stated)”, but a proper theory also can be considered as “what is affirmed (asserted, stated)”. Here it is worth emphasizing that the sign \mathcal{K} (standing for the ontological modality *de dicto*) does not belong to the alphabets of artificial languages of Σ , $\Sigma+C$, $\Sigma-2C$, and Φ . The theory $\Phi+\exists$ is a result of adding the sign \mathcal{K} to the set of modality symbols belonging to the alphabet of object-language of Φ .

The signs K, E, A, S, T, F, P, D, Y, C, respectively, stand for the modal expressions “person *Knows* that...”, “person *Empirically (a-posteriori) knows* that...”, “person *A-priori knows* that...”, “in some fixed time-and-space, under some special conditions, a person has a *Sensation*”

(either by means of some instruments, or immediately), that...”, “it is *True* that...”, “person has *Faith* that... (or person believes that...)”, “in a consistent theory, it is *Provable* that...”, “an algorithm exists for *Deciding* that... (consequently, there is a possibility of/for constructing a machine for such *Deciding*)”, “it is *Complete* that ...”, “it is *Consistent* that ...”

The signs G, W, O, B, U, J, respectively, stand for the modal expressions “it is *Good* (perfect in moral sense) that...”, “it is *Wicked* (bad in moral sense) that...”, “it is *Obligatory* (or it is a duty) that ...”, “it is *Beautiful* (perfect in aesthetic sense) that ...”, “it is *Useful* (beneficial) that ...”, “it is a *Joy* (mirth, pleasure, gladness, happiness, sunshine) that ...”. In this special part of the paper, purely syntactic meanings of the modal symbols are introduced and defined precisely by the below-provided schemes of own (proper) formal-philosophy axioms of the multimodal epistemology-and-axiology-and-ontology system $\Phi+\exists$. Certainly, the mentioned axiomatic definition is indirect (not manifest) one, but, nonetheless, it is quite precise and sufficient for rational philosophizing.

In this formal philosophy system, the proper (own) axioms of philosophical *ontology*, universal epistemology, and formal axiology are added to pure formal-logic axioms which (logic-axioms) are evidently *similar* (analogous) to the ones of classical formal logic of propositions. Thus, pure formal-logic axioms and formal-logic-inference rules of Σ , $\Sigma+C$, $\Sigma-2C$, and $\Phi+\exists$ are significantly *analogous* to the ones of classical propositional logic calculus. Certainly, the reference to the essential *similarity* is not a perfect definition, therefore, below I define the set of pure formal logic axioms of $\Phi+\exists$ rigorously by the following schemes of formulae SLA-1, SLA-2, SLA-3. If α , β , and ω are formulae of $\Phi+\exists$, then the below-placed schemes of formulae of $\Phi+\exists$ are schemes of pure logic axioms of $\Phi+\exists$. (Here “SLA” is an abbreviation of “sentential logic axiom”).

SLA-1: $\alpha \supset (\beta \supset \alpha)$.

SLA-2: $(\alpha \supset (\beta \supset \omega)) \supset ((\alpha \supset \beta) \supset (\alpha \supset \omega))$.

SLA-3: $(\neg\alpha \supset \beta) \supset ((\neg\alpha \supset \neg\beta) \supset \alpha)$.

By definition, $\Phi+\exists$ contains only one formal-logic derivation-rule, namely, “MP (*modus ponens*)”. It is formulated as usually: if α and β are formulae of $\Phi+\exists$, then $\alpha, (\alpha \supset \beta) \vdash \beta$. (As usually, the symbol “... \vdash ...” stands for “in $\Phi+\exists$, from ... it is formally-logically derivable that...”.) In spite of the fact that, in the definition of $\Phi+\exists$, only one formal-logic inference-rule is mentioned, there is possibility deductively to derive and systematically to exploit also *additional* logic-inference-rules formally derivable in the classical sentential logic.

It is worthy of being highlighted here that, strictly speaking, SLA-1, SLA-2, SLA-3, are outcomes of a significant *innovation* (substantially helpful one) in the classical sentential-logic axioms; the above-introduced *dictum variables* have replaced the corresponding sentential ones. As to the habitual definitions of the well-known additional logic-connectives, and the habitual logic-inference-rules (*modus ponens* and all handy derivative ones), the mentioned innovation (generalization) is to be kept in mind as well.

When I talk of the additional logic-connectives, I mean the logic-connectives represented by symbols $\&$, \vee , and \leftrightarrow , which are used systematically in the below-submitted axiom-schemes of $\Phi+\exists$ and in the formal inferences (in $\Phi+\exists$) under construction and discussion in this article. Above, only \neg and \supset are defined by SLA-1, SLA-2, SLA-3, although \vee , $\&$, and \leftrightarrow are used in this

paper as well. Therefore, strictly speaking, here-now, it is indispensable accurately to determine meanings of \vee , $\&$, and \leftrightarrow , by the following definitions Def(a), Def(b), Def(c), respectively.

Def(a): $(\alpha \vee \beta)$ stands for $((\neg\alpha) \supset \beta)$.

Def(b): $(\alpha \& \beta)$ stands for $(\neg((\neg\alpha) \vee \neg\beta))$.

Def(c): $(\alpha \leftrightarrow \beta)$ stands for $((\alpha \supset \beta) \& (\beta \supset \alpha))$.

The purely-logical axiom-schemes SLA-1, SLA-2, SLA-3, the relevant definitions of supplementary logic connectives, and the logic-derivation-rules (the famous “*modus ponens*” and all possible *derivative* logic-inference-rules) are applicable to all formulae of formal systems Σ , $\Sigma+C$, $\Sigma-2C$, Φ , and $\Phi+\exists$. Hence, the formal-logical foundations of Σ , $\Sigma+C$, $\Sigma-2C$, Φ , and $\Phi+\exists$ are absolutely identical but the mentioned formal axiomatic systems grounded upon these utterly identical pure-logic foundations are qualitatively different. It actually *seems* that, corresponding definitions of formal theories Σ , $\Sigma+C$, $\Sigma-2C$, Φ , and $\Phi+\exists$ are absolutely identical, but it *only seems* so, as the absolute identity is a truthlike illusion. The impression of absolute identity of the formal theories is a gravely misleading mistake because, strictly speaking, Σ , $\Sigma+C$, $\Sigma-2C$, Φ , and $\Phi+\exists$ have different object-language alphabets and, consequently, different sets of expressions (of the artificial languages), different sets of terms (and, consequently, different sets of formulae), different sets of proper axioms, and, consequently, different sets of theorems. Thus, even at the level of syntax, Σ , $\Sigma+C$, $\Sigma-2C$, Φ , and $\Phi+\exists$ are qualitatively different formal theories.

In the present section of the paper, the *syntactic* meanings of the modality signs and of the other symbols belonging to the alphabet of object-language of $\Phi+\exists$ are defined precisely by the below-located list (AX-1 – AX-11) of schemes of proper-philosophy (ontology, epistemology, axiology) axioms of $\Phi+\exists$. (Obviously, the *axiomatic* definition of proper-philosophy notions, namely, universal epistemological, ontological and axiological concepts is *not a manifest* definition. Notwithstanding, it is *perfectly exact* one.) When α, β, ω are formulae of $\Phi+\exists$, then all such (and only such) expressions of the object-language of $\Phi+\exists$, which have the following logic forms, are *proper-axioms* of $\Phi+\exists$.

Axiom scheme AX-1: $A\alpha \supset (\Omega\beta \supset \beta)$. It is worth emphasizing here that, in $\Phi+\exists$, AX-1 is significantly more universal one than in Σ , $\Sigma+C$, and $\Sigma+2C$.

Axiom scheme AX-2: $A\alpha \supset (\Omega(\omega \supset \beta) \supset (\Omega\omega \supset \Omega\beta))$. Also, it is worth emphasizing here that, in $\Phi+\exists$, AX-2 is significantly more universal one than in Σ , $\Sigma+C$, and $\Sigma+2C$.

Axiom scheme AX-3: $A\alpha \leftrightarrow (K\alpha \& (\neg\Diamond\neg\alpha \& \neg\Diamond S\alpha \& \Box(\beta \leftrightarrow \Omega\beta)))$.

Axiom scheme AX-4: $E\alpha \leftrightarrow (K\alpha \& (\Diamond\neg\alpha \vee \Diamond S\alpha \vee \neg\Box(\beta \leftrightarrow \Omega\beta)))$.

Axiom scheme AX-5: $\Omega\alpha \supset \Diamond\alpha$. (This is a significant *generalization* of the so-called “Kant principle” linking the deontic modality with the alethic one: $O\alpha \supset \Diamond\alpha$).

Axiom scheme AX-6: $(\Box\beta \& \Box\Omega\beta) \supset \beta$. (This is a significant *generalization* of the very important formula $(\Box\beta \supset \beta)$, which is logically underivable in $\Phi+\exists$).

Axiom scheme AX-7: $(t_i = += t_k) \leftrightarrow (G[t_i] \leftrightarrow G[t_k])$.

Axiom scheme AX-8: $(t_i = += g) \supset \Box G[t_i]$.

Axiom scheme AX-9: $(t_i = += b) \supset \Box W[t_i]$.

Axiom scheme AX-10: $(G\alpha \supset \neg W\alpha)$.

Axiom scheme AX-11: $(W\alpha \supset \neg G\alpha)$.

Definition scheme DF-1: when ω is a formula of $\Phi+\exists$, then $\diamond\omega$ is a *name of/for* $\neg\Box\neg\omega$.

In AX-1, AX-2, AX-3, AX-4, AX-5, and AX-6, the sign Ω (belonging to the meta-language of $\Phi+\exists$) denotes a (any) “*perfection modality*” exclusively. Not all the above-listed modalities are called “*perfection ones*”. (One may call them just “*perfections*”.) The set Δ of signs standing for *perfection-modalities* is the following $\{\mathcal{K}, K, D, F, C, Y, P, J, T, B, G, U, O, \Box\}$. Evidently, Δ is only a subset of the above-listed set of all symbols denoting modalities under discussion in this paper. For example, W and \diamond are signs of such modalities, which are not *perfections*.

Including \mathcal{K} into the set Δ of *perfection-modalities* is quite natural as, certainly, “being (existence)” is an important *perfection*. For instance, “being (existence)” is an essential *perfection* (and one of the *names*) of God [Corrigan, Harrington, 2023; Ершов, Самохвалов, 2007, pp. 118-131; Descartes, 1970; Hartshorne, 1962, 1965; Janowitz, 1991; Logan, 2009; Nolan, 2021; Oppenheimer, Zalta, 1991; Oppy, 2023; Parsons, 1980; Pseudo-Dionysius Areopagite, 1980; Reicher, 2022; Williams, 2023]. That is why some well-known *ontological* proofs of God’s *existence* have been based upon the general presumption that what does not exist, is not perfect. Including modal symbols C and Y into the set Δ (composed of *perfection-modalities* exclusively) is also quite reasonable as “consistency” and “completeness” are very important *perfections* of any proper theoretical system [Тарский, 1948, с. 185-186]. The inclusion of “consistency” and “completeness” into the set of *perfections*, is in accordance (harmony) with the quite adequate and well-demonstrated general idea of *normativeness* of deductive discourse and, in particular, of treating consistency and completeness as the *standards (norms)* of deductive thinking [Целищев, 2004а, 2004б, 2005].

From the viewpoint of *formal modal logic* of values, preferences, and assessments, the axiom schemes AX-10 and AX-11 are quite clear and obvious. In contrast to them, the almost unknown (extraordinary, aunhabitual) nontrivial axiom-schemes AX-7, AX-8, AX-9 represent not the symbolic *formal logic* of evaluative modalities but a symbolic *formal axiology* – general theory of abstract-value-forms of any (either existing or not-existing) things. (This is an option of systematical rationalizing Meinongianism, or a special kind of its being quite consistent.) The concept “symbolic *formal-logic*” is not identical (logically) to the concept “symbolic *formal-axiology*”, hence, “formal-logic inconsistency” and “formal-axiological inconsistency” are not synonyms.

Obviously, in any concrete relation to that world, which is external to $\Phi+\exists$, the above-submitted precise *syntactic* definitions make no sense; they are *semantically meaningless*. However, this is not a default (delinquency) committed by negligence; this is a quite consciously accepted scientific abstraction. The deliberately established (allowed) scientific abstraction is quite resonable, if and only if, the realm of its adequateness is well-defined. Hence, for making this paper quite meaningful one, I am to move now from the above-defined *syntax* to a hitherto not defined *semantics* of the artificial language of $\Phi+\exists$.

2.2. Defining semantics of the formal axiomatic philosophy system $\Phi+\exists$ synthesizing ontology with epistemology and axiology

The above-placed section 2.1 of this paper, presents the *purely syntactic* definition of $\Phi+\exists$ which has been intentionally deprived of its relevant philosophical contents (due to the accepted scientific abstraction). The formal-philosophy axiomatic system $\Phi+\exists$ is a *multimodal* one, but hitherto concrete contents of the modalities under consideration have been revealed not sufficiently; the theory $\Phi+\exists$ has been considered as an exactly *formal* theory. Now, in the given part of the paper, namely, in the section 2.2, I am to relax the formality of $\Phi+\exists$ by shifting immediately to *concrete philosophical contents* of the above-mentioned modalities studied in $\Phi+\exists$. In the present paper it is implied that semantic meanings of the habitual artificial-language signs of classical symbolic logic are already introduced and well-defined owing to relevant handbooks. As the quite clear semantic meanings of the relevant proper-logic symbols are well-known, it is redundant to define them here. But, such unusual (inhabitual, perhaps, very odd) signs of the artificial language of $\Phi+\exists$, which are exploited systematically in the proper-philosophy-axioms (ones of epistemology, ontology, etc.), require special introduction and precise definition of their semantic meanings.

Meanings of the lowercase Latin letters q , p , d (and of the same letters possessing lower number indexes) named “*dictum-variables*” are analogous to the meanings of the habitual “*propositional variables*”. But there is a substantial difference: in $\Phi+\exists$, values of “*dictum variables*” belong to the set of *dictums*, to which (set) not only all true or false *sentences* (statements) but also all true or false theories (logically organized systems of propositions) belong. Thus, generally speaking, the dictum-variables range over the set of either true or false dictums. If an interpretation of $\Phi+\exists$ is provided (well-defined), then a *dictum-constant* means (in the given interpretation) quite a definite (perfectly fixed) element from the set of dictums, namely, either a concrete true or false sentence (statement) or a concrete true or false theory.

According to the habitual (statistical) linguistic norm (custom rule), from the Latin language, “*dictum*” is to be translated as “an expression of (a thought ...) in words”, for example, as “a proposition (sentence) q ”, or “an affirmation of (...)”. But, there is a heuristically important possibility deliberately to shift from “affirmation of (a proposition ...)” to a *significantly more general* “affirmation of (a proposition ..., or a theory ...)” as along with uttering separate statements, one can affirm also a theory (logically organized system of statements). As the indicated innovative generalization is accepted, in this paper, it is presumed (as a hypothesis worthy of investigation) that a theory is also a dictum. Hence, attaching *de-dicto*-modalities Ж (existence), С (consistency), Т (truth), Y (completeness), and D (decidability) to theories is vindicated in $\Phi+\exists$. Relevant information of modalities *de-dicto* and *de-re*, along with interesting philosophical discussing their interconnections, can be found, for example, in [Кнеале, 1962; Целищев, 1978].

Defining semantic meanings of formal-language-expressions is defining an *interpretation-function*. For defining the interpretation-function, it is necessary to define precisely: (1) such a set which is called “realm (or domain) of interpretation” (hereafter the letter M denotes the set which is the domain of interpretation); (2) an “assessor (valuator)” V . If a standard interpretation of $\Phi+\exists$

is fixed, then, by definition, M is such a set, each element of which possesses: (1) one and only one proper *axiological value* belonging to the set {good, bad}, and (2) one and only one proper *ontological value* belonging to the set {exists, not-exists}.

The *axiological variables* ($x, y, z, x_k, y_m, z_i, \dots$) take their values from the domain of interpretation (M).

The *axiological constants* “b” and “g” denote abstract *axiological values* “bad” and “good”, respectively.

Valuating an element belonging to M by a definite (fixed) assessor V is nothing but ascribing an *axiological value* to the element. The assessor V may be either an individual or a collective (it does not matter). Certainly, any change of V can result in a change of some (relative) evaluations, nevertheless, such mutations cannot change the set of absolutely immutable formal-axiological laws of two-valued algebra of metaphysics (as formal axiology), which absolutely universal laws are not relative but absolute moral evaluations. The laws in question are *constant valuation-functions* possessing the axiological value “good” under any combination of the values of their arguments. Although V is such a *variable*, values of which belong to the set of all possible assessors (interpreters), any well-defined interpretation of $\Phi+\exists$ necessarily implies that the value of assessor-*variable* V is fixed. Any change of value of V means a change of interpretation.

In the given paper, “e” and “n” denote “... exists” and “... not-exists”, respectively. The lowercase Latin letters “e” and “n” are called “*ontological constants*”. In any standard interpretation of $\Phi+\exists$, by definition, one and only one element of the four-element-ed set $\{\{g, n\}, \{g, e\}, \{b, n\}, \{b, e\}\}$ corresponds to every element of the domain of interpretation (the above-introduced set M). That is why $\Phi+\exists$ may be considered as a formal semantic representation (discrete mathematical model) of an important truth existing in “Meinong’s jungles” [Meinong, 1960; Russell, 1905, 1941, 1992; Jacqueline, 1996, 1997, 2015; Marek, 2022; Parsons, 1980, 1982; Perszyk, 1993; Berto, 2012; Berto and Priest, 2014; Routley, 1980; Zalta, 1983]. The lowercase Latin letters “e” and “n” belong to the alphabet of meta-language. They do not belong to the alphabet of object-language of $\Phi+\exists$, according to the above-given definition (of the alphabet). Notwithstanding, “e” and “n” are represented in the object-language of $\Phi+\exists$ *indirectly* by means of *square-bracketing*: the *ontological* statement-form “ t_i exists” is represented by formula $[t_i]$; the *ontological* statement-form “ t_i does not exist” is represented by formula $\neg[t_i]$. This implies that square-bracketing is a very important aspect of precise defining the proper philosophical *semantics* of $\Phi+\exists$.

In my opinion, the above-said (of “ t_i exists” and “ t_i does not exist”) is an adequate formal semantic representation of the extraordinary doctrine uniting existent and non-existent objects in one system of philosophical ontology [Fine, 1984, 1985; Hintikka, 1984; Jacqueline, 1996, 1997, 2015; Marek, 2022; Parsons, 1980, 1982; Perszyk, 1993; Priest, 2005; Reicher, 2022; Smith, 1985; Zalta, 1983].

N -placed terms of $\Phi+\exists$ are interpreted as n -placed evaluation-functions defined on the set M . The notion “one-placed evaluation-function” is exemplified below by the Table 1. (It is relevant to recall here that the upper index 1 standing immediately after a capital letter means that this letter stands for a one-placed evaluation-function).

Table 1

Definition of the evaluation-functions determined by one evaluation-argument

x	B_1^1x	N_1^1x	U_1^1x	A_1^1x	C_1^1x	I_1^1x	Z_1^1x	S_1^1x	G_1^1x	P_1^1x	H_1^1x	C_2^1x	I_2^1x
g	g	b	b	g	g	b	b	b	g	g	b	g	b
b	b	g	b	g	b	g	b	b	g	b	g	b	g

In the Table 1, the one-placed term B_1^1x is interpreted as *one-placed evaluation-function* “being (existence) of (what, whom) x ”; the term N_1^1x is interpreted as *evaluation-function* “non-being (nonexistence) of (what, whom) x ”. U_1^1x – “absolute non-being of (what, whom) x ”. A_1^1x – “absolute being of (what, whom) x ”. C_1^1x – “consistency of (what, whom) x ”, or “ x ’s being consistent”. I_1^1x – “inconsistency of (what, whom) x ”, or “ x ’s being inconsistent”. Z_1^1x – “a formal-axiological contradiction (what, who) x ”, or “ x ’s being absolutely inconsistent”. S_1^1x – “ x ’s formal-axiological self-contradiction”. G_1^1x – “absolute goodness of (what, whom) x ”, or “absolutely good (what, who) x ”. P_1^1x – “positive evaluation of (what, whom) x ”. H_1^1x – “negative evaluation of (what, whom) x ”. C_2^1x – “completeness of (what, whom) x ”. I_2^1x – “incompleteness of (what, whom) x ”.

The notion “two-placed evaluation-function” is instantiated by the below Table 2. (In this paper, the upper index 2 standing immediately after a capital letter means that this letter stands for a two-placed function; difference of lower number-indexes means difference of the relevant symbols, for example, in the above-presented Table 1, C_1^1x and C_2^1x are different symbols.)

Table 2

Definition of the evaluation-functions determined by two arguments

x	y	K^2xy	S^2xy	X^2xy	T^2xy	Z^2xy	P^2xy	C^2xy	E^2xy	V^2xy	N^2xy	Y^2xy
g	g	g	b	b	b	b	g	g	g	b	b	g
g	b	b	g	b	b	b	g	b	b	g	b	g
b	g	b	g	g	g	g	b	g	b	g	b	g
b	b	b	g	b	b	b	g	g	g	b	g	b

In the Table 2, the two-placed term K^2xy is interpreted as evaluation-function “being of both x and y together”, or “joint being of x with y ”. S^2xy is interpreted as “separation, divorcement between x and y ”. The term X^2xy – evaluation-function “ y ’s being without x ”, or “joint being of y with nonbeing of x ”. T^2xy – “termination of x by y ”. Z^2xy – “ y ’s contradiction to (with) x ”. P^2xy – “preservation, conservation, protection of x by y ”. C^2xy is interpreted as evaluation-function “ y ’s existence, presence in x ”. E^2xy – “equivalence, identity (of values) of x and y ”. V^2xy – “choosing and realizing such and only such an element of the set $\{x, y\}$, which is: 1) the best one, if both x and y are good; 2) the least bad one, if both x and y are bad; 3) the good one, if x and y have opposite values. (Thus, V^2xy means an excluding choice and realization of only the optimal between x and y .) The term N^2xy is interpreted as evaluation-function “realizing neither x nor y ”. Y^2xy is interpreted

as evaluation-function “realizing a *not-excluding-choice* result, i.e. 1) *realizing K^2xy if both x and y are good*, and 2) *realizing V^2xy otherwise*”. Additional exemplifications of “*two-placed evaluation-function*” may be found in [Lobovikov, 2020, 2021, 2022, 2023].

To avoid possible misunderstanding this article, now it’s timely to emphasize that in a standard interpretation of $\Phi+\exists$, the symbols V^2xy , C^2xy , K^2xy , E^2xy , C_1^1x , B_1^1x , N_1^1x stand not for some predicates but for some n -placed *evaluation-functions*. If an interpretation of $\Phi+\exists$ is given, then the expressions of object-language of $\Phi+\exists$, which (expressions) possess the forms $(t_i=+=b)$, $(t_i=+=g)$, $(t_i=+=t_k)$, are representations of some *predicates* in $\Phi+\exists$.

According to the definition of semantics of $\Phi+\exists$, if t_i is a term of $\Phi+\exists$, then, if a formula of $\Phi+\exists$, possessing the form $[t_i]$, is interpreted, then the mentioned formula represents (in the given interpretation) an *either false or true proposition* having the form “ t_i exists”. Thus, according to the definition, in any standard interpretation, any formula $[t_i]$ is true then and only then, when t_i possesses the *ontological value* “e (exists)” in the given interpretation. Also, in any standard interpretation of $\Phi+\exists$, any formula $[t_i]$ is false, then and only then, when t_i possesses the ontological value “n (not-exists)” in the given interpretation.

By definition of semantics of $\Phi+\exists$, in a standard interpretation of $\Phi+\exists$, the formula scheme $(t_i=+=t_k)$ is a proposition possessing the form “ t_i is *formally-axiologically equivalent* to t_k ”; this proposition is true if and only if (in that interpretation) the terms t_i and t_k obtain identical *axiological values* (from the set {good, bad}) under any possible combination of *axiological values* of their *axiological variables*.

By definition of semantics of $\Phi+\exists$, in a standard interpretation of $\Phi+\exists$, the formula scheme $(t_i=+=b)$ is a proposition having the form “ t_i is a *formal-axiological contradiction*” (or “ t_i is *formally-axiologically, or invariantly, or absolutely bad*”); this proposition is true if and only if (in that interpretation) the term t_i acquires axiological value “bad” under any possible combination of axiological values of the axiological variables.

By definition of semantics of $\Phi+\exists$, in a standard interpretation of $\Phi+\exists$, the formula scheme $(t_i=+=g)$ is a proposition having the form “ t_i is a *formal-axiological law*” (or “ t_i is *formally-axiologically, or invariantly, or absolutely good*”); this proposition is true if and only if (in the interpretation) the term t_i acquires *axiological value* “good” under any possible combination of axiological values of the axiological variables.

In respect to the above-given definition of semantic meaning of $(t_i=+=t_k)$ in $\Phi+\exists$, it is indispensable to highlight the important linguistic fact of homonymy of the words “is”, “means”, “implies”, “entails”, “equivalence” in natural language. On the one hand, in natural language, these words may have the well-known formal logic meanings. On the other hand, in natural language, the same words may stand for the above-defined *formal-axiological-equivalence* relation “=+=”. This ambiguity of natural language is to be taken into an account; the different meanings of the homonyms are to be separated systematically; otherwise the homonymy can head to logic-linguistic illusions of paradoxes.

Due to the above-given definition of proper philosophical semantics (formal-axiological-and-ontological one) of/for the formal theory $\Phi+\exists$, readers can easily recognize that the above-formulated two-valued algebraic system of formal axiology plays the role of such abstract *theory-*

of-relativity of evaluations, in which (relativity theory), the *laws* (*formal-axiological* ones) of that algebraic system are nothing but constantly-good evaluation-functions. In other words, the absolutely universal and immutable evaluation-relativity laws are *invariants* with respect to all possible transformations of assessor (interpreter) V.

Thus, in spite of the obvious fact that relativity and impermanence (volatility) of proper-empirical valuations does exist in the sensory material world, the valuation-invariants (which are absolutely immutable universal laws of valuation-relativity) also do exist [Lobovikov, 2020].

2.3. Conditions of Truth of Formulae of the Theory $\Phi+\exists$ in the Standard Model of It

In relation to the nontrivial problem (sharply formulated in the radical logic empiricism, for instance, by A. Ayer) of proper logic (truth-related) status of moral *evaluations* – judgements of moral *value* (which are *either good or bad moral acts* in accordance with the two-valued *algebra of formal ethics*), it is worth attracting special attention to the *formal-axiological equivalences* ($B_1^1x =+= x$) and ($P_1^1x =+= x$), where meanings of *terms* x , B_1^1x , and P_1^1x belong to the above-defined set M (called “domain of interpretation”), every element of which acquires one and only one of the four values which are elements of the four-element-ed set of two-element-ed sets $\{\{g, e\}, \{g, n\}, \{b, n\}, \{b, e\}\}$. (Perhaps, here it is worth reminding that: “g” means “good”; “e” means “exists”; “n” means “not exists”; “b” means “bad”).

From the viewpoint of the above-said, it is easy to see that the *formal-axiological equivalences* ($P_1^1x =+= x$) and ($B_1^1x =+= x$) are *similar* to (or are *analogues* of/for) the famous *formal-logical equivalence* ($Tp \equiv p$), systematically discussed in A. Tarsky logic semantics. However, in this connection, it is important to keep in mind that, generally speaking, *similarity (analogy) is not an identity*. Generally speaking, analogousness (similarity) relation is not transitive, consequently, it is not an equivalence relation. According to A. Ayer, M. Schlick, and many other representatives of logic positivism, in *logic as truth theory*, strictly speaking, *judgements of values* (moral, aesthetic, religious, etc.) *are neither true nor false* [Айер, 2010, с. 35-38, 147-172], consequently, from the viewpoint of *proper logic* semantics, they are *meaningless* [Там же, с. 35-38, 45-63, 102-124, 147-172].

However, the logically formalized theory $\Phi+\exists$ is not a *pure logic* system, i.e. *only* logic and nothing more than logic. $\Phi+\exists$ is an outcome of *application* of logic to what is not logic but has *own proper* axioms (epistemological, axiological, et al).

Moreover, the theory $\Phi+\exists$ is *multimodal* one (truth and falsity are placed in it among many other qualitatively different species of modalities, and are considered along with the modalities of *values* (for instance, *ethic goodness, wickedness, and other ones*).

To exclude possible confusions and misunderstandings of the following, it is worth highlighting here that “t” without indexes stands in this article for “true”, while “t” with a lower literal index stands for a *term*.

In semantics of the language of $\Phi+\exists$, truth of moral *assessment* (i.e. judgement of moral *value*) $G[t_i]$ is defined precisely by the *formal-logical tantamount-ness*: ($(G[t_i]$ acquires logic value “t”) \equiv (term t_i acquires *axiological* value “g”). Hereafter, the symbol “ \equiv ” stands for the well-known

semantic relation of *formal-logical equivalence* (coincidence of logic values). The above-provided *formal-logical tantamount-ness* (playing the role of fundamental *definition* accepted in this article) explicates (precisely determines) semantic meaning of the modal expression $G[t_i]$ of the artificial language of $\Phi+\exists$.

Taking into account all the above-said, conditions of truth of formulae in standard model of formal theory $\Phi+\exists$ are defined in this article as follows:

- I. ((formula $[t_i]$ has logic value “t”) \equiv (term t_i has ontological value “e”).
- II. ((formula $G[t_i]$ has logic value “t”) \equiv (term t_i has axiological value “g”).
- III. ((formula $W[t_i]$ has logic value “t”) \equiv \neg (term t_i has axiological value “g”).
- IV. For any formula α , formula $K\alpha$ has logic value “t”, if and only if, either it is true that $E\alpha$, or it is true that $A\alpha$. Here, the connective “either ..., or ...” denotes the strict (exclusive) disjunction. Hence, there is a possibility to utilize the below-provided hexagon containing the square of opposition for graphic modelling (visualizing) the system of semantic (truth-related) logical interconnections among the *epistemic* modalities K, A, E , while defining conditions of truth of formulae of the theory $\Phi+\exists$ in a standard model of it.

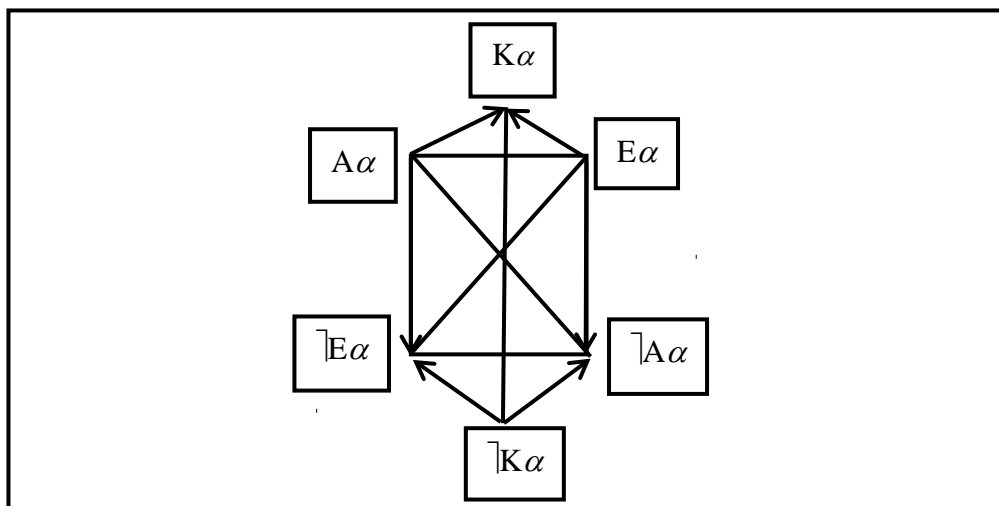

Fig. 1. The hexagon and logical square of opposition of epistemic modalities

In perfect accordance with the well-known traditional formal logic, in Fig. 1, the upper horizontal line models graphically the *contrariety* relation; the bottom horizontal line models graphically the *sub-contrariety* relation; the lines crossing the square represent graphically the *contradictoriness* relations. The *logic consequence* relations are visually modeled by arrows. In relation to the epistemic modalities, all the formal-logic semantic (truth-related) rules of the traditional formal-logic-square are valid. The pedagogically and heuristically fruitful idea of graphic modelling proper logic aspect of abstract concept systems by means of the logic square and hexagon has been known and used systematically since ancient times; nowadays, plenty of *qualitatively new* interpretations of this old idea are invented and exploited. Its above-provided *epistemic modality interpretation*, namely, Fig. 1 has been suggested originally in [Лобовиков, 2014, с. 68; Лобовиков, 2016, с. 50].

According to the present article, in a standard model of formal theory $\Phi+\exists$, conditions of truth of/for such formulae, which contain the expression $E\alpha$, are defined as follows:

- V. For any formula α , if it is true that $E\alpha$, then it is true that $K\alpha$.
- VI. For any formula α , if it is true that $\diamond S\alpha$, then it is true that $E\alpha$. This is a representation (in semantics of $\Phi+\exists$) of the requirement of positivist methodology of science, according to which (requirement), proper *empirical* knowledge must be sensually *verifiable at least in principle* [Айер, 2010, с. 13-29, 48-52]. It is easy to notice that the given representation (modelling) of verification-ism significantly differs from the original (here I imply the significant difference between *necessary* and *sufficient* conditions of/for *empirical-ness* of knowledge).
- VII. For any formula α , if it is true that $\diamond\lceil\alpha$, then it is true that $E\alpha$. This is a representation (in semantics of $\Phi+\exists$) of the principle of methodology of science (condition of/for scientific-ness), according to which (principle), proper scientific (*empirical*) knowledge must be *falsifiable at least in principle* [Айер, 2010, с. 52]. It is easy to see that the given representation (modelling) of falsification-ism significantly differs from the original (I mean the essential difference between *necessary* and *sufficient* conditions of/for *empirical-ness* of knowledge, as it has been already mentioned in the previous item VI). K. Popper has paid very special attention to fundamental falsifiability of scientific knowledge [Поппер, 1983, с. 105-123]. In this connection, O. Neurath [Neurath, 1982, pp. 121-131], A. Айер [Айер, 2010, с. 52-53], and some other celebrated specialists in philosophy of science have criticized Popper for an overly obsessive (pseudorationalistic) desire to oust and replace the criterion of fundamental sensual verifiability with the criterion of fundamental falsifiability, in methodology of science. Neurath has rightly pointed out that, being *sufficient* conditions of/for scientific-ness (empirical-ness), neither verifiability, nor falsifiability, nor their non-excluding disjunction are *necessary* conditions of/for proper scientific (empirical) knowledge; there are also some other not-well-recognized nontrivial criteria of scientific-ness (empirical-ness) of knowledge. Which criteria are implicitly meant by Neurath? Unfortunately, he has given no quite definite answer to this naturally arising question; even no guess in this connection has been formulated. Nonetheless, in the present article, the unclear and implicit Neurath's abstract intuition is clarified and represented (modelled) manifestly by the following concrete statement VIII, which is also a *sufficient* (but not necessary) condition of/for empirical-ness of knowledge.
- VIII. For any formulae α and ω , if it is possible that logic values of expressions (formula $\Omega\omega$ has logic value "t") and (formula ω has logic value "t") are different, then it is true that $E\alpha$. Perhaps, it is worth reminding here that symbol Ω denotes a (any) element of the set of perfection modalities (this set is defined above). The *necessary and sufficient* condition of *empirical-ness* of knowledge (in standard model of formal theory $\Phi+\exists$) is the following condition IX.

- IX. For any formulae α and ω , if and only if, in a standard model of the formal theory $\Phi+\exists$, it is true that $E\alpha$, then, in the standard model, either it is true that $\diamond\top\alpha$, or it is true that $\diamond S\alpha$, or it is true that it can be so that it is false that formulae ω and $\Omega\omega$ have identical logic values.

According to conditions VIII and IX, knowledge can be empirical even then, when it is neither fundamentally verifiable nor fundamentally falsifiable. This is already unhabitual (psychologically unexpected) as it goes far beyond traditional views of the classical empiricists. But this makes it possible simply to explain some still mysterious facts of history of cognition.

Truth conditions of/for formulae containing the expression $A\alpha$, are defined in this paper as follows:

X. For any formula α , if it is true that $A\alpha$, then it is true that $K\alpha$.

XI. For any formula α , if it is true that $A\alpha$, then it is true that α .

XII. For any formula α , if it is true that $A\alpha$, then it is true that $\Box\alpha$.

XIII. For any formula α , if it is true that $A\alpha$, then it is true that $\top\diamond S\alpha$.

XIV. For any formula α , if $A\alpha$, then for any formula ω , the formal-logic tantamount-ness $((\Omega\omega) \equiv \omega)$ is valid, or, differently speaking, ((formula $\Omega\omega$ has logic value “t”), if and only if (ω has logic value “t”)), where symbol Ω stands for any element of the set of perfection modalities (this set is defined above).

XV. For any formula α , if $A\alpha$, then, for any formula ω , it is true that $(\Xi\omega \equiv \Omega\omega)$, where symbols Ξ and Ω stand for any elements of the set of perfection modalities.

The following statement is a concrete *particular* case (example) of the condition XIV. If $A\alpha$, then, for any term t_i , ((formula $T[t_i]$ has logic value “t”) \equiv (formula $[t_i]$ has logic value “t”)).

The following statements are concrete particular cases (examples) of the condition XV:

If $A\alpha$, then, for any formula ω , it is true that $(T\omega \equiv C\omega)$, where “T” stands for modality “it is true that ...”, and “C” stands for modality “it is consistent that ...”

If $A\alpha$, then, for any formula ω , it is true that $(\mathcal{K}\omega \equiv C\omega)$, where “ \mathcal{K} ” stands for the existence modality, and “C” stands for the consistency modality.

Taking all the above-said into an account, it is easy to notice that, if the truth condition of/for $A\alpha$ is fulfilled, then the *modal collapse* takes place, namely: *all* the *de-dicto* modalities of perfection are logically equivalent to each other and can be eliminated from corresponding expressions without changing the logical values of these expressions, consequently, under the indicated extraordinary condition, the multimodal theory $\Phi+\exists$ “degenerates” (turns) into the consistent and complete classical calculus of propositions. It is generally believed that deducibility of the modal collapse is an existentially significant flaw of a (any) theory of modalities: the modality theory ceases to exist as such. Certainly, in general, this is really so. But, generally speaking, the modal collapse is not deducible in $\Phi+\exists$: in this theory, there is only a formal inference of the modal collapse (not in general but) from the very strong assumption (extraordinary hypothesis) that $A\alpha$. If $E\alpha$, then the modal collapse does not take place in $\Phi+\exists$. Hence, generally speaking, being taken as a whole, $\Phi+\exists$ is free of the modal-collapse problem.

I believe that, in future, the tendency to multimodality (or propensity to think of multiple kinds of modalities) exemplified in this article by formulae Ga , Ta , Ca , Ja , will head to a clearer recognizing (and more explicit and precise defining) of the essential ambiguity, polysemy and many-valued-ness of semantics of natural language. The present article is just the beginning of the indicated promising direction of scientific investigations.

3. Novel Scientific Results (A hitherto Unknown Formal Proof of Hilbert's Principle in the Newly Invented Logically Formalized Multimodal Axiomatic Epistemology-and-Ontology System $\Phi+\exists$)

Owving to the above-placed self-citations and self-references, the minimal set of exact definitions of basic notions of $\Phi+\exists$ which are *necessary and sufficient* for correct understanding and autonomous rechecking the hitherto unpublished novel scientific results, now it is quite opportune to start generating (constructing) the above-promised significantly new formal deductive inferences. I mean the start of applying the hitherto never investigated axiomatic system $\Phi+\exists$ to the couple of conditional statements $ST1 - ST2$ and also to the pair of conditionals ($(ST1^*) - (ST2^*)$) formulated and discussed in the introduction, which conditional statements model Hilbert's ontology of mathematics. By means of the artificial language of $\Phi+\exists$, the conditional statements $ST1^* - ST2^*$ (located in the introduction) are represented (modeled) by the following formulae $(ST1+) - (ST2+)$, respectively.

$$ST1+: (A\alpha \supset (C\omega \leftrightarrow Ж\omega)).$$

$$ST2+: (A\alpha \supset (C\omega \leftrightarrow T\omega)).$$

The formulae $(ST1+)$ and $(ST2+)$ of $\Phi+\exists$ are representations (models) of the above-considered conditional statements $(ST1^*)$ and $(ST2^*)$, respectively. It is worth recalling here that, within a standard interpretation of $\Phi+\exists$, the symbol α in the formulae under consideration is either a *proposition* (in particular, *proper mathematical* one), or a *theory* (in particular, *proper mathematical* one); the modal symbols C , T , $Ж$, A , respectively, denote the modalities "it is *Consistent* that...", "it is *True* that...", "what is described by..., *exists*". "it is *A-priori known* that ...". Now let us move immediately to exact formulating and formal proving some schemes of theorems of $\Phi+\exists$. Concerning the mentioned theorem-schemes, the immediately following complicated statement called "**Metatheorem-MT**" can be proved in $\Phi+\exists$.

Metatheorem-MT: The following theorem-schemes are formally provable in $\Phi+\exists$:

$$\begin{aligned} &(A\omega \supset (C\omega \leftrightarrow Ж\omega)); (A\omega \supset (C\omega \leftrightarrow T\omega)); (A\omega \supset (T\omega \leftrightarrow Ж\omega)); \\ &(A\omega \supset (Y\omega \leftrightarrow Ж\omega)); (A\omega \supset (FЖ\omega \leftrightarrow PЖ\omega)); (A\omega \supset (PЖ\omega \leftrightarrow DЖ\omega)); \\ &(A\omega \supset (FЖ\omega \leftrightarrow Ж\omega)); (A\omega \supset (PЖ\omega \leftrightarrow Ж\omega)); (A\omega \supset (\omega \leftrightarrow Ж\omega)); \\ &(A\omega \supset (Ж\omega \leftrightarrow TЖ\omega)); (A\omega \supset (Ж\omega \leftrightarrow YЖ\omega)); (A\omega \supset (Ж\omega \leftrightarrow DЖ\omega)); \\ &(A\omega \supset (Ж\omega \leftrightarrow \Box Ж\omega)). \end{aligned}$$

The below-placed finite succession (queue) of formula-schemes of $\Phi+\exists$ is a formal proof of the **Metatheorem-MT**.

- 1) $A\alpha \leftrightarrow (K\alpha \& (\neg\Diamond\neg\alpha \& \neg\Diamond S\alpha \& \Box(\beta \leftrightarrow \Omega\beta))$: axiom-scheme AX-3.
- 2) $A\alpha \supset (K\alpha \& (\neg\Diamond\neg\alpha \& \neg\Diamond S\alpha \& \Box(\beta \leftrightarrow \Omega\beta))$: from 1 by the rule of elimination of \leftrightarrow .
- 3) $A\alpha$: assumption.
- 4) $(K\alpha \& (\neg\Diamond\neg\alpha \& \neg\Diamond S\alpha \& \Box(\beta \leftrightarrow \Omega\beta))$: from 2 and 3 by MP (*modus ponens*).
- 5) $\Box(\beta \leftrightarrow \Omega\beta)$: from 4 by the rule of elimination of $\&$.
- 6) $(\beta \leftrightarrow \Omega\beta)$: from 3 and 5 by the unhabitual (newly formulated) rule¹ of elimination of \Box .
- 7) $A\alpha \mid\!-\ (\beta \leftrightarrow \Omega\beta)$: according to the train (sequence) 1—6.
- 8) $A\alpha \mid\!-\ (\beta \leftrightarrow \Xi\beta)$: from 7 by substitution of Ξ for Ω .
- 9) $A\alpha \mid\!-\ (\Xi\beta \leftrightarrow \beta)$: from 8 by the rule of commutativity of \leftrightarrow .
- 10) $A\alpha \mid\!-\ (\Xi\beta \leftrightarrow \Omega\beta)$: from 9 and 7 by the rule of transitivity of \leftrightarrow .
- 11) $A\alpha \mid\!-\ (\Omega\beta \leftrightarrow \beta)$: from 7 by the rule of commutativity of \leftrightarrow .
- 12) $\mid\!-\ (A\alpha \supset (\Omega\beta \leftrightarrow \beta))$: from 11 by the rule of introduction of \supset .
- 13) $\mid\!-\ (A\alpha \supset (\Xi\beta \leftrightarrow \Omega\beta))$: from 10 by the rule of introduction of \supset .
- 14) $\mid\!-\ (A\omega \supset (C\omega \leftrightarrow \mathcal{J}\omega))$: from 13 by substitution of: (C for Ξ); (\mathcal{J} for Ω); (ω for α and β).
- 15) $\mid\!-\ (A\omega \supset (C\omega \leftrightarrow T\omega))$: from 13 by substitution of: (C for Ξ); (T for Ω); (ω for α and β).
- 16) $\mid\!-\ (A\omega \supset (T\omega \leftrightarrow \mathcal{J}\omega))$: from 13 by substitution of: (T for Ξ); (\mathcal{J} for Ω); (ω for α and β).
- 17) $\mid\!-\ (A\omega \supset (Y\omega \leftrightarrow \mathcal{J}\omega))$: from 13 by substitution of: (Y for Ξ); (\mathcal{J} for Ω); (ω for α and β).
- 18) $\mid\!-\ (A\omega \supset (F\mathcal{J}\omega \leftrightarrow P\mathcal{J}\omega))$: from 13 by substitution of: (F for Ξ); (P for Ω); (ω for α); ($\mathcal{J}\omega$ for β).
- 19) $\mid\!-\ (A\omega \supset (P\mathcal{J}\omega \leftrightarrow D\mathcal{J}\omega))$: from 13 by substitution of: (P for Ξ); (D for Ω); (ω for α); ($\mathcal{J}\omega$ for β).
- 20) $\mid\!-\ (A\omega \supset (F\mathcal{J}\omega \leftrightarrow \mathcal{J}\omega))$: from 12 by substitution of: (F for Ω); (ω for α); ($\mathcal{J}\omega$ for β).
- 21) $\mid\!-\ (A\omega \supset (P\mathcal{J}\omega \leftrightarrow \mathcal{J}\omega))$: from 12 by substitution of: (P for Ω); (ω for α); ($\mathcal{J}\omega$ for β).
- 22) $\mid\!-\ (A\omega \supset (K\mathcal{J}\omega \leftrightarrow \mathcal{J}\omega))$: from 12 by substitution of: (K for Ω); (ω for α); ($\mathcal{J}\omega$ for β).
- 23) $\mid\!-\ (A\alpha \supset (\beta \leftrightarrow \Omega\beta))$: from 7 by the rule of introduction of \supset .
- 24) $\mid\!-\ (A\omega \supset (\omega \leftrightarrow \mathcal{J}\omega))$: from 23 by substituting: (\mathcal{J} for Ω); (ω for α and β).
- 25) $\mid\!-\ (A\omega \supset (\mathcal{J}\omega \leftrightarrow T\mathcal{J}\omega))$: from 23 by substituting: (T for Ω); (ω for α); ($\mathcal{J}\omega$ for β).
- 26) $\mid\!-\ (A\omega \supset (\mathcal{J}\omega \leftrightarrow Y\mathcal{J}\omega))$: from 23 by substituting: (Y for Ω); (ω for α); ($\mathcal{J}\omega$ for β).
- 27) $\mid\!-\ (A\omega \supset (\mathcal{J}\omega \leftrightarrow D\mathcal{J}\omega))$: from 23 by substituting: (D for Ω); (ω for α); ($\mathcal{J}\omega$ for β).
- 28) $\mid\!-\ (A\omega \supset (\mathcal{J}\omega \leftrightarrow \Box\mathcal{J}\omega))$: from 23 by substituting: (\Box for Ω); (ω for α); ($\mathcal{J}\omega$ for β).

Here we are! Proving is ended.

The formal proof of the theorem-scheme ST1+: $(A\alpha \supset (C\omega \leftrightarrow \mathcal{J}\omega))$ is nothing but the above-located succession (chain) of theorem-schemes 1—14. The formal proof of ST2+: $(A\alpha \supset (C\omega \leftrightarrow T\omega))$ is the above-provided sequence (queue) of theorem-schemes 1—15.

¹ The exact formulation of this inference-rule: $A\alpha, \Box\beta \mid\!-\ \beta$.

A corollary of the metatheorem-MT: from conjunction of 28) and $\neg(\mathcal{J}\omega \leftrightarrow \Box\mathcal{J}\omega)$, it follows logically (by *modus tollens*) that $\neg A\omega$. This corollary suites to history of philosophy very well because, according to the *empiricism* [Юм, 1965, с. 517-518], in relation to exactly *empirical* knowledge of *facts*, $(\mathcal{J}\omega \leftrightarrow \neg \Box\mathcal{J}\omega)$.

4. Discussion of the Novel Results

If the above-formulated fundamental philosophical generalization of the mathematical-philosophy principle by Hilbert is adequately modeled by the conjunction $(A\omega \supset (C\omega \leftrightarrow \mathcal{J}\omega)) \& (A\omega \supset (C\omega \leftrightarrow T\omega))$, then, if the conjunction is false, then, according to $\Phi+\exists$, the knowledge is *not a priori but empirical* one. In other words, $(\neg(C\omega \leftrightarrow \mathcal{J}\omega) \vee \neg(C\omega \leftrightarrow T\omega)) \supset \neg A\omega$. Thus, generally speaking, Kant's philosophy of mathematics (as exclusively *a priori* knowledge system) is to be rejected. (It is true not in general, but only partially.) Nonetheless, the falsity of the universal Kant's statement of a-priori-ness of proper mathematical knowledge does not undermine truthfulness of the conjunction (S1 & S2), which represents Hilbert's "fully-fleshed-out" principle of philosophy (epistemology-and-ontology) of proper mathematics. The conjunction (S1 & S2) is true due to the falsity of the antecedent of the classical (material) implications which are the conjuncts. Thus, being explicated and "fully-fleshed-out", Hilbert's principle is completely *deprived* of (or effectively *separated* from) its hidden Kant-epistemology foundation indirectly implied (presumed) in the above-cited Hilbert's letter to Frege. The above-formulated sentences $S1^*$ and $S2^*$, significantly *generalizing* S1 and S2, respectively, are also true due to the falsity of their antecedent (statement of a-priori-ness of knowledge in general).

As in the classical propositional-logic algebra, the logic operation \supset is distributive in relation to the logic operation $\&$, in principle, it is possible rationally to reduce the pair of conditionals modeling Hilbert's principle to the following one (let it be called S3): If Kant's philosophy-statement "mathematics is *a priori* knowledge" is true, then, in mathematics, ((consistency is equivalent to existence) and (consistency is equivalent to truth)). The significant generalization of S3 is represented by the statement $S3^*$: in any knowledge sphere, if knowledge is *a priori*, then ((consistency is equivalent to existence) and (consistency is equivalent to truth)). In the formal multimodal axiomatic theory $\Phi+\exists$, the statement $S3^*$ is modeled by the formula-scheme $S3+$: $(A\omega \supset ((C\omega \leftrightarrow \mathcal{J}\omega) \& (C\omega \leftrightarrow T\omega)))$.

In [Hintikka, 1962; 1974], the wonderful (somewhat surprising), enigmatic fact of Ancient Greeks' implicitly identifying (equalizing) in some relation: (a) knowledge and the object of knowledge; (b) knowledge and existence; (c) knowledge and truth had been noticed, recognized, and discussed systematically. Jaakko Hintikka assessed the mentioned curious identification fact as a somewhat strange (even paradoxical) event or even such a special tendency of intellectual history of Antiquity which had made up one of the most enigmatic (puzzling) aspects of Ancient Greek epistemology and ontology. In my opinion, the curious fact (enigmatic tendency) under discussion can be modeled in $\Phi+\exists$ by the formally provable formulae-schemes $(A\alpha \supset (K\alpha \leftrightarrow \alpha))$, $(A\alpha \supset (K\alpha \leftrightarrow \mathcal{J}\alpha))$, and $(A\alpha \supset (K\alpha \leftrightarrow T\alpha))$, respectively.

The formula-scheme $(A\alpha \supset (T\alpha \leftrightarrow \mathcal{J}\alpha))$, also formally provable in $\Phi+\exists$, deserves being discussed here as well. In some theology doctrines, it is proclaimed that “Truth” and “Existence” are Names of God [Pseudo-Dionysius Areopagite, 1980]; He is One. The Oneness of God implies the Oneness of “Truth” and “Existence”, consequently, “Truth” and “Existence” are quite identical in some *enigmatic* meaning of the word “identity” (to be clarified and defined precisely). I think that one of quite rational options of clarifying and exact defining the enigmatic identity of “Truth” and “Existence” is the equivalence $(T\alpha \leftrightarrow \mathcal{J}\alpha)$ under the condition that $A\alpha$. In other words, $(A\alpha \supset (T\alpha \leftrightarrow \mathcal{J}\alpha))$.

Finishing this article, I would like to discuss the following situation. At a conference on metamathematics, Bill has proved a meta-theorem of consistency of a formal theory X. During a coffee-break, while talking with Bill about the proof, Helen has made the following remark: “The formal theory X is an actually (Consistent and “Complete) Absurdity”! The remark has been accompanied by Helen’s enigmatic (ambiguous) smile. This situation can be interpreted in qualitatively different (even opposite) ways. One of the possible interpretations implies taking seriously the following question. Is consistent and complete absurd (lie or nonsense), i.e. not-a-truth, possible?

Generally speaking, Kant’s hypothetical (anticipated) answer to this question essentially depends of the special kind of knowledge implied in the question. Is the knowledge of proper mathematical theory X *empirical*, or is the proper mathematical theory X a formal system representing exclusively *a-priori* knowledge? Answers to these questions are essential for adequate solving the problem. If exactly *empirical* knowledge is meant, then Kant’s anticipated answer to the question is to be positive: yes, it is possible, that the theory X is a consistent and complete absurd (lie or nonsense), i.e. not-a-truth. On the contrary, if exactly *a-priori* knowledge is meant, then Kant’s anticipated answer to the question is to be negative: no, it is impossible, that the proper mathematical theory X is a consistent and complete absurd (lie or nonsense), i.e. not-a-truth. Trying to create an actually *universal* philosophical epistemology, Kant had to take into an account not only *a priori* but also empirical (*a posteriori*) knowledge. Nevertheless, he believed that all knowledge in formal logic and proper mathematics is *a priori* [Kant, 1994, 1996].

In accordance with Hilbert’s deliberate accepting Kant’s philosophy of mathematics, it is quite natural to anticipate the following Hilbert’s hypothetic answer to the question under discussion: in proper pure mathematics it is not possible to encounter a consistent and complete absurd (lie or nonsense). According to the formalism ideal of self-sufficient mathematics, the situation, in which “The formal proper mathematical theory X is an actually (Consistent and “Complete) Absurdity” is impossible. This statement is modeled in $\Phi+\exists$ by the following theorem-schemes: $A\omega \supset \neg(\mathcal{C}\omega \ \& \ Y\omega \ \& \ \neg T\omega)$; $\diamond(\mathcal{C}\omega \ \& \ Y\omega \ \& \ \neg T\omega) \supset \neg A\omega$.

Thus, adequate answering the question under discussion essentially depends on the relevant epistemic context (significant conditions), namely, on accepting or rejecting the assumption that knowledge is *a priori*. There is no logical contradiction between the hypothetical (anticipated) answers by Kant and by Hilbert as both believed that knowledge of pure formal logic and of proper pure mathematics is *a priori*. Hilbert was under strong influence by Kant’s epistemology and ontology of mathematics [Lutskanov, 2010; Murawski, 2002; Zach, 2023]. However, according to $\Phi+\exists$, generally speaking, neither formal logic as a whole, nor proper pure mathematics

as a whole, make up systems of pure *a priori* knowledge. In the light of $\Phi+\exists$, it is easy to see that both logic and mathematics (as wholes) are *empirical* knowledge systems. However, in the light of $\Phi+\exists$, it is also easy to see, that both *empirical* knowledge systems in question contain some existentially important *a priori* knowledge aspects (subsystems).

Список литературы / References

Айер, А. Дж. (2010). *Язык, истина и логика*. М.: «Канон⁺» РООИ «Реабилитация».

Ayer, A. J. (2010). *Language, Truth and Logic*. Moscow. (In Russ.)

Ершов, Ю. Л., Самохвалов, К. Ф. (2007). *Современная философия математики: недомогание и лечение*. Новосибирск: Параллель.

Ershov, Yu. L., Samokhvalov, K. F. (2007). *Contemporary Philosophy of Mathematics: Ailment and Treatment*. Novosibirsk. (In Russ.)

Лобовиков, В. О. (2014). Логический квадрат и гексагон эпистемических понятий. *Эпистемы: сборник научных статей. Вып. 9: Аспекты аналитической традиции*. Екатеринбург: Ажур. С. 57-68.

Lobovikov, V. O. (2014). Logical Square and Hexagon of Epistemic Notions. In *Epistemes. Collection of Scientific Papers. Iss. 9. Aspects of the Analytic Tradition*. Yekaterinburg. Pp. 57-68. (In Russ.)

Лобовиков, В. О. (2016). Уточнение формулировки и вариант решения проблемы эквивалентности деонтических, алетических и аксиологических модальностей с помощью аксиоматической системы философской эпистемологии. *Эпистемы: сборник научных статей. Вып. 11: Ценности и нормы в структуре рационального познания*. Екатеринбург: Макс-Инфо. С. 46-65.

Lobovikov, V. O. (2016). An Explication of Formulation and an Option of Solution of the Problem of Equivalence of of Deontic, Alethic and Axiological Modalities by Means of an Axiomatic System of Philosophical Epistemology. In *Epistemes. Collection of Scientific Papers. Iss. 11. Values and Norms in Structure of Rational Knowledge*. Yekaterinburg. Pp. 46-65. (In Russ.)

Лобовиков, В. О. (2023а). Искусственный интеллект и учение И. Канта о предписывании разумом законов природе (с точки зрения мультимодальной аксиоматической эпистемологии). *Трансцендентальный поворот в современной философии – 8: метафизика, эпистемология, когнитивистика и искусственный интеллект: сборник тезисов международной научной конференции. Москва, 20–22 апреля 2023 г.* Отв. ред. С. Л. Катречко, А. А. Шиян. М.: Изд-во: РГГУ. С. 108-111.

Lobovikov, V. O. (2023a). Artificial Intelligence and I. Kant's Doctrine of Reason's Prescribing Laws to Nature (from a Multimodal Axiomatic Epistemology Viewpoint). In Katrechko, S. L., Shiyan, A. A. (eds.). *Transcendental Turn in Contemporary Philosophy – 8. Metaphysics, Epistemology, Transcendental Cognitive Science and Artificial Intelligence. Proceedings of the International Workshop. Moscow, April 20–22, 2023*. Pp. 108-111. Moscow. (In Russ.)

Лобовиков, В. О. (2023б). Знания, онтологии, и мультимодальные аксиоматические теории (Дедуктивное доказательство непротиворечивости формальной теории Φ^0 , синтезирующей формальную аксиологию, универсальную эпистемологию, и философскую онтологию). *Материалы IX международной конференции «Знания – Онтологии – Теории» (ЗОИТ-2023)*. Новосибирск, 2–6 октября 2023 г. Математический центр в Академгородке, Российская ассоциация искусственного интеллекта, Российская инженерная академия, Institute of Electrical and Electronics Engineers (IEEE). Новосибирск: Ин-т математики им. С. Л. Соболева СО РАН, НГУ. С. 202-211.

Lobovikov, V. O. (2023b). Knowledges, Ontologies, and Multimodal Axiomatic Theories (A Deductive Proof of Consistency of a Formal Theory Φ^0 , Synthesizing Formal Axiology, Universal Epistemology, and Philosophical Ontology). In *Materials of IX International Conference “Knowledges – Ontologies – Theories”*. Novosibirsk, October 2–6, 2023. Mathematics Center in Akademgorodok, Russian Association of Artificial Intelligence, Russian Engineering Academy, Institute of Electrical and Electronics Engineers (IEEE). Novosibirsk. Pp. 202-211. (In Russ.)

Поппер, К. (1983). *Логика и рост научного знания*. М.: Прогресс.

Popper, K. (1983). *Logic and Growth of Scientific Knowledge*. Moscow. (in Russ.)

Тарский, А. (1948). *Введение в логику и методологию дедуктивных наук*. М: Гос. изд-во иностр. лит-ры.

Tarski, A. (1948). *Introduction to Logic and to the Methodology of Deductive Sciences*. Moscow. (In Russ.)

Целищев, В. В. (1978). *Понятие объекта в модальной логике*. Новосибирск: Наука.

Tselishchev, V. V. (1978). *The Notion of Object in Modal Logic*. Novosibirsk. (In Russ.)

Целищев, В. В. (2003). *Онтология математики: объекты и структуры*. Новосибирск: Нонпарель.

Tselishchev, V. V. (2003). *Ontology of Mathematics: Objects and Structures*. Novosibirsk. (In Russ.).

Целищев, В. В. (2004а). Нормативный характер дедуктивных теорий и значение математических терминов. *Философия науки*. Т. 20. № 1. С. 71-82.

Tselishchev, V. V. (2004a). The normative character of deductive theories and the meaning of mathematical terms. *Philosophy of Science*. Vol. 20. No. 1. Pp. 71-82. (In Russ.)

Целищев, В. В. (2004б). *Нормативность дедуктивного дискурса: феноменология логических констант*. Новосибирск: Нонпарель.

Tselishchev, V. V. (2004b). *Normative-ness of Deductive Discourse: Phenomenology of Logic Constants*. Novosibirsk. (In Russ.)

Целищев, В. В. (2005). Непротиворечивость и полнота как нормы дедуктивного мышления в свете теорем Гёделя о неполноте арифметики. *Философия науки*. Т. 25. № 2. С. 34-52.

Tselishchev, V. V. (2005). Consistency and completeness as the standards of deductive thinking from the standpoint of Gödel's theorems about incompleteness of arithmetic. *Philosophy of Science*. Vol. 25. No. 2. Pp. 34-52. (In Russ.)

Целищев, В. В. (2010). *Логика существования*. М.: КРАСАНД.

Tselishchev, V. V. (2010). *Logic of Existence*. Moscow. (In Russ.)

Юм, Д. (1965). *Сочинения*. В 2 т. Т. 2. М.: МЫСЛЬ.

Hume, D. (1965). *Works*. In 2 vols. Vol. 2. Moscow. (In Russ.)

Aristotle. (1994). The Works of Aristotle. Vol. 1. In Adler, M. J. (ed.). *Great Books of the Western World*. Vol. 7. Encyclopedia Britannica, Inc., Chicago; London.

Bader, R. M. (2021). Kantian Meta-Ontology. [Online]. *Academic library – free online college e-textbooks*. *The Routledge Handbook of Metametaphysics*. Routledge. Pp. 23-31. Available at: https://ebrary.net/255633/sociology/existence_modality#161 (Accessed: 10 December 2023).

Berto, F. (2012). *Existence as a Real Property*. Dordrecht. Springer.

Berto, F. and Priest, G. (2014). Modal Meinongianism and Characterization: Reply to Kroon, Grazer. *Philosophische Studien*. Vol. 90. Pp. 183-200.

Blanchette, P. A. (1996). Frege and Hilbert on Consistency. *Journal of Philosophy*. Vol. 93. No. 7. Pp. 317-336. DOI: 10.2307/2941124

Blanchette, P. A. (2007). Frege on Consistency and Conceptual Analysis. *Philosophia Mathematica*. Vol. 15. No. 3. Pp. 321-346. DOI:10.1093/phimat/nkm028

Blanchette, P. A. (2018). The Frege-Hilbert Controversy. [Online]. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy Archive*. (Fall 2018 Edition). E. N. Zalta (ed.). Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2018/entries/frege-hilbert/> (Accessed: 11 November 2023).

Blecher, I. (2012). *Kant and the Meaning of Existence: A Modal Account*. PhD Dissertation. Pittsburgh. University of Pittsburgh.

Bradie, M., Harms, W. (2020). Evolutionary Epistemology. [Online]. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy Archive*. (Spring 2020 Edition). E. N. Zalta (ed.). Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2020/entries/epistemology-evolutionary/> (Accessed: 11 November 2023).

Chihara, Ch. (1990). *Constructibility and Mathematical Existence*. Oxford. The University Press.

Corrigan, K., Harrington, L. M. (2023). Pseudo-Dionysius the Areopagite. [Online]. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy Archive*. (Summer 2023 Edition). E. N. Zalta & U. Nodelman (eds.). Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2023/entries/pseudo-dionysius-areopagite/> (Accessed: 11 November 2023).

Descartes, R. (1970). *Meditations on First Philosophy*, translated by E. Haldane and G. Ross. In *The Philosophical Works of Descartes*. Vol. 1. London. Cambridge University Press.

Doherty, F. T. (2017). Hilbert on Consistency as a Guide to Mathematical Reality. *Logique et Analyse*. No. 237. Pp. 107-128.

Fine, K. (1984). Critical Review of Parsons. *Nonexistent Objects*. *Philosophical Studies*. Vol. 45. Pp. 94-142.

Fine, K. (1985). *Reasoning With Arbitrary Objects*. Oxford. Blackwell.

Frege, G. (1971). *On the Foundations of Geometry and Formal Theories of Arithmetic*. Kluge, E.-H. W. (transl.). New Haven, CT. Yale University Press.

Frege, G. (1980). *Philosophical and Mathematical Correspondence*. Gabriel, G., Hermes, H., Kambartel, F., Thiel, Ch., Veraart, A., McGuinness, B., Kaal, H. (eds.) Oxford. Blackwell Publishers.

Frege, G. (1984). *Collected Papers on Mathematics, Logic and Philosophy*. McGuinness, B. F. (ed.). Oxford. Blackwell Publishers.

Haaparanta, L. (1985). Frege's Doctrine of Being. *Acta Philosophica Fennica*. Vol. 39. Helsinki. Societas Philosophica Fennica. 182 p.

Haaparanta, L. (1986). On Frege's Concept of Being. In Knuuttila, S., Hintikka, J. (eds.). *The Logic of Being*. Dordrecht. D. Reidel. Pp. 269-290.

Hartshorne, C. (1962). *The Logic of Perfection*. LaSalle, IL. Open Court.

Hartshorne, C. (1965). *Anselm's Discovery*. LaSalle, IL. Open Court.

Hilbert, D. (1990). *Foundations of Geometry*. Unger, L. (transl.) (2nd English ed.). La Salle, IL. Open Court Publishing Co.

Hilbert, D. (1996a). Axiomatic thought. In Ewald, W. B. (ed.). *From Kant to Hilbert: A Source Book in the Foundations of Mathematics*. Vol. 2. Oxford, New York. Oxford University Press Inc. Pp. 1105-1115.

Hilbert, D. (1996b). The new grounding of mathematics: First report. In Ewald, W. B. (ed.). *From Kant to Hilbert: A Source Book in the Foundations of Mathematics*. Vol. 2. Oxford, New York. Oxford University Press Inc. Pp. 1115-1134.

Hilbert, D. (1996c). The logical foundations of mathematics. In Ewald, W. B. (Ed.). *From Kant to Hilbert: A Source Book in the Foundations of Mathematics*. Vol. 2. Oxford, New York. Oxford University Press Inc. Pp. 1134-1147.

Hintikka, J. (1962). *Knowledge and Belief: An Introduction to the Logic of the Two Notions*. Ithaca, NY. Cornell University Press.

Hintikka, J. (1969). *Models for Modalities. Selected Essays*. Dordrecht. D. Reidel Publishing Co.

Hintikka, J. (1974). *Knowledge and the Known: Historical Perspectives in Epistemology*. Dordrecht. D. Reidel Publishing Co.

Hintikka, J. (1984). Are There Nonexistent Objects? Why Not? But Where Are They? *Synthese*. Vol. 60. Pp. 451-458.

Hintikka, J. (1986). Kant, Existence, Predication and the Ontological Argument. In Knuuttila, S., Hintikka, J. (eds.). *The Logic of Being*. Dordrecht. D. Reidel. Pp. 249-268.

Jacquette, D. (1996). On Defoliating Meinong's Jungle. *Axiomathes*. No. 1-2. Pp. 17-42.

Jacquette, D. (1997). *Meinongian Logic. The Semantics of Existence and Nonexistence*. Berlin. New York. Walter de Gruyter.

Jacquette, D. (2015). Alexius Meinong. The Shepherd of Non-Being. Vol. 360. [Online]. *Springer Link. Synthese Library*. Available at: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-319-18075-5> (Accessed: 11 November 2023).

Janowitz, N. (1991). Theories of Divine Names in Origen and Pseudo-Dionysius. *History of Religions*. Vol. 30, Pp. 359-372.

Kant, I. (1994). The Critique of Pure Reason. Fundamental Principles of the Metaphysics of Morals. The Critique of Practical Reason. Preface and Introduction to the Metaphysical Elements of Ethics. General Introduction to the Metaphysics of Morals. The Science of Right. The Critique of Judgement. In Adler, M. J. (ed.). *Great Books of the Western World*. V. 39. Kant. Chicago. London. Encyclopedia Britannica, Inc.

Kant, I. (1996). *Prolegomena to any future metaphysics: in focus*. London. New York. Routledge.

Kneale, W. (1962). Modality de Dicto and de Re. In Nagel, E., Suppes, P. and Tarski, A. (eds.). *Logic, Methodology and Philosophy of Science*. Stanford. Stanford University Press. Pp. 622-633.

Leibniz, G. W. (1969). *Philosophical Papers and Letters*. Dordrecht, Netherlands. D. Reidel.

Leibniz, G. W. (1981). *New Essays on Human Understanding*. Cambridge, UK. Cambridge University Press.

Lobovikov, V. O. (2020). Knowledge Logic and Algebra of Formal Axiology: A Formal Axiomatic Epistemology Theory Sigma Used for Precise Defining the Exotic Condition under which Hume-and-Moore Doctrine of Logically Unbridgeable Gap between Statements of Being and Statements of Value is Falsified. *Antinomies*. Vol. 20. No. 4. Pp. 7-23. DOI: 10.24411/2686-7206-2020-10401

Lobovikov, V. O. (2021). A Logically Formalized Axiomatic Epistemology System $\Sigma + C$ and Philosophical Grounding Mathematics as a Self-Sufficing System. *Mathematics*. Vol. 9. No. 16. Pp. 1859. DOI: 10.3390/math9161859

Lobovikov, V. O. (2022). Axiomatizing Philosophical Epistemology, a Formal Theory “Sigma + 2C”, and Philosophical Foundations of Mathematics. *Аналитическая философия: траектории истории и векторы развития: сборник научных трудов Международной научной конференции, посвященной 80-летию научного руководителя Института философии и права СО РАН В. В. Целищева, Новосибирск, 25–26 февраля 2022 г.* А. В. Хлебалин (ред.). Новосибирск: Офсет ТМ. С. 43-52.

Lobovikov, V. O. (2022). Axiomatizing Philosophical Epistemology, a Formal Theory “Sigma + 2C”, and Philosophical Foundations of Mathematics. In Hlebalin, A. V. (ed.). *Analytical Philosophy: History Trajectories and Development Vectors. Proceedings of the International Scientific Conference Devoted to 80th Anniversary of V. V. Tselishev – Scientific Leader of the Institute of Philosophy and Law of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences. Novosibirsk, February 25–26, 2022*. Novosibirsk. Pp. 43-52.

Lobovikov, V. O. (2023). Combining Universal Epistemology with Formal Axiology in a Multimodal Formal Axiomatic Theory “Sigma+2C”, and Philosophical Foundations of Mathematics. *Respublica Literaria*. Vol. 4. No. 4. Pp. 88-113. DOI: 10.47850/RL.2023.4.4.88-113

Logan, I. (2009). *Reading Anselm's Proslogion: The History of Anselm's Argument and its Significance Today*. Aldershot. Ashgate.

Lutskanov, R. (2010). Hilbert's Program: the Transcendental Roots of Mathematical Knowledge. *Balkan Journal of Philosophy*. Vol. 2. Iss. 2. Pp. 121-126.

Mancosu, P. (ed.). (1998). *From Brouwer to Hilbert. The Debate on the Foundations of Mathematics in the 1920s*. Oxford. Oxford University Press.

Marek, J. (2022). Alexius Meinong. [Online]. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy Archive*. (Fall 2022 Edition). E. N. Zalta & U. Nodelman (eds.). Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2022/entries/meinong/> (Accessed: 11 November 2023).

Meinong, A. (1960). On Object Theory. In Chisholm, R. (ed.). *Realism and the Background of Phenomenology*. Glencoe. The Free Press.

Montague, R. (1960). Logical Necessity, Physical Necessity, Ethics, and Quantifiers. *Inquiry: An Interdisciplinary Journal of Philosophy*. Vol. 3. Pp. 259-269. DOI: 10.1080/00201746008601312

Moschovakis, J. (2007). Intuitionistic Logic. [Online]. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy Archive*. (Spring 2007 Edition). E. N. Zalta (ed.). Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2007/entries/logic-intuitionistic/> (Accessed: 11 November 2023).

Murawski, R. (2002). Leibniz's and Kant's Philosophical Ideas and the Development of Hilbert's Programme. *Logique et Analyse*. Vol. 45. No. 179/180. Pp. 421-437.

Nelson, M. (2022). Existence. [Online]. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy Archive*. (Winter 2022 Edition). E. N. Zalta & U. Nodelman (eds.). Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/win2022/entries/existence/> (Accessed: 11 November 2023).

Neurath, O. (1982). Pseudorationalism of Falsification. In *Philosophical Papers, 1913-1946. Vienna Circle collection*. Vol. 16. Dordrecht, Holland. D. Reidel. Pp. 121-131.

Nolan, L. (2021). Descartes' Ontological Argument. [Online]. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy Archive*. (Spring 2021 Edition). Edward N. Zalta (ed.). Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2021/entries/cartes-ontological/> (Accessed: 4 January 2024).

Oppenheimer, P., Zalta, E. (1991). On the Logic of the Ontological Argument. In Tomberlin J. (ed.). *Philosophical Perspectives. 5: The Philosophy of Religion*. Atascadero. Ridgeview. Pp. 509-529.

Oppy, G. (2023). Ontological Arguments. [Online]. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy Archive*. (Fall 2023 Edition). E. N. Zalta & U. Nodelman (eds.). Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2023/entries/ontological-arguments/> (Accessed: 4 January 2024).

Parsons, T. (1980). *Nonexistent Objects*. New Haven. Yale University Press.

Parsons, T. (1982). Are There Nonexistent Objects? *American Philosophical Quarterly*. Vol. 19. Pp. 365-371.

Perszyk, K. J. (1993). *Nonexistent Objects. Meinong and Contemporary Philosophy*. Dordrecht. Kluwer.

Plato. (1994). The Dialogues of Plato. In Adler, M. J. (ed.). *Great Books of the Western World*. Vol. 6: *Plato*. Chicago. London. Encyclopedia Britannica, Inc. Pp. 1-799.

Poincaré, H. (1912). The Latest Efforts of the Logicians. *The Monist*. Vol. 22. No. 4. Pp. 524-539. [Online]. JSTOR. Available at: <https://www.jstor.org/stable/27900395> (Accessed: 02 February 2024).

Priest, G. (2005). *Towards Non-Being. The Logic and Metaphysics of Intentionality*. Oxford. Clarendon.

Prior, A. N. (1961). Non-Entities. *Philosophical Review*. Vol. 70. Pp. 120-132.

Pseudo-Dionysius Areopagite. (1980). *The Divine Names and Mystical Theology*. Jones, J. (transl.). Milwaukee, Wisconsin. Marquette University Press.

Resher, N. (1959). On Logic of Existence and Denotation. *Philosophical Review*. Vol. 68. Pp. 157-180.

Quine, W. (1969). *Ontological Relativity and Other Essays*. New York, NY. Columbia University Press.

Quine, W. (1980). *From a Logical Point of View. Nine Logico-Philosophical Essays*. Cambridge, MA. Harvard University Press.

Reicher, M. (2022). Nonexistent Objects. [Online]. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy Archive*. (Winter 2022 Edition). E. N. Zalta & U. Nodelman (eds.). Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/win2022/entries/nonexistent-objects/> (Accessed: 4 January 2024).

Rendsvig, R., Symons, J., Wang, Y. (2023). Epistemic Logic. [Online]. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy Archive*. (Winter 2023 Edition). E. N. Zalta & U. Nodelman (eds.). Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/win2023/entries/logic-epistemic/> (Accessed: 4 January 2024).

Rosefeldt, T. (2020). Kant's Logic of Existence. *Journal of the History of Philosophy*. Vol. 58. No. 3. Pp. 521-548.

Routley, R. (1980). *Exploring Meinong's Jungle and Beyond*. Canberra. Australian National University.

Russell, B. (1905). On Denoting. *Mind*. Vol. 14. No. 56. Pp. 479-493.

Russell, B. (1941). *An Inquiry into Meaning and Truth*. New York. W. W. Norton & Company.

Russell, B. (1992). Theory of Knowledge: the 1913 Manuscript. In Eames, E. R. and Blackwell, K. (eds.). *Collected Papers of Bertrand Russell*. London and New York. Routledge.

Shanker, S. G. (1988). Wittgenstein's remarks on the significance of Gödel's theorem. In Shanker, S. G. (ed.) *Gödel's theorem in focus*. London: Routledge, pp. 155-257.

Smith, J. F. (1985). The Russell-Meinong Debate. *Philosophy and Phenomenological Research*. Vol. 45. No. 3. Pp. 305-350.

Thomason, R. H. (ed.). (1974). *Formal Philosophy. Selected Papers of Richard Montague*. New Haven. Yale University Press.

Williams, T. (2023). Anselm of Canterbury. [Online]. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy Archive*. (Fall 2023 Edition). E. N. Zalta & U. Nodelman (eds.). Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2023/entries/anselm/>. (Accessed: 4 January 2024).

Williamson, T. (2013). *Modal Logic as Metaphysics*. Oxford. Oxford University Press.

Wolenski, J. (2016). *Truth as Modality*. Rzeszow, Poland. University of Information, Technology and Management. [Online]. Available at: <http://ojs.philosophy.spbu.ru/index.php/lphs/article/viewFile/370/377> (Accessed: 4 January 2024).

Wright, G. H. (1951). *An Essay in Modal Logic* (Studies in Logic and the Foundations of Mathematics). Amsterdam. North-Holland Publishing Company.

Wright, G. H. (1996). Truth-Logics. In *Georg Henrik von Wright. Six Essays in Philosophical Logic. Acta Philosophica Fennica*. Vol. 60. Pp. 71-91. Helsinki. Societas Philosophica Fennica.

Zach, R. (2023). Hilbert's Program. [Online]. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy Archive*. (Winter 2023 Edition). E. N. Zalta & U. Nodelman (eds.). Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/win2023/entries/hilbert-program/> (Accessed: 4 January 2024).

Zalta, E. N. (1983). *Abstract Objects: An Introduction to Axiomatic Metaphysics*. Dordrecht. D. Reidel.

Information about the author / Информация об авторе

Lobovikov Vladimir – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Principal Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Sofya Kovalevskaya Str., 16, e-mail: vlobovikov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8760-0452>

Статья поступила в редакцию: 08.01.2024

После доработки: 04.03.2024

Принята к публикации: 14.03.2024

Лобовиков Владимир Олегович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16, e-mail: vlobovikov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8760-0452>

The paper was submitted: 08.01.2024

Received after reworking: 04.03.2024

Accepted for publication: 14.03.2024

УДК 1(091) + 17

ЧТЕНИЕ КНИГ КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ**А. В. Марков**Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)
markovius@gmail.com**О. А. Штайн (Братина)**Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург)
shtaynshtayn@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается философия справедливости как возможность реализации коллективной автокоммуникации. Психоанализ помогает обогатить философию справедливости, связав исследование реакций на внутренние состояния и на внешние социальные ситуации понятием автокоммуникации. Включение в понятийно-категориальный аппарат экономики (ресурс, капитал) психоаналитических дефиниций (желание) позволяет анализировать процесс перехода вопросов социального равенства и справедливого распределения из области этики в расширенную версию социальной игры, включающей читательский опыт. Критически рассматривается позиция Амартиа Сена, который конструирует особое поле читательского потребления, одновременно сценическое и способствующее накоплению социального опыта, а не просто его публичной манифестации. Предлагается рассматривать чтение как желание использовать ограниченный материальный или эмоциональный ресурс, актуализуя фантазию как проявление избытка и как автокоммуникацию, встречу с собой как субъектом фантазирования. Избыточная коммуникация расширяет понятия ответственности справедливости, обращая читателя в зеркало автокоммуникации.

Ключевые слова: справедливость, чтение, аффект, социальное моделирование, автокоммуникация, читательский опыт.

Для цитирования: Марков, А. В., Штайн, О. А. (2024). Чтение книг как предмет философии справедливости. *Respublica Literaria*. Т. 5. № 1. С. 51-60. DOI: 10.47850/RL.2024.5.1.51-60

READING BOOKS AS A SUBJECT OF PHILOSOPHY OF JUSTICE**A. V. Markov**Russian State University for the Humanities (Moscow)
markovius@gmail.com**O. A. Shtayn (Bratina)**Ural Federal University (Ekaterinburg)
shtaynshtayn@gmail.com

Abstract. The article considers the philosophy of justice as a possibility of realization of collective autocommunication. Psychoanalysis helps to enrich the philosophy of justice by linking the study of reactions to internal states and to external social situations by the concept of autocommunication. The incorporation of psychoanalytic definitions (desire) into the conceptual-categorical apparatus of economics (resource, capital) allows us to analyze the process of transition of issues of social equality and fair distribution from the field of ethics to an extended version of the social game that includes reading experience. The position of Amartya Sen,

who constructs a particular field of readerly consumption that is both scenic and conducive to the accumulation of social experience rather than simply its public manifestation, is critically examined. It is suggested that reading should be seen as a desire to use a limited material or emotional resource, actualizing fantasy as a manifestation of excess and as an autocommunication, an encounter with the self as the subject of fantasization. Surplus communication expands notions of the responsibility of justice by turning the reader into a mirror of autocommunication.

Keywords: justice, reading, affect, social modeling, autocommunication, reading experience.

For citation: Markov, A. V., Shtayn, O. A. (2024). Reading Books as a Subject of the Philosophy of Justice. *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 1. Pp. 51-60. DOI: 10.47850/RL.2024.5.1.51-60

В простых изложениях философия справедливости занимается вопросами об уже созданных вещах или ценностях. Например, вопрос о том, справедливо ли равное распределение или распределение по заслугам, подразумевает работу с уже созданными вещами, имеющими цену. Аффекты и любое нарративное сопровождение тогда только следует за вещами. Даже если мы усложняем схему и вводим фактор времени, например, требуя учитывать не только прошлые, но и будущие заслуги при справедливом распределении, допустим, готовность человека к поступку, не меняется общая предпосылка: ценные вещи уже появились полностью, вопрос стоит только в том, как их распределить. И практическая сторона этих вещей, и эмоциональная, и варианты вовлечения этих вещей в социальную жизнь – это только следствие начальной ситуации.

Но современные теории справедливости исходят из того, что эмоция или аффект не могут рассматриваться только как следствие. В этом они сходятся с новой риторикой во французской теории, где тоже слово не понимается только как следующее за вещью, как знак, но напротив, как часть конструкции, определяющей степень пластичности или фантазийности реальности. Авторы статьи обращаются к трудам Барбары Кассен [Кассен, 2000; Европейский словарь философий..., 2015], исследуя природу эмоции и аффекта с помощью понятия о риторико-политической пересборке реальности, которая разворачивается в некоторых конструктивных рамках или моделях публичной философской речи. Обращение к работам Марты Нуссбаум [Нуссбаум, 2014; Нуссбаум, 2023] обусловлено выявленным ей в структуре аффекта потенциалом рационализации, который, по сути, предстает социальным опытом. Вопрос о справедливости продолжает ее коллега, один из крупнейших экономистов мира, Нобелевский лауреат Амартия Сен [Сен, 2004; Сен, 2016]. Сен ставит вопрос [Sen, 2009, pp. 309–311; Сен, 2016, с. 397-399] о возможном справедливом распределении не только продукта, но и некоторого орудия, например, книги, которую надо прочесть. Распределяемый экономически предмет можно рассматривать через принцип реальности (процедурные обязательства прочтения) и принцип удовольствия (желание, отсрочка и удовлетворение от чтения).

В философском проекте Б. Кассен пересборка реальности словом основана на интуициях эротичности, пластического вымысла, софистической провокации и др., что позволяет по-новому написать историю гуманитарных наук, начиная с античности, и вписать психоанализ в эту историю. Эта пересборка вовсе не означает создания иллюзий, но, скорее, это есть экспериментирование с нашими привычками и последовательностями в концептуализации окружающего мира. Внесение страсти, интереса, недоумения и прочих

аффектов в привычные порядки концептуализаций и обобщений позволяет сблизить философию и риторику и тем самым показать, что порядок взаимодействия с миром может начаться и из другой точки, дающей более «пластические» и уверенные результаты при встраивании субъектом себя в познаваемый мир.

В этой статье мы рассматриваем проект философии справедливости, который связан с именем Марты Нуссбаум, и значение которого выходит далеко за рамки специализированных этических дискуссий. Нуссбаум переосмысляет, в отличие от Кассен, саму природу аффекта, не сводя его к некоторым как бы сценическим или литературным открытым стратегиям, но исследуя рациональную составляющую внутри него самого. Аффект не может быть сведен только к способу его развертывания, в нем всегда есть та рациональность, которая и позволяет нам воспринимать аффект другого и создавать те ситуации, в которых мы понимаем интерес другого. Аффект поэтому может быть отделен от вещи, перестать ее сопровождать, просто потому что он может смоделировать ту ситуацию, в которой вещь есть, и в которой мы знаем, как она распределена. Например, спектакль доставил радость зрителям – мы можем говорить, что это эффект самой актерской игры, но также вполне можем сказать, что это часть взаимодействия зрителей в ожидании и процессе спектакля, их начальный способ отнестись к спектаклю.

Конечно, плохой спектакль не порадовал бы зрителей – неувязки в игре разрушили бы само строение аффекта. Но если зритель приходит, чтобы видеть себя на сцене, встретиться с собой, каким он еще не был, вообще, если ожидания зрителя соответствуют какой-либо рациональной оценке своего положения, то тогда аффект нельзя свести просто к действенности спектакля. Современные нейронауки открывают все больше таких рациональных оценок, присущих процедурам узнавания или выбора впечатлений. Но существенно то, что даже просто принятие спектакля как спектакля уже подразумевает ту структуру аффектов, которая вполне состоялась как часть форматирования этой реальности, последовательного ее восприятия, тогда как восторг после спектакля скорее может быть восторгом от удачного форматирования, которому режиссерские и актерские удачи придали длительность или напряженность, поместили в определенный коридор дальнейшего устойчивого переживания.

Мы рассматриваем один эпизод из книги Амартии Сена [Сен, 2016, с. 397-399]. Сен – американец индийского происхождения, Нобелевский лауреат, мировой экономист, много общался с Мартой Нуссбаум и воспринял от нее постановку вопроса о справедливости. Он и ставит вопрос о том, как можно говорить о справедливом распределении, если распределяется не продукт, а некоторое орудие, например, книга, которую надо прочесть. Распределяется предмет, связывающий процедурными обязательствами, такими как процедуры чтения. Понятно, что к этому связыванию уже не применимы экономические теоремы, имеющие в виду свободное (или как бы свободное) поведение потребителя. Соответствующий параграф в английском оригинале называется «The impossibility of the paretian liberal» [Sen, 2009, pp. 309-311], и удивительным образом эпизод с чтением не получил серьезного обсуждения ни в экономической, ни в философской литературе, хотя он и был канонизирован даже в кратком изложении позиции Сена [Meeks, 2017, p. 1065], как один из способов говорить о правовых перспективах в экономике.

Внутри правового поля, хотя бы и обозначенного как социальное, и находятся все найденные нами обсуждения модели Сена о невозможности либерала по Парето. Так, Элизабет Андерсон говорит [Anderson, 2005, p. 255] о неизбежной догматической предпосылке мысли Сена, а именно принудительности контракта, как официального, так и неофициального, иначе говоря, о неизбежной деформации в его модели социального поля экономическим правом. Тору Ямамори [Yamamori, 2018, p. 389] тоже находит у Сена некоторый догмат, а именно учение об институтах как удовлетворении потребностей и нужд, что вполне подходит для экономических институтов, но не для институтов социального согласия. Этих двух примеров достаточно, чтобы указать, что для этической философии мысль Сена догматична. Но также следует признать, что ни принудительный контракт, ни служение институтов общественным нуждам не противоречат ни одному из положений философии Марты Нуссбаум, главного собеседника Сена, которая как раз настаивает в одной из главных своих книг о принудительности в том числе политического контракта, как основанного на рациональной эмпатии [Нуссбаум, 2023], а в другой своей книге [Нуссбаум, 2014] так же настаивает на образовательном институте, как удовлетворяющем максимум потребностей и нужд.

Привычные дилеммы как экономической, так и социальной жизни, такие как *дилемма заключенного*, не учитывают доли участия в деле (преступлении или доносе, в случае дилеммы заключенного), т. е. тех степеней выбора, которые были до того, как заключенные встали перед этой дилеммой. Но в центре внимания Сена находится принцип Парето, т. е. принцип экономии ресурсов, который возникает при функционировании любой сколь-либо сложной системы. Принцип Парето наблюдается и в живой природе, и в технике, и в общественных отношениях: процессы, которые обеспечивают реальную результативность производства, более редки (более сложны или более громоздки), чем процессы, которые составляют эту результативность, осуществляются внутри нее. Принцип Парето известен часто как принцип 20/80: 20 % действующих лиц выполняют 80 % работы и наоборот.

О принципе Парето можно много говорить, если мыслить аффект следствием ситуации; тогда поневоле он будет встроен в ту рамку, которая не относится к природе процессов: рамку морального негодования, бытового социологического интереса или согласия с текущей ситуацией вокруг нас. Но если мыслить аффект как сопровождение процесса, иногда ему предшествующее, то даже в случае работы механизмов или вообще какой-либо замкнутой наблюдаемой системы, мы увидим, что он относится не к тому, к чему мы его относили изначально. Он говорит не о скорости процессов, а о скорости обработки процессов, т. е. скорости, с которой процессы фиксируются как законченные и встраиваемые в систему. Мы не можем сразу постичь все взаимосвязи процессов, но видим, что здесь колесо повернулось, или же оно привело в движение другое колесо, т. е. именно эти фиксации системы, ее самопредъявление, и оказываются предметом принципа Парето, а не сами скорости протекания взаимодействий, которые могут быть вполне распределенными и потому не доступными непротиворечивому наблюдению, если мы наблюдаем за каждым узлом отдельно.

Если мы перейдем к этическому вопросу о справедливом и несправедливом чтении, то Сен создает на указанных страницах такую модель. Дана книга, которая официально признается сомнительной, и есть два читателя: Ханжа (*Prude* оригинала лучше было бы

перевести как «скромник»), который заведомо осудит книгу, и Распутник (*Lewd*, в оригинале более сильное слово, что-то вроде «похотливец»), который заведомо одобрит книгу. Из этой модели Сен делает далеко идущий вывод о несовместимости принципа Парето, подразумевающего установление баланса распределения из каких-то априорных мировых данностей и либерального принципа, в котором свобода, в том числе читательская свобода, не просто отстаивается, но фиксируется и предьявляется.

В модели Сен происходит следующее: Ханжа заинтересован в том, чтобы не прочесть книгу самому, но еще больше заинтересован в том, чтобы книгу не читал Распутник. По всей видимости, заметим сразу, в первом случае он думает о личной ответственности каждого, а во втором – о своей социальной ответственности, т. е. создает режим аффективных ожиданий, который подразумевает, что любое его разрушение будет разрушением и его порядков ответственности. Также Распутник заинтересован в том, чтобы прочесть книгу, но еще больше он заинтересован в том, чтобы ее прочел Ханжа. Здесь тоже мы скажем о режиме аффективных ожиданий: Распутнику нужно, чтобы все читали вольные книги, тогда как любая уступка Ханжи своему ханжеству будет угрозой порядкам наслаждения.

При этом Сен признает, не то, шутя, не то серьезно, что Ханжа обеспокоен тем, какое большое удовольствие Распутник получит от книги, а Распутник захвачен тем, чтобы Ханжа страдал, читая книгу, и тем самым не мог уступить ханжеству. Т. е. аффект всякий раз не позволяет человеку уступать каким-либо принципам: просто Распутник заведомо не уступает принципам, тогда как Ханжа должен быть введен в искусственную ситуацию, где как его принципы, так и его аффективные свойства будут подвергаться постоянному испытанию, не позволяющему ему проявить ханжество.

Но, получается, говорит Сен, что невозможно обеспечить распределение по Парето просто потому, что мотивации читать и не читать различны. Если брать обоих участников изолировано, то Распутник больше хочет, чтобы книгу прочел Ханжа, но и Ханжа больше хочет прочесть книгу сам, чтобы она не досталась Распутнику, чтобы он прочитал ее как цензор, устанавливающий дальнейшую норму невыдачи книги. Принцип Парето подразумевал бы удовлетворение желаний, пусть даже путем уступок. Но удовлетворение желания читать или не читать книгу оказывается в противоречии с желаниями Распутника и Ханжи относительно другого. Распутник не хочет читать книгу, если ее не прочтет Ханжа: у Распутника достаточно книг, приносящих ему удовольствие, ему важно заблокировать цензурные намерения Ханжи. Но и Ханжа не хочет, чтобы Распутник читал книгу. Обе стороны заинтересованы, чтобы книгу читал Ханжа, а не Распутник, что противоречит заинтересованности Распутника в содержании книги.

Сен говорит, что и молчаливый сговор, по сути своеобразный *tacit collusion*, в котором Ханжа намеренно читает книгу, чтобы не дать ее прочесть Распутнику (то есть создаёт некоторую молчаливую систему взаимодействий, навсегда принимаемую другой стороной), не будет выходом из ситуации, не установит, заметим уже мы, оптимальное социальное взаимодействие. Здесь уже действует не структура борьбы за публичное присутствие или отсутствие книг, но структура самого чтения. Как только мы начинаем мыслить отношение Ханжи и Распутника в виде сговора (открытого или молчаливого, не так важно, – во всех случаях люди осознают, что находятся в ситуации сговора, даже если ни о чем не договариваются), сразу же открываются зияния внутри самого чтения. Например, Ханжа, купив книгу сам, чтобы она не досталась Распутнику, может ее просто пролистать,

может прочесть пару страниц, может открыть на первой попавшейся странице и возмутиться. Но и Распутник может, и, не читая книгу, догадываться о ее содержании и тем самым испытать хотя и не те аффекты, которые испытывает внимательный читатель, но аффекты, по силе сопоставимые с аффектами возмущенного Ханжи.

Таким образом, Амартия Сен в конце концов упирается в вопрос о природе чтения и говорит в финале своего рассуждения о двойственности желания: что желание фактическое, прочесть самому книгу или не допустить чтения книги другим, вовсе не требует желания заключения договора, т. е. принятия обязанностей, в которых эти желания будут исполнены автоматически. Дело в том, что фактическое желание, опять же добавим мы, вполне сценично, оно имеет в виду вполне театральные жесты, как и те аффекты, которые имеют в виду даже не столько наблюдателя, сколько ситуацию сцены. Этим оно отличается от желания заключить договор, которое имеет в виду только осознание ситуации договора и служит проекцией этого осознания.

Например, когда я говорю: «Я желаю прочесть книгу», я могу вести себя театрально в узком смысле, например, представлять себя в качестве образованного человека, каким я стану после прочтения книги, или представлять себя в качестве вольнодумного человека, которого книга укрепит в соответствующем поведении. Но я могу читать книги и без театральности в узком смысле, скажем, если чтение книг укоренено во мне, как привычка, или если чтение книг служит заранее известным мне задачам, которые я осознаю как социальные: например, преподавать по этим книгам или передавать знания из них следующим поколениям.

При этом театральность в широком смысле будет и при таком чтении хотя бы потому, что я появляюсь перед всеми и перед собой в роли читателя, и здесь как раз психоаналитическая риторика Кассен могла бы нам помочь перейти от рационального обоснования справедливости к риторическому ее же обоснованию. Когда я говорю: «Я желаю прочесть книгу», я могу иметь в виду исполнение обязанностей совершенно не сценическое, но при этом все равно я покажу желание как появившееся на социальной сцене и определившее конфигурацию этой сцены. Книжки там желают читать или передавать новым поколениям, где уже появилось это начальное желание вполне театральное в широком смысле, имеющее в виду публичный отчет о своих желаниях, даже если в качестве публики выступаешь ты сам.

Поэтому на самом деле проблема, которую ставит Амартия Сен, – это не проблема ожиданий Ханжи и Распутника от ситуации, не проблема постоянной отсрочки реализации желанной им ситуации, из-за чего справедливость их внутренних убеждений (осознание своих убеждений справедливыми) расходится со справедливостью реализации этих убеждений (осознанием того, что они справедливо реализованы на таком-то этапе типографского или цензурного обращения с книгой). Как раз эта отсрочка, которую имеет в виду Сен, видна как конфигурация, исходящая из конфигурации договора: в сравнении с ясностью договора, любые ожидания от своих или чужих желаний кажутся отсрочкой. Если мы вынесем договор за скобки, произведем, как говорят философы-феноменологи, «приостановку» этого договора, то мы не увидим никакой отсрочки, мы увидим только то, что сталкиваются различные понимания справедливости Ханжой и Распутником. В системе Сена, в отличие от системы Кассен, направленной на продуктивную критику политического

соблазна, феноменологической «приостановки» нет, есть только заранее известные механизмы желаний, прежде всего желания использовать ограниченный ресурс не только материальный, но и эмоциональный, что и приводит к такому конфликту желаний (тогда как в системе Кассен возможно коллективное согласование желаний).

Настоящая проблема – это как раз состав публики. Понятно, что и Ханжа, и Распутник нуждаются в публике, так как их амплуа опять же будут понятны только в зеркале восприятия их действий. Чтобы их намерения были восприняты как действия, в качестве публики прежде всего должны выступить они сами. Каждый из них должен посмотреть на себя как в зеркало, разглядеть свои намерения и одобрить их. Например, Ханжа должен разглядеть в себе намерение упорядочить мир, а Распутник – намерение упорядочить собственные страстные желания.

Но как только мы переходим от рассмотрения себя собой в качестве публики к рассмотрению себя настоящей публикой, здесь происходит переключение, потому что публика воспринимает Ханжу как борющегося со своими и чужими желаниями, а Распутника – как упорядочивающего мир наиболее простыми средствами, такими как вседозволенность. Тем самым, ситуация оказывается прямым зеркалом зеркала, то, как видят себя эти герои в зеркале самих себя, прямо противоположно тому, как они видятся в зеркале публики. Такие переворачивания нам хорошо известны в опыте социальной жизни: например, человек деятельный может быть охарактеризован как «карьерист», а человек инертный – как «благоразумный».

Собственно, Сен пишет на самом деле не о желании обеспечить определенную норму чтения, которое следует из того, что желание читать все люди в целом удовлетворяют, и в человеке пробуждается более сильное желание, более сильный эрос космического созидания. Ведь сам этот эрос по-разному существует в индивидуальном взгляде на себя и в публичном появлении перед зрителями. В индивидуальном взгляде на себя – это понимание своих ограничений, своей, говоря словами «Пира» Платона, «пении», бедности. Во взгляде публики на себя, наоборот, мы встречаем «порос», доход, избыток, т. е. публика именно что подозревает в актере некоторую неограниченность душевных ресурсов. И проблему Сен ставит поневоле такую, что невозможно найти этот момент перехода от «пении» к «поросу», от авторефлексии к социальной рефлексии, а значит соединить либерализм с функционализмом в виде Парето.

Но мы предполагаем, что такое соединение возможно, если мы обратимся к континентальной философии, а именно к пониманию фантазии в системе Б. Кассен. Согласно Кассен, само фантазийное имеет внутри себя идею роскоши, фантазии как избытка, как мы говорим «фантазия с подвывертом». Таким образом, не только человек, но и публика имеет возможность автокоммуникации, встречи с собой как субъектом такого фантазирования – так, всех людей манит роскошь, красота, блеск.

При этом фантазийное для взгляда извне реализуется как фантом, как призрак, и здесь мы уже должны допустить не коллективный взгляд на себя в зеркало, а «театр одного зрителя». Именно такой театр – психоанализ, где аналитик видит игру фантомов, но при этом единственным, кто регулирует принципы зрительского внимания, оказывается анализируемый. Аналитик может просто выносить за скобки это регулирование, рассматривая, какому симптому соответствует какой фантом мысли и речи анализируемого. Но аналитик всегда остается одиноким зрителем.

Поэтому вполне возможно допустить соединение либерализма и равновесия интересов по Парето, если допустить коллектив Ханжей и коллектив Распутников. Каждый такой коллектив будет регулировать сами принципы издания книг, например, указывать, когда книга заслужит рецензирование или критику. На смену одинокому кляузнику или вольнодумцу может прийти такой коллектив фантазийности, находящийся в книге блеск, занимательность, способность захватить человека и тем самым преодолеть обычные дисциплинарные рамки использования книги. Тогда, разумеется, в этой фантазийности будут вполне сбалансированы интересы тех и других – Ханжей и Распутников – без всякого сговора: просто и те, и другие смогут отстоять интересы самого производства, расширяющего себя за пределы привычных его использований.

Но также можно предположить не выступление перед публикой, но перед одним зрителем: им и оказывается сам автор спорной (соблазнительной, искусовой) книги. Понятно, что и Ханжа, желающий ограничить оборот книги, и Распутник, наоборот, создающий этот оборот, попадают в ловушку отдельных желаний автора: сам автор всегда недоволен книгой, но он же заинтересован в том, чтобы книга не столько обсуждалась, сколько просто ходила, чтобы находила читателей сейчас и в будущем. Таким образом, выход Ханжи и Распутника из ловушки – это обращение к самому автору, не в смысле общения с живым автором, но в смысле понимания, что кроме учтенных желаний есть и неучтенные желания автора. Таким желанием может быть, например, особая интерпретация, вроде того, как наша жизнь взывает к особой интерпретации на кушетке психоаналитика. Здесь тоже Ханжа и Распутник, не вступая в сговор, вполне могут добиться соблюдения интересов друг друга при реализации либерального идеала продуктивности интерпретаций для личной инициативы.

Таким образом, мы должны признать, что критика справедливости, основанная только на рационализации позиций агентов справедливости, не работает там, где есть принцип, релевантный как для единиц, так и для множеств в их взаимодействии, как принцип Парето. Эти единицы и множества будут тогда ускользать от фиксации, и мы действительно столкнемся с проблемой фиксации, а не проблемой действительного функционирования единиц. Тогда как в случае критики справедливости, основанной на социальных допущениях, таких как возможность коллективной автокоммуникации, и связанной с влиянием психоанализа на континентальную философию, мы можем преодолеть главные противоречия соединения либерализма и учения о равновесии.

Мы можем осуществить феноменологические процедуры и благодаря им вполне вернуть личный элемент свободы в мир, где мы разыграли спектакль противоречия интересов. Схема желаний, усиливающих и возбуждающих друг друга, тогда будет работать не на исчерпание ресурсов, как в модели Сена, а на их умножение, как в модели Кассен. Это принципиально для непротиворечивого решения вопроса о связи чтения, желания и публичного поведения, который уже не принадлежит области только этики.

Внутри такой выстроенной связки человека (читателя, автора, сценариста) – условие вхождения в общественно доступный институциональный комплекс. Желания и верования выстраивают модель ожидаемого от индивида поведения. Читатель согласует свое поведение с системой значений текста, в пределах которой организует опыт переживания

и всматривания в себя и оценивая наполненность / пустоту ожиданий. Взгляд внутрь себя – это проявление творческой справедливости, которая представляет из себя не просто систему ожиданий и их исполнения, но и систему актуальных переживаний.

В процессе автокоммуникации читатель сталкивается с тайной, глядя на себя глазами автора. Образ зеркала, который здесь более всего уместен, позволяет читателю развить актуальную отражательную способность, преодолев оптическую ограниченность человеческого глаза, приоткрывая невидимое, потаенное, скрытое, желаемое, интимное, возможно, постыдное, то, что приносит удовольствие. Справедливость связана с нормой, мерой. Это мерка заслуженного и ожидаемого снабжения, которая открывает горизонт видения с новым опытом проживания и переживания жизненного мира. Это новая эгология (ego- logos-), где созерцание себя возможно в области имманентных данных сознания, где метафизические и онтологические основания справедливости и ее осознания скрываются в области внутренних гносеологических структур. В утробе осознания зачинается мир удовольствия.

Любое удовольствие, как и роскошь, фантазия, избыточно и излишне. Оно переполняет края стакана и красиво проливается на скатерть, становясь литературной или кинематографической метафорой, эстетическим удовольствием, наполняющим тело читателя физиологической радостью. Это и есть избыточная коммуникация, которая расширяет понятия ответственности и справедливости, объединяя либерализм юридически выверенной политики и функционализм в версии Парето.

Список литературы / References

Европейский словарь философий. Лексикон непереводимостей. (2015). Ред. Б. Кассен. Киев: Дух і літера.

Cassin, B. (ed.). (2015). *Dictionary of untranslatables.* Kyiv. (In Russ.)

Кассен, Б. (2000). *Эффект софистики.* М.-СПб.: Московский философский фонд Университетская книга, Культурная инициатива.

Cassin, B. (2000). *L'effet sophistique.* Moscow; St. Petersburg. (In Russ.)

Нуссбаум, М. (2014). *Не прибыли ради. Зачем демократам нужны гуманитарные науки.* М.: Высшая школа экономики (Государственный университет).

Nussbaum, M. (2014). *Not for Profit: Why Democracy Needs the Humanities.* Moscow. (In Russ.)

Нуссбаум, М. (2023). *Политические эмоции. Почему любовь важна для справедливости.* М.: Новое литературное обозрение.

Nussbaum, M. (2023). *Political Emotions: Why Love Matters for Justice.* Moscow. (In Russ.)

Сен, А. К. (2004). *Развитие как свобода.* М.: Новое издательство.

Sen, A. K. (2004). *Development as Freedom.* Moscow. (in Russ.)

Сен, А. К. (2016). *Идея справедливости*. М.: Изд-во Института Гайдара.

Sen, A. K. (2016). *The idea of justice*. Moscow. (In Russ.)

Anderson, E. (2005). Critical Notice of Amartya Sen, "Rationality and Freedom". *The Philosophical Review*. Vol. 114. No. 2. Pp. 253-271.

Meeks, J. G. (2017). Amartya Sen (1933–). *The Palgrave Companion to Cambridge Economics*. Pp. 1045-1077.

Sen, A. (2009). *The idea of justice*. The Belknap Press of Harvard University Press Cambridge, Massachusetts.

Yamamori, T. (2018). The concept of need in Amartya Sen: commentary to the expanded edition of *Collective Choice and Social Welfare*. *Ethics and Social Welfare*. Vol. 12. No. 4. Pp. 387-392.

Сведения об авторах / Information about the authors

Марков Александр Викторович – доктор филологических наук, профессор кафедры кино и современного искусства Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва, ул. Чайнова, 15, e-mail: markovius@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-6874-1073>

Штайн (Братина) Оксана Александровна – кандидат философских наук, доцент департамента философии Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, e-mail: shtaynshtayn@gmail.com, <http://orcid.org/0009-0004-1701-3147>

Статья поступила в редакцию: 23.12.2023

После доработки: 20.02.2024

Принята к публикации: 11.03.2024

Markov Alexander – Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Cinema and Contemporary Art, Russian State University for the Humanities, Moscow, Chayanova St., 15, e-mail: markovius@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-6874-1073>

Shtayn Oksana – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor Department of Philosophy, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Lenin Avenue, 51, e-mail: shtaynshtayn@gmail.com, <http://orcid.org/0009-0004-1701-3147>

The paper was submitted: 23.12.2023

Received after reworking: 20.02.2024

Accepted for publication: 11.03.2024

УДК 091

**ХОЛИЗМ И ИНДИВИДУАЛИЗМ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ
(ОНТОЛОГИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ):
СОВРЕМЕННЫЕ ДЕБАТЫ И ПРИБЛИЖЕНИЕ К ПОЗИЦИИ ГЕГЕЛЯ**

Д. К. Маслов

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
denn.maslov@gmail.com

Аннотация: Настоящая статья представляет обзор современных исследований и проблематизирует тематику онтологического и методологического холизма и индивидуализма в рамках социальной метафизики. Подготавливается рассмотрение этого вопроса, исходя из гегелевской перспективы. Первая часть статьи дает общий обзор современных дискуссий и коротко характеризует варианты холизма и индивидуализма в онтологической и методологической перспективе. Вторая часть представляет гегельянскую концептуализацию этой проблематики, предложенной Джиллиан Роуз. Она аргументирует в пользу неприемлемости холизма и индивидуализма (функционализм и теория действия) и указывает на третью, объединенную перспективу, адекватное выражение которой находит у Гегеля.

Ключевые слова: онтологический холизм, онтологический индивидуализм, методологический холизм, методологический индивидуализм, Джиллиан Роуз, Гегель.

Для цитирования: Маслов, Д. К. (2024). Холизм и индивидуализм в социальных науках (онтология и методология): современные дебаты и приближение к позиции Гегеля. *Respublica Literaria*. Т. 5. № 1. С. 61-70. DOI: 10.47850/RL.2024.5.1.61-70

**ON THE DICHOTOMY OF HOLISM AND INDIVIDUALISM
IN SOCIAL METAPHYSICS: APPROACHING HEGEL'S VIEW**

D. K. Maslov

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
denn.maslov@gmail.com

Abstract. The paper gives a survey of contemporary research and thematizes the topics of ontological and methodological holism and individualism within social metaphysics, and does preparatory work for an examination of this issue from a Hegelian perspective. The first part of the paper provides an overview of the current debates and roughly maps the positions. The second part presents a Hegelian conceptualization of this issue as proposed by Gillian Rose. She argues in favor of the unacceptability of holism and individualism (functionalism and action theory) and points to a third, unified perspective, which finds an adequate expression in Hegel, according to her.

Keywords: ontological holism, ontological individualism, methodological holism, methodological individualism, Gillian Rose, Hegel.

For citation: Maslov, D. K. (2024). On the Dichotomy of Holism and Individualism in Social Metaphysics: Approaching Hegel's View. *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 1. Pp. 61-70. DOI: 10.47850/RL.2024.5.1.61-70

I

Зарождение науки о социальном в его разных аспектах (история, культурология, социология, социальная антропология и пр.) с первой трети XIX в. сопровождалось дискуссиями о природе самого объекта и подходящем методе исследования [Розов, 2008]. На сегодняшний день эти дисциплины скорее во многом сами отошли от дискуссий об основаниях и заняты исследованием эмпирического материала, применением теоретических фреймов. Тем не менее, концептуальные исследования не прекращаются полностью: вопросы о методе познания социального и его онтологии продолжали обсуждаться на протяжении всего XX в. и ведутся по сей день [см.: Zahle, 2007].

Центральные дискуссии строятся вокруг природы социального и ведутся вокруг позиций индивидуализма и холизма в методологическом и онтологическом плане [см.: Gilbert, 1989; Tuomela, 2010, 2013]. Единичные индивиды, их действия и поведение, рассматриваются как объекты микроуровня; институты, комплексные события и т. д. как объекты макроуровня. С первого взгляда кажется, что разные типы фактов требуют разных видов объяснения; однако этому противостоит естественная тенденция к унификации и сведению одного уровня к другому. Два основных вопроса, касающихся индивида или сообщества: что является онтологически фундаментальным (первичным), и исходя из какой перспективы следует вести исследование. Сходные проблемы стояли еще со времен зарождения социального знания (и, естественно, эта ситуация уходит далеко в прошлое); так сложились две ведущие парадигмы, которые наиболее ярко представлены в работах таких ключевых теоретиков как Макс Вебер и Эмиль Дюркгейм¹. Немецкий социолог исходит из перспективы единичных акторов, поведение которых определяется их индивидуальным целеполаганием и целерациональностью. Исходя из их единичных воль и поведения складываются социальные факты, так что такие факты редуцируются к индивидам, их установкам и действиям. Французский социолог, напротив, при объяснении поведения индивидов прибегал к структурным факторам, институтам, так что поведение индивидов рассматривается как производное от окружающих их структур (что в том числе дало импульс для структурализма в социологии и социальной антропологии)². Пафос обеих

¹ В немецкой социологии конца XIX – первой трети XX вв. велись сходные по характеру дискуссии о природе общества и предпочтительном способе его устройства. Ф. Теннис сформулировал это отличие в терминах *Gesellschaft* и *Gemeinschaft*, что переводят как *общество* и *общность* [Теннис, 2002]. А. Филиппов дает краткую характеристику: «В *Gemeinschaft*’е есть совокупное “мы”, мир единой судьбы всех его членов. В *Gesellschaft*’е есть только неопределенно-личное “man”» [Филиппов, 2002, с. 442, см. 435-446]. Речь идет о понимании общества как образования договорного типа для решения вопросов материального и экономического благополучия, так что отношения между индивидами носят внешний и договорной характер, или же общности как органического целого с прочными культурными и эмоциональными связями между индивидами, понимающими себя как часть большего целого. Эти перспективы исходят из разных антропологий и имеют принципиально различные следствия для политических теорий и политики.

² Дж. Серл удачно выразил это тем образом, что мы все погружены в море институциональных фактов, так что привычка мешает нам замечать их. Все они укоренены в языке и производны от него [см.: Searle, 2010, p. 90].

программ состоит в том, что они, преследуя научный идеал унификации, претендуют на объяснение всех социальных фактов через редукцию к фактам одного из этих уровней; по меньшей мере, это верно для методологического индивидуализма³.

В основе методологического индивидуализма лежит принцип, согласно которому социальные факты сводимы к фактам и высказываниям о единичных индивидах. Тем самым, следует объяснять все события через отсылку к установкам и действиям единичных индивидов. Салли Хаслангер иллюстрирует это с помощью такого примера: «Тот факт, что преступность увеличивается в летние периоды – это просто факт о действиях индивидов летом, и эти действия являются результатом паттерна поведения людей в теплую погоду» [Haslanger, 2022, p. 512; также см. Haslanger, 2015]. Фрэнк Джэксон и Филипп Петтит указывают на то, что социальные факты зависят от «действий [индивидов], которые вызываются установками [индивидов], и результатов этих действий»; они продолжают: «... тот факт, что богатые довольствуются более высоким статусом, чем бедные, является вопросом установки, которую люди занимают по отношению к богатым и бедным; падение числа курильщиков – это вопрос действий индивидов в прошлом и настоящем. В таких случаях социальные факты имеют место в силу установок и действий индивидов, и, возможно, контекста, в котором они случаются» [Jackson, Pettit, 1992b, p. 97]. Тем самым, методологический индивидуализм вписывается в естественнонаучно ориентированную тенденцию сведения сложных структур к простым фактам и сущностям, при том, что индивиды оказываются некоторого рода социальными атомами (см., напр., [Elster, 1983] с его *small-grained explanation*).

Часто методологический индивидуализм идет рука об руку с онтологическим индивидуализмом. Крайне влиятельная традиция онтологического индивидуализма, берущая свой исток в философии Нового времени (Декарт и, особенно, Гоббс), исходит из тезиса о подлинном и собственном существовании индивидов. Гоббс различает естественных и искусственных индивидов (*natural / artificial individuals*)⁴, и, более того, говорит о личности государства (*a person of Commonwealth*). Подобная позиция не лишена смысла. Можно предположить, что она стала общим местом, поскольку отвечает позитивистскому представлению о том, что существуют только материальные объекты. В этом отношении онтологический индивидуализм рассматривает личностей как фундаментальную ступень ввиду их телесности, физической данности, тогда как производные сущности (собственно, сфера социального, нормативного, ценностей, одним словом, субъекта: собственность, деньги, государство и т. д.) суть лишь фикции или

³ Разумеется, существуют промежуточные вариации сочетания этих аспектов. В частности, можно говорить о коллективном агенте, но признавать его «фиктивную» природу [Дуглас, 2020, Douglas, 1986; Searle, 2010; Jackson, Pettit, 1990; Pettit, Schweikard, 2006; Pettit, 2011].

⁴ Признавая это, стоит учитывать часто отмечаемый факт «инородности» Гоббса для англоязычной политической традиции в том, что касается искусственных индивидов и персоны государства. Англоязычная традиция, пошедшая скорее по пути либерализма и утилитаризма, концентрируется на индивидах и их правах, тогда как Гоббс ставил интересы государства, представленного монархом, выше интересов индивидов в качестве основного условия недопущения *belli omnium contra omnes* [Hobbes, 1839].

конвенции. Согласно этому взгляду, индивиды образуют абстрактные общности через взаимодействие в договорном, контрактуалистском или конвенционалистском ключе, такие как семья, предприятия, государства [см., напр.: Lewis, 1969]. Принцип объяснения социального оказывается подобен механистическому объяснению в физике [см.: Van Buowel, 2019]. В рамках современных англоязычных дискуссий до недавнего времени позиция онтологического индивидуализма была практически безальтернативной [см.: Epstein, 2009, p. 188]. Позиция методологического индивидуализма до сих пор весьма распространена, хотя некоторые исследователи утверждают, что она нуждается в спасении [Guala, 2022]⁵.

С точки зрения методологического холизма, и социальные факты в целом, равно как и действия единичных индивидов, объясняются не их целями и установками людей, взятых по отдельности, но структурами и институтами того социального целого, частью которого они являются⁶. Исследователями выделяется несколько разновидностей такого структурного воздействия [Jackson, Pettit, 1992b]: в частности, среди прочего, речь ведется о программировании или фильтровании действий индивидов. Так, рост криминального поведения будет объясняться не жарой или индивидуальным выбором индивидов, но уровнем безработицы. Институт брака, его состояние и нормы, определяет сексуальное поведение людей, и он в целом не зависит от идиосинкразии единичных индивидов. Методологический холизм представляет собой утверждение, что социальные структуры, институты, нормы и пр., иными словами, сообщество и общество, обладают методологическим приоритетом при объяснении действий и установок последних. Ярким примером такого подхода является марксизм (т. е. в метафизической сущности – гегельянство с модифицированной в сторону «материализма» онтологией) с его понятиями классов, классового интереса, идеологии, ложного сознания и т. д. Холистическая позиция в отношении социального познания (в марксистской форме) была подвержена серьезной критике со стороны философии науки, в результате чего потеряла влияние к концу века; на сегодняшний день, она снова оказывается теоретически влиятельной, хотя и в иной форме: в частности, на волне критики структурного расизма и внимания к структурному неравенству, ущемляющему права женщин и меньшинств (также не стоит забывать про мир-системный подход). Эта традиция оперирует понятиями, которые считались подозрительными или «ненаучными» с точки зрения эмпиризма или пост-позитивизма ввиду их нефальсифицируемости (Поппер), поскольку она не соответствует стандартам научного объяснения через указание на законы (*explanation by covering laws*) (Гемпель), ввиду их абстрактного характера или непроверяемости. Считалось, что поэтому такие

⁵ Эта позиция представлена многими исследователями. В частности, кроме Вебера к ней можно отнести и таких мыслителей, как фон Хайек, Поппер [см.: Buzzoni, 2004], И. Гофман, М. Олсон [Olson, 1965], А. Данто [Danto, 1962], Дж. Эльстер [Elster, 1983] и др. [Tännsjö, 1990; Just, 2004] Некоторые дисциплины, такие как теория игр и экономика, построены на предпосылках индивидуализма.

⁶ Это может проявляться в разных вариациях. К. Скиннер [Skinner, 2002, p. 114-122] представляет этот подход в рамках истории понятий, однако это можно распространить и на наше время. В одном из своих выступлений он отмечает, что интертекстуальность представляет собой основу приписывания интенций и тем самым объяснения действий через намерения. «Несомненным следствием моего подхода», – пишет он, – является то, что основное внимание должно уделяться не индивидуальным авторам, но более общему дискурсу их времени» [Там же, p. 118]. Дискурс в этом плане не сводим к установкам и психологии индивидов.

сущности и теории, постулирующие их, либо должны быть изгнаны из научного дискурса и объяснения, либо же сведены к наблюдаемым фактам. Тем самым структурные социальные факты должны быть сведены к индивидуальным агентам, их действиям, интересам и целям, в конечном счете, к психологии (бихевиоризм) и рациональности (теория игр, экономика). Построенные на этом основании общие высказывания должны опираться на и быть сводимыми к единичным фактам о единичных индивидах. Тем не менее, такая критика (пусть и полезная в некоторых моментах) оказывается предвзятой, поскольку, с одной стороны, в социальном познании не может быть достигнута точность естественно-научного объяснения (описания и предсказания), а, с другой стороны, такой паттерн объяснения устраняет собственно предмет социального познания – человечество и его свободу (как возможность (сознательного, произвольного) изменения установленных схем).

Холизм находит приверженцев и сегодня [Jackson, Pettit, 1992a; Haslanger, 2022, etc.]. Его преимущество состоит в том, что он позволяет нам взглянуть на взаимодействия индивидов с точки зрения системы тех отношений и общества, в котором они действуют; холизм находит понимание и в метафизических дебатах о мерологии, о природе универсума и пр. Индивид (как любой объект, так и личность) определяется через ряд своих свойств, так и человек определяется через ряд своих свойств (социальных ролей), решений, мыслей и т. д., которые могут иметь только холистический характер.

II

Историко-систематический анализ идей Гегеля помещает нас в мета-позицию в отношении этих дебатов, он позволяет соединить перспективы холизма и индивидуализма, которые представляют собой органическое целое, образуя некоторого рода круг. Однако полное развертывание этого тезиса не входит в цели настоящей работы⁷. Здесь ограничимся предварительными замечаниями.

Любопытно обратиться к неканоническому анализу состояния дискуссий, предложенному Джиллиан Роуз, в котором она использует свою интерпретацию системы Гегеля. В своей недооцененной работе она формулирует проблемное поле, которое соответствует нашему обсуждению в первой части статьи, в терминах теории действия и структур. При этом она возводит спор по меньшей мере к Канту и Фихте [Rose, 2009, ch. 1]. Она интерпретирует критики чистого и практического разума Канта как отражающие два вышеописанные направления: первая прочитывается как теоретическое основание для структурализма, поскольку этот трактат занят вопросом обоснованности, валидности (Geltung) наших притязаний на познание в отвлечении от индивидуальной психологии. В ней исследуется объективность и общезначимость нашего познания и суждений. Здесь видится сильное допущение, поскольку Роуз совершает скачок в интерпретации и без дополнительного обоснования приближает такой подход к структурной социологии. Тем самым проект критики теоретического разума распространяется с теоретического

⁷ Литература, исследующая социальную онтологию и методологию Гегеля, обширна. Только некоторые из работ: [Wood, 1990; Bubner, 1995; Neuhauser, 2000; Pippin, 2008; Stekeler-Weithofer, 2019, 2021]. Об отношении Гегеля к традиции социологии [см.: Кнапп, 1986].

познания предметов точных наук и формальной логики на социальное познание (в частности, Роуз включает Лотце, марбургскую школу неокантианства в эту традицию). В результате этого правила валидного вывода и объективного познания оказываются объективными и надиндивидуальными, тем самым они полагаются в основу структурной модели, которую позже развивали Дюркгейм и разного рода структуралисты⁸. В этом отношении, указывает Роуз, структурная социальная теория закрепощает индивида и лишает его возможности самостоятельной деятельности, не predetermined структурами. В некотором смысле это устраняет свободу и индивида. Напротив, в практической философии Канта и в философии Фихте с его упором на индивида (Я) она видит основание для программы методологического индивидуализма (она именует ее теорией действия («action theory»), соотнося с веберовским подходом). Недостаток такого подхода она видит в распадении социальной реальности на множество ограниченных перспектив, так что социальная реальность воспроизводит эти частные репрезентации и в результате индивид оказывается ничем не связанным абсолютом [Rose, 2009, p. 228-229]. Роуз заключает: «Структурная социология “пуста”, теория действия “слепа” ... [это приводит к] абсолютизации необусловленного актора, с одной стороны, и полностью обусловленному агенту, с другой» [Там же].

Верное, на мой взгляд, предложение Роуз состоит в том, чтобы с опорой на Гегеля отказаться от этих крайностей [Rose, 2009, p. 45-51, 227f.]⁹. Идея Гегеля, которую он развернул в феноменологии, логике и философии права, состояла в объединении («примирении») теоретического и практического разума и тем самым перспектив холизма и индивидуализма, чего не удалось достичь Канту и многим другим философам, так что они только воспроизводили это разделение [Там же, p. 48, 227-228f.]¹⁰. Несомненно, что тем самым Роуз затрагивает нерв самой дискуссии, и предложение Гегеля имеет существенную ценность. Поэтому нам необходимо обратиться к исследованию философии Гегеля и реконструкции его воззрений на этот счет, что позволит лучше понять самого Гегеля, а также поспособствует развитию новой перспективы в теоретической дискуссии по вопросам холизма и индивидуализма.

Гегель прочитывается в холистическом ключе с оговоркой о круговом характере соотношения индивидов и общества [см. теоретическую интерпретацию нескольких его высказываний в: Maslov, 2024, forthcoming]. Тезис Гегеля «истина есть целое» (das Wahre ist das Ganze) указывает на методологическое и онтологическое первенство холизма как

⁸ Интерес представляет ее оценка социальных теоретиков XX в. В частности, она относит популярность Хабермаса в англо- и немецкоязычных мирах на счет его укорененности в немецкой традиции социального познания, наследующего духу Лотце и тем самым неокантианства [Rose 2009, p. 36].

⁹ Она обвиняет марксистскую традицию в мистификации мысли Гегеля, в разделении ее на консервативную систему и радикальный метод, которое, по ее мнению, Гегель преодолел [Rose, 2009, p. 43-44].

¹⁰ Нельзя не отметить, что Роуз видит высшее развитие унификации Гегеля в логике, а не феноменологии или философии права, на что указывает и сама структура ее книги, тем самым достигается методологическая унификация философии Гегеля. (Одна из проблем гегелеведения – вопрос соотношения «Феноменологии духа» и поздней системы с логикой как «фундаментом»). Определенно, Роуз желала практического воплощения своих идей и радикального переустройства общества как абсолюта, познающего и создающего самого себя, началом чего должна послужить корректная интерпретация. Мы видим оборачивание одиннадцатого тезиса Маркса. Подлинное изменение мира совершается через переинтерпретацию и создание понятий, изменение практики – это следствие этого. Философия, интерпретация мира есть и его изменение.

системы общества, что, однако, не влечет за собой пренебрежение или подчинение индивида тоталитарному целому государства (см. § 36 «Философии права» с его императивом: Будь личностью!). Гегель не являлся апологетом прусского государства, как и не был идеологом тоталитаризма (обратные утверждения – плод недомыслия под влиянием Поппера). Тем не менее, индивидуализм, взятый абсолютно, оказывается неадекватной теоретической и практической перспективой (отсюда не следует, что индивидуализм вообще не должен иметь применения)¹¹. Онтологически в разных смыслах индивиды производны по отношению к сообществу (как совокупности структур, институтов, норм, правил, ценностей и т. д.), порождающему их и создающему индивидов и физически, и нормативно, ценностно. Однако эти индивиды и составляют общество, они и есть общество. Методологически действия, желания, намерения и т. д., которые совершают индивиды, направляются структурами, нормами, ценностями общества. Индивидуальное действие в том смысле, что оно является подобно созданию мира *ex nihilo*, невозможно точно так же, как невозможен индивидуальный язык. Подробное развертывание этих идей последует в других работах.

Список литературы / References

Дуглас, М. (2020). *Как мыслят институты*. М.: Элементарные формы.
Douglas, M. (2020). *How Institutions Think*. Moscow. (In Russ.)

Ницше, Ф. (1996). *Сочинения*. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль.
Nietzsche, F. (1996). *Works*. In 2 vols. Vol. 2. Moscow. (In Russ.)

Розов, Н. С. (2008). Спор о методе (Methodenstreit) и проблема специфики социогуманитарных наук. Статья первая: основания, предыстория и начало спора. *Сибирский философский журнал*. Т. 6. № 1. С. 37-42.

Rozov, N. S. (2008) The dispute about the method (Methodenstreit) and the problem of specificity of social sciences and humanities. The first paper: grounds, background and the beginning of the dispute. *The Siberian Philosophical Journal*. Vol. 6. No. 1. Pp. 37-42.

¹¹ Здесь нельзя не привести пространную цитату из Ницше «По ту сторону добра и зла»: «Но нужно идти еще дальше и объявить беспощадную, смертельную войну также и “атомистической потребности”, которая, подобно еще более знаменитой “метафизической потребности”, все еще существует в опасном паки-бытии в таких областях, где ее никто не чувствует; нужно прежде всего доконать также и ту другую, еще более роковую атомистику, которой успешнее и дольше всего учило христианство, атомистику душ. Да будет позволено назвать этим словом веру, считающую душу за нечто неискоренимое, вечное, неделимое, за монаду, за *atomon*, – эту веру нужно изгнать из науки! Между нами говоря, при этом вовсе нет надобности освобождаться от самой “души” и отречься от одной из старейших и достойнейших уважения гипотез, к чему обыкновенно приводит неуклюжесть натуралистов, которые, как только прикоснутся к “душе”, так сейчас же и теряют ее. Но путь к новому изложению и утонченной обработке гипотезы о душе остается открытым; и такие понятия, как “смертная душа”, “душа как множественность субъекта” и “душа как общественный строй инстинктов и аффектов”, с этих пор требуют себе права гражданства в науке» [Ницше, 1996, с. 250].

Теннис, Ф. (2002). *Общность и общество*. СПб: Владимир Даль.

Tönnies, F. (2002). *Gemeinschaft und Gesellschaft*. St. Petersburg. (In Russ.)

Филиппов, А. Ф. (2002). Между социологией и социализмом: введение в концепцию Фердинанда Тенниса. Ф. Теннис. *Общность и общество*. СПб.: Владимир Даль. С. 386-446.

Filippov, A. F. (2002). Between Sociology and Socialism: An Introduction to Ferdinand Tönnies' Confession. In F. Tönnies *Gemeinschaft und Gesellschaft*. St. Petersburg. Pp. 386-446. (In Russ.)

Buzzoni, M. (2004). Poppers methodologischer Individualismus und die Sozialwissenschaften. *Journal for General Philosophy of Science*. Vol. 35. Pp. 157-173.

Bubner, R. (1995). Hegels politische Anthropologie. In R. Bubner. *Innovationen des Idealismus*. Göttingen. Vandenhoeck und Ruprecht. Pp. 72-85.

Danto, A. (1962). Methodological Individualism and Methodological Socialism. *Filosofia*. Vol. 13 (4 Supplemento). No. 626. Pp. 312-337.

Douglas, M. (1986). *How Institutions Think*. Syracuse, N.Y. Syracuse University Press.

Elster, J. (1983). The Case for Methodological Individualism. *Theory and Society*. Vol. 11. No. 4. Pp. 453-482.

Epstein, B. (2009). Ontological individualism reconsidered. *Synthese*. Vol. 166. No. 1. Pp. 187-213.

Gilbert, M. (1989). *On Social Facts*. London. Routledge.

Guala, F. (2022). Rescuing Ontological Individualism. *Philosophy of Science*. Vol. 89. Iss. 3. Pp. 471-485.

Haslanger, S. (2015). What is a (Social) Structural Explanation? *Philosophical Studies*. Vol. 173. No. 1. Pp. 113-130.

Haslanger, S. (2022). Failures of Methodological Individualism: The Materiality of Social Systems. *Journal of social philosophy*. Vol. 53. No. 4. Pp. 512-534.

Hobbes, T. (1839). Leviathan. In Molesworth, W. (ed.). *The English Works of Thomas Hobbes of Malmesbury*. Vol. III.

Jackson, F., Pettit, P. (1990). Program Explanation: A General Perspective. *Analysis*. Vol. 50. No. 2. Pp. 107-117.

Jackson, F., Pettit, P. (1992a). In Defense of Explanatory Ecumenism. *Economics and Philosophy*. Vol. 8. Pp. 1-21.

Jackson, F., Pettit, P. (1992b). Structural Explanation in Social Theory. In Charles, D., Lennon, K. (eds.). *Reduction, Explanation, and Realism*. Oxford. Clarendon Press. Pp. 97-131.

Just, R. (2004). Methodological Individualism and Sociological Reductionism. *Social Analysis: The International Journal of Anthropology*. Vol. 48. No. 3. Pp. 186-191.

Knapp, P. (1986). Hegel's Universal in Marx, Durkheim and Weber: The Role of Hegelian Ideas in the Origin of Sociology. *Sociological Forum*. Vol. 1. No. 4. Pp. 586-609.

Lewis, D. (1969). *Convention: A philosophical study*. Cambridge, MA. Harvard University Press.

Maslov, D. (2024, forthcoming). I that is We and We that is I: A Defense of Methodological Holism and the Primacy of Collective Agency. *The Russian Sociological Review*. Iss. 1.

Neuhouser, F. (2000). *Foundations of Hegel's Social Theory: Actualizing Freedom*. Cambridge, Mass. Harvard University Press.

Olson, M. (1965). *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge, MA. Harvard University Press.

Pettit, P. (2011). Groups with Minds of Their Own. In Goldman, A., Whitcomb, D. (eds.). *Social Epistemology: Essential Readings*. New York. Oxford University Press. Pp. 242-268.

Pettit, P., Schweikard, D. (2006). Joint Actions and Group Agents. *Philosophy of the Social Sciences*. Vol. 36. No. 1. Pp. 18-39.

Pippin, R. (2008). *Hegel's Practical Philosophy: Rational Agency as Ethical Life*. New York. Cambridge University Press.

Rose, G. (2009). *Hegel Contra Sociology*. Oxford University Press. London. Verso.

Searle, J. (2010). *Making the Social World: The Structure of Human Civilization*. Oxford. Oxford University Press.

Skinner, Q. (2002). *Visions of Politics. Vol. 1*. Cambridge. New York. Cambridge University Press.

Stekeler-Weithofer, P. (2019). On Hegelian Logic of Us. *Hegel Bulletin*. Vol. 40. Special Iss. 3. Hegel and the Philosophy of Action. Pp. 374-397.

Stekeler-Weithofer, P. (2021). *Hegels Grundlinien Der Philosophie Des Rechts: Ein Dialogischer Kommentar*. Hamburg. Felix Meiner Verlag.

Tännsjö, T. (1990). Methodological Individualism. *Inquiry*. Vol. 33. Pp. 69-80.

Tuomela, R. (2010). *The Philosophy of Sociality: The Shared Point of View*. New York. OUP.

Tuomela, R. (2013). *Social Ontology: Collective Intentionality and Group Agents*. New York. New York. Oxford University Press.

Van Buowel, J. (2019). Do mechanism-based social explanations make a case for methodological individualism? *Journal for General Philosophy of Science / Zeitschrift für Allgemeine Wissenschaftstheorie*. Vol. 50. No. 2. Pp. 263-282.

Wood, A. W. (1990). *Hegel's Ethical Thought*. Cambridge, England. New York. Cambridge University Press.

Zahle, J. (2007). Holism and Supervenience. In Turner, S., Risjord, M. (eds). *Philosophy of Anthropology and Sociology*. Pp. 311-342.

Сведения об авторе / Information about the author

Маслов Денис Константинович – кандидат философских наук, младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского Отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, mail: denn.maslov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5399-5732>

Статья поступила в редакцию: 15.02.2024

После доработки: 11.03.2024

Принята к публикации: 15.03.2024

Maslov Denis – Candidate of Philosophical Sciences, junior research fellow of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolayev Str., 8, e-mail: denn.maslov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5399-5732>

The paper was submitted: 15.02.2024

Received after reworking: 11.03.2024

Accepted for publication: 15.03.2024

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 314.6 + 316.4

ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЯ КОЛИЧЕСТВА МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ В РЕГИОНАХ РОССИИ

М. А. Абрамова, Г. С. Гончарова

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)

marika24@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе обобщения документов и статистических данных выполнен сравнительный анализ представленности многодетных семей по группам регионов с разной их датой выхода к отрицательной динамике естественного прироста населения. Сопоставление результатов с динамикой роста доли многодетных семей в группе субъектов, сохраняющей положительный естественный прирост населения, позволило сделать вывод о том, что даже при большом мотивационном потенциале населения наступает определенный момент, когда доля многодетных семей перестает значительно увеличиваться. Обнаружение данного факта позволяет оптимистично предположить, что большим демографическим потенциалом как раз могут обладать группы регионов, где на данный момент сохраняется отрицательная динамика естественного прироста. Но для раскрытия данного потенциала нужен анализ социокультурных и экономических резервов, которые могли бы позволить его использовать, в том числе и мер поддержки государства.

Ключевые слова: многодетные семьи, динамика количества, регионы России, факторы повышения рождаемости, репродуктивные установки населения.

Для цитирования: Абрамова, М. А., Гончарова, Г. С. (2024). Динамика изменения количества многодетных семей в регионах России. *Respublica Literaria*. Т. 5. № 1. С. 71-83. DOI: 10.47850/RL.2024.5.1.71-83

DYNAMICS OF QUANTITY CHANGE LARGE FAMILIES IN THE REGIONS OF RUSSIA

M. A. Abramova, G. S. Goncharova

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)

marika24@yandex.ru

Abstract. In the article, based on the generalization of documents and statistical data, a comparative analysis of the representation of large families by groups of regions with different dates of release to the negative dynamics of natural population growth is carried out. Comparing the results with the dynamics of the growth of the share of large families in a group that retains positive natural population growth, it was possible to conclude that even with a large motivational potential of the population, there comes a certain point when the share of large families ceases to increase significantly. The discovery of this fact allows us to optimistically assume that groups of regions may have great demographic potential, where at the moment the negative dynamics of natural growth persists. But for its disclosure, an analysis of socio-cultural and economic reserves is needed that could allow it to be disclosed, including state support measures.

Keywords: large families, dynamics of the number, regions of Russia, factors of increasing fertility, reproductive attitudes of the population.

For citation: Abramova, M. A., Goncharova, G. S. (2024). Dynamics of Quantity Change Large Families in the Regions of Russia. *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 1. Pp. 71-83. DOI: 10.47850/RL.2024.5.1.71-83

Введение. 2024 год в России объявлен годом семьи. Мероприятия, связанные с ним, начались с выхода указа Президента РФ от 23.01.2024 г. № 63 «О социальных мерах поддержки многодетных семей» [Указ Президента Российской Федерации ..., 2024]. Несмотря на то, что в большинстве регионов страны и ранее поддерживалась формула, что многодетная семья – это трое и более детей, можно утверждать, что в данном Указе она получила официальное оформление. Учитывая исторически сложившуюся демографическую картину в регионах России, этнокультурные особенности, специфика восприятия многодетной семьи в общественном сознании существенно различались – где-то и четыре ребенка в семье не вызывали удивления, а где-то уже давно и два стали редкостью. И даже единая цифра количества детей в семье для большинства регионов имела различные критерии для признания многодетными семьями и предоставления соответствующих мер поддержки. Так, в Краснодарском крае семья могла пользоваться льготами для многодетных «до 18 лет, или до окончания обучения при обучении детей в государственных образовательных организациях по очной форме до 23 лет» [Указ президента о статусе многодетных семей ..., 2024]. В других регионах статус «многодетной» продлевался для семьи на период службы старшего ребенка в армии или участия в СВО (например, в Саратовской области, Приморском крае) [Там же]. В Москве статус многодетной семьи утрачивал свою силу после достижения ребенком 16 лет (или 18 лет при обучении в школе).

Принятие официального определения, с одной стороны, усреднило многодетные семьи в регионах при получении социально-экономической поддержки, а с другой – несколько усложнило отслеживание динамики количества и характеристик ее представляющих, учитывая различия в предыдущих подсчетах. Так, например, в публикациях относительно выхода Указа, подчеркнуто, что «число семей с тремя и более детьми в РФ за пять лет выросло на 27 % до 2,3 млн семей» [Многодетные семьи в России, 2024] со ссылкой на выступление Татьяны Голиковой 22 января 2024 г. во время презентации Года семьи в рамках одного из форумов. Можно ли оптимистично воспринимать данные цифры? В статье трехлетней давности мы читаем, что за последние 20 лет число многодетных семей в России сократилось вдвое [Акимова, 2021]. Автор приводит данные переписи 1989 г., когда «троих и более детей воспитывали 2 310 581 семья. К 2010 г. этот показатель существенно снизился» [Там же]. Если исходить из указанных данных, то, оказывается, что мы только вернулись к показателям 1989 г. И это неудивительно. По данным, приведенным Е. Акимовой, «в 1989 г. 26,9 миллионов семейных пар, официально состоявших в браке, предпочитали не иметь детей. В 2010 г. 12,6 миллионов семейных пар были бездетны» [Там же].

Конечно, период 90-х гг. XX в. был не самым благоприятным для роста количества многодетных семей в постсоветской России, когда традиционные ценности ставились под сомнение, а социально-экономическое положение населения оставляло желать лучшего. Поэтому мы можем предположить, что семей, где многодетность стала осознанным выбором в этот период, становилось все меньше. Исследователь В. В. Шерстнева предложила

группировку многодетных семей: осознанная многодетность; рождение общего ребенка при повторном браке отца или матери при наличии других детей; неблагополучные многодетные семьи, «образующиеся в результате безответственного поведения родителей, иногда на фоне интеллектуально-психических отклонений, алкоголизма, асоциального образа жизни» [Шерстнева, 2014, с. 236]. Как бы подтверждая выводы В. В. Шерстневой, анализируя данные микропереписи 2015 г. и ответы россиянок различных образовательных категорий, Е. М. Андреев и С. В. Захаров приходят к выводу, что «положительные сдвиги в показателях рождаемости в период действия активной пронаталистской политики едва просматриваются, и если они и имеются, то касаются в основном женщин с низким образовательным статусом» [Андреев, Захаров, 2017].

Конечно, фокусируя внимание на решение Россией проблемы сохранения человеческого капитала, в первую очередь ставится задача повышения рождаемости. Но важно говорить не только об увеличении численности населения, но и о том, в каких условиях молодые россияне появляются на свет. Насколько мотивированы и готовы родители к осознанному подходу для рождения и воспитания ребенка. Статистика не готова дать ответ на данный вопрос, поскольку это требует изучения не столько количественных, сколько качественных параметров родительства как социокультурного феномена.

Постановка проблемы. В данной статье мы хотели бы пока приблизиться к анализу феномена родительства, используя инструментарий сравнительного анализа представленности многодетных семей по регионам. С одной стороны, мы сможем понять, насколько социально-экономическая поддержка многодетных семей будет востребована в том или ином регионе, а с другой – попытаемся, соотнеся данные о планируемом и желаемом количестве детей в семьях, показать существующую связь между реальной и потенциально возможной демографической картиной в стране. Методами исследования являются анализ документов и анализ статистических и вторичных данных.

Еще в 2009 г. Л. М. Прокофьева и Е. И. Куприянова, сопоставляя уровень многодетности по регионам страны, отметили его существенные отличия. Так, в республике Ингушетия он составлял 53,4 %, а в городе Санкт-Петербург 1 %. «Причем, только в 4 регионах, включая Республику Ингушетия, она была выше 10 % от общего числа домохозяйств (Чеченская Республика – 40,5 %, Республика Дагестан – 24,8 %, Республика Тыва – 17,1 %)» [Прокофьева, Куприянова, 2009]. В 2002 г. более половины (52,3 %) многодетных семей (с тремя и более детьми) проживали в сельской местности. Согласно данным НОБУС-2003, там сосредоточено 69 % всех российских семей с 4-мя и более детьми [Анализ социально-экономического положения ..., 2008].

В нашей статье «Сохранность демографического потенциала регионов России» в 2023 г. [Абрамова, Гончарова, 2023а] мы уже обосновывали группировку 39 регионов на основании года перехода от положительной к отрицательной динамике естественного демографического прироста населения. Всего получилось 6 групп, где лишь в последней сохранился положительный естественный демографический прирост в 2022 г. В другой нашей статье «Влияние динамики изменения количества семей на сохранность демографического потенциала России» [Абрамова, Гончарова, 2023б] на основании разработанной группировки мы смогли выявить существование явной зависимости между динамикой убывания количества семейных ячеек и сокращением численности населения в регионах. При этом подчеркнув, что доминирующими являются не этнокультурные

факторы, а социально-экономические особенности. Скорее мы можем предположить, что этнокультурные особенности являются тормозящим фактором, который способствует сдерживанию региона от быстрого падения в демографическую яму. В данной статье мы рассматриваем многодетные семьи в данных 39 регионах. Но хотелось бы сразу отметить, что они составляют при этом 65 % от общего количества многодетных семей в России в целом (без учета Республики Крым и г. Севастополь) в 2020 г. (табл. 1).

Таблица 1

**Доля многодетных семей в 39 регионах от общего количества по округам
с 2002 по 2020 гг.¹**

Округа РФ	Многодетные семьи с 3 детьми (моложе 18 лет)								
	Все округа РФ, абсолютные значения			Выборка 39 субъектов РФ по округам, абсолютные значения			Выборка 39 субъектов РФ по округам, %		
	2002	2010	2020	2002	2010	2020	2002	2010	2020
ЦФО	148049	152320	288804	49021	69632	136989	33,1	45,7	47,4
СЗФО	61571	50519	111550	19376	16785	43669	31,5	33,2	39,1
ЮФО	99869	89983	142394	50982	47171	79382	51,0	52,4	55,7
СКФО	306220	278880	340532	306220	278880	340532	100,0	100,0	100,0
ПФО	212032	168449	305256	126550	99962	176615	59,7	59,3	57,9
УФО	82944	75732	147382	28841	28104	62701	34,8	37,1	42,5
СФО	160621	144188	214645	139849	113023	156454	87,1	78,4	72,9
ДФО	72674	45223	111725	36819	28229	86243	50,7	62,4	77,2
Всего РФ	1143980	1005294	1692288	757658	681786	1082585	66,2	67,8	65,1

Результаты исследования. Рассмотрев в целом ситуацию по представленности в регионах многодетных семей по группам (табл. 2), можно сделать заключение, что общая тенденция по постепенному выходу из демографической ямы наблюдается во всех группах.

Но наибольший интерес представляют пятая и шестая группы. Поскольку в пятой группе, несмотря на начавшийся отрицательный прирост населения в 2021 г., увеличилось количество многодетных семей намного значительнее, чем в шестой, представленной регионами, где естественный прирост населения до сих пор сохраняет положительную динамику.

При этом мы можем наблюдать, что среднее количество детей в семейных ячейках увеличилось в 5-ой группе не намного больше, чем в четвертой, что скорее может свидетельствовать о том, что само количество семей в регионе увеличилось незначительно. Рассмотрим более подробно (табл. 3).

¹ В построении данной таблицы и последующих использовались материалы, размещенные на сайте Федеральной службы государственной статистики [Семейные ячейки ..., 2010, т. 6, табл. 12; Семейные ячейки ..., 2010, т. 6, табл. 13; Семейные ячейки ..., 2010, т. 11, табл. 3.10; Семейные ячейки ..., 2020, т. 8, табл. 9; Семейные ячейки ..., 2020, т. 8, табл. 10].

Таблица 2

**Динамика изменения многодетности,
а также среднего количества детей в семьях с 2002 по 2020 гг.
(сводная таблица средних значений по группам субъектов РФ)**

Годы перехода естественного прироста субъектов РФ от (+) к (-)	Многодетные семьи с 3 детьми (моложе 18 лет) и более, %			Среднее кол-во детей в семейных ячейках с детьми моложе 18 лет			Изменение доли многодетных семей в среднем за год по периодам		
	2002	2010	2020	2002	2010	2020	2002-2010	2010-2020	2002-2020
2017 – 1 группа	5,0	4,9	10,6	1,39	1,38	1,58	-0,004	0,564	0,311
2018 – 2 группа	5,9	5,2	9,4	1,42	1,39	1,53	-0,087	0,418	0,193
2019 – 3 группа	5,5	5,3	10,7	1,41	1,40	1,58	-0,037	0,546	0,287
2020 – 4 группа	9,3	9,7	16,0	1,53	1,52	1,70	0,040	0,633	0,369
2021 – 5 группа	9,5	9,7	18,6	1,54	1,53	1,79	0,030	0,892	0,509
В 2022 остался (+) – 6 группа	20,0	18,0	24,6	1,82	1,77	1,95	-0,257	0,664	0,254

Таблица 3

Сопоставление 5-й и 6-й групп регионов по среднему количеству детей в семейных ячейках и доли многодетных семей с 2002 по 2020 гг.

Регионы	Среднее кол-во детей в семейных ячейках с детьми моложе 18 лет			Многодетные семьи с 3 детьми (моложе 18 лет) и более, %			Изменение доли многодетных семей в среднем за год по периодам		
	2002	2010	2020	2002	2010	2020	2002-2010	2010-2020	2002-2020
5 группа субъектов РФ с отрицательным естественным приростом, начиная с 2021 года									
Республика Бурятия	1,49	1,49	1,77	8,1	8,0	17,4	-0,003	0,940	0,521
Карачаево-Черкесская Республика	1,69	1,68	1,95	14,7	14,9	26,0	0,026	1,115	0,631
Тюменская область без автономий	1,42	1,43	1,64	5,7	6,2	12,4	0,066	0,622	0,375
В среднем	1,54	1,53	1,79	9,5	9,7	18,6	0,030	0,892	0,509
6 группа субъектов РФ с положительным естественным приростом в 2022 году									
Чеченская Республика	2,44	2,38	2,45	43,1	40,6	43,2	-0,321	0,267	0,005
Республика Ингушетия	2,88	2,67	2,68	55,6	46,9	48,1	-1,089	0,121	-0,417
Республика Тыва	1,74	1,71	2,01	17,6	16,7	27,6	-0,112	1,092	0,557
Республика Дагестан	2,07	1,92	2,05	29,6	24,3	29,9	-0,663	0,565	0,019
Ямало-Ненецкий автономный округ	1,44	1,46	1,68	6,1	6,6	14,3	0,067	0,764	0,455
Ханты-Мансийский автономный округ - Югра	1,39	1,41	1,64	4,3	5,1	13,1	0,106	0,793	0,488

Таблица 3

**Сопоставление 5-й и 6-й групп регионов по среднему количеству детей
в семейных ячейках и доли многодетных семей с 2002 по 2020 гг.**

(продолжение)

Регионы	Среднее кол-во детей в семейных ячейках с детьми моложе 18 лет			Многодетные семьи с 3 детьми (моложе 18 лет) и более, %			Изменение доли многодетных семей в среднем за год по периодам		
	2002	2010	2020	2002	2010	2020	2002- 2010	2010- 2020	2002- 2020
Республика Саха (Якутия)	1,63	1,57	1,79	13,4	11,5	19,4	-0,245	0,790	0,330
Ненецкий автономный округ	1,57	1,51	1,71	11,1	8,5	16,5	-0,331	0,808	0,302
Чукотский автономный округ	1,47	1,49	1,60	9,2	9,3	12,2	0,016	0,287	0,167
Кабардино-Балкарская Республика	1,81	1,70	1,96	18,9	15,6	26,1	-0,406	1,046	0,400
Республика Алтай	1,59	1,62	1,85	11,4	12,5	20,2	0,149	0,768	0,493
В среднем	1,82	1,77	1,95	20,0	18,0	24,6	-0,257	0,664	0,254

В пятой группе представлены три региона. Два из них скорее могли бы быть охарактеризованы как республики, где этнокультурный фактор сохранения семейных ценностей мог сыграть сдерживающую роль при переходе от положительного к отрицательному показателю естественного прироста. Тюменская область скорее создала лучшие социально-экономические условия, что способствовало более спокойной обстановке для решения вопросов рождения и воспитания нескольких детей в семье. Но в целом в Тюменской области доля многодетных семей по отношению к Республике Бурятия и Карачаево-Черкесской Республике существенно меньше.

Шестая группа выбивается в лидеры благодаря Чеченской Республике, республикам Ингушетия и Дагестан, где многодетность сохраняется, скорее, как этнокультурная норма. Значительно увеличилась доля многодетных семей в Республике Тыва, что не замедлило сказаться на среднем количестве детей в семейных ячейках. В значительный отрыв по сравнению с 2002 г. пошли Республика Алтай, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский (Югра) автономные округа. Но есть и те регионы, где положительный прирост стал не таким выраженным на фоне предыдущих достижений, что и снизило средние показатели по группе. В результате мы можем наблюдать, что в целом положительный прирост есть, но он оказался не таким значительным, как в пятой группе, которая имела ранее худшие показатели.

Посмотрим, как на демографическую картину регионов в 2022 г. повлияли репродуктивные установки (планы) родителей (табл. 4–5).

Таблица 4

**Сопоставление реальной, планируемой и ожидаемой многодетности,
а также средних ожидаемого и желаемого количества детей в 5-ой группе регионов²**

Регионы 5 группы	Женщины 18-44 лет, указавшие число рожденных детей 3 и более, %	Ожидаемая многодетность (3 и более детей)		Желаемая многодетность (3 и более детей)		Среднее число рожденных детей женщинами возраста 18-44 лет на 1000	Среднее ожидаемое число детей		Среднее желаемое число детей	
		мужчинами в возрасте 18-59 лет, %	женщинами в возрасте 18-44 лет, %	мужчинами в возрасте 18- 59 лет, %	женщинами в возрасте 18-44 лет, %		мужчинами в возрасте 18-59 лет, ‰	женщинами в возрасте 18-44 лет, ‰	мужчинами в возрасте 18-59 лет, ‰	женщинами в возрасте 18-44 лет, ‰
Республика Бурятия	15,1	21,6	24,5	28,5	34,5	1410	1795	1993	2007	2219
Карачаево- Черкесская Республика	17,9	35,5	37,3	49,0	52,7	1368	2158	2214	2519	2597
Тюменская область без автономий	8,7	14,5	15,6	18,2	20,5	1216	1663	1756	1784	1886
В среднем	13,9	23,9	25,8	31,9	35,9	1331	1872	1988	2103	2234

Очень интересные данные дает нам микроперепись населения 2015 г., содержащая вопросы об ожидаемом количестве детей в семьях, где уже имелись дети, и планируемом, если бы условия позволяли. Так, в пятой группе разница между ожидаемой и планируемой многодетностью у мужчин составила в Республике Бурятия около 7 %, у женщин 10 %, а в Карачаево-Черкесской республике 13,5 и 15,4 % соответственно. Что это дало в результате? В итоге мы имеем увеличение доли многодетных семей в Карачаево-Черкесской республике с 14,9 % в 2010 до 26,0 % в 2020, а в Республике Бурятия с 8 % до 17,4 % соответственно (см. табл. 3).

Посмотрим насколько планы и ожидания смогли повлиять на увеличение доли многодетных семей в 6-ой группе (табл. 5).

² В построении данной таблицы и последующих использовались материалы, размещенные на сайте Федеральной службы государственной статистики [Женщины, принявшие участие в микропереписи ..., 2015, табл. 5.1; Население, принявшее участие в микропереписи ..., 2015, табл. 5.2].

Таблица 5

**Сопоставление реальной, планируемой и ожидаемой многодетности,
а также средние ожидаемого и желаемого количества детей в 6-ой группе регионов**

Регионы 6 группы	Женщины 18-44 лет, указавшие число рожденных детей 3 и более, %	Ожидаемая многодетность (3 и более детей)		Желаемая многодетность (3 и более детей)		Среднее число рожденных детей женщинами возраста 18-44 лет на 1000	Среднее ожидаемое число детей		Среднее желаемое число детей	
		мужчинами в возрасте 18-59 лет, %	женщинами в возрасте 18-44 лет, %	мужчинами в возрасте 18-59 лет, %	женщинами в возрасте 18-44 лет, %		мужчинами в возрасте 18-59 лет, ‰	женщинами в возрасте 18-44 лет, ‰	мужчинами в возрасте 18-59 лет, ‰	женщинами в возрасте 18-44 лет, ‰
Чеченская Республика	34,4	55,7	57,3	61,8	63,5	1765	2537	2625	2775	2846
Республика Ингушетия	28,4	47,3	49,3	57,3	61,8	1523	2285	2335	2631	2774
Республика Тыва	23,3	32,0	33,7	38,4	42,7	1720	1957	2143	2152	2349
Республика Дагестан	23,5	48,3	45,8	60,0	58,1	1525	2400	2376	2741	2708
Ямало-Ненецкий автономный округ	8,8	17,3	19,1	25,5	27,8	1283	1801	1925	2020	2102
Ханты-Мансийский автономный округ - Югра	9,0	16,3	17,7	20,1	22,3	1304	1691	1821	1800	1895
Республика Саха (Якутия)	18,4	28,2	36,5	32,6	36,5	1524	1924	2086	2055	2233
Ненецкий автономный округ	НД*	НД	НД	НД	НД	НД	НД	НД	НД	НД
Чукотский автономный округ	11,3	18,4	21,9	23,5	31,3	1329	1686	1956	1816	2142
Кабардино-Балкарская Республика	16,5	33,5	33,7	42,0	43,0	1334	2155	2199	2355	2385
Республика Алтай	18,5	25,5	27,0	31,6	36,5	1621	1892	2022	2056	2230
В среднем	19,2	32,2	34,2	39,3	42,3	1493	2033	2149	2240	2366

* НД – нет данных

Наибольшую разницу между планами и ожиданиями показали родители в республиках Ингушетия, Дагестан, Алтай, Кабардино-Балкария. Достаточно большую разницу продемонстрировали женщины в Чукотском автономном округе. И пример этих регионов показывает, что, по всей вероятности, есть определенный рубеж, после которого даже идеальная версия роста многодетных семей не может реализоваться в силу объективных причин. Поэтому при разнице в 9,5 % между планируемым и желаемым количеством детей в Республике Алтай мы получаем увеличение доли многодетных семей практически на 9 %. Но при разнице в 12,5 % у женщин в Республике Ингушетия, где и так уже достаточно высокая рождаемость и большая доля многодетных семей, увеличение составило только 1,2 %. Точно так же в Дагестане увеличение составило 5,6 % при том, что многодетные семьи составляют около трети семей в Республике.

Таким образом, мы можем заключить, что даже при большом мотивационном потенциале населения наступает определенный момент, когда доля многодетных семей перестает значительно увеличиваться, чем и объясняется большой рост в пятой группе при отрицательных показателях естественного прироста населения в регионах с 2021 г. и менее выраженный в шестой при сохранении положительного прироста населения в 2022 г.

Заключение. Таким образом, можно предположить, что при сохранении тенденции к положительному естественному приросту населения в 6-ой группе, как раз большим демографическим потенциалом могут обладать группы регионов с 1 по 5, где на данный момент сохраняется отрицательная динамика естественного прироста. Но для его раскрытия нужен анализ социокультурных и экономических резервов в регионах, позволяющих его реализовать, в том числе и с учетом мер поддержки государства.

Список литературы / References

Абрамова, М. А., Гончарова, Г. С. (2023а). Сохранность демографического потенциала регионов России. *Respublica Literaria*. Т. 4. № 2. С. 35-47. DOI: 10.47850/RL.2023.4.2.35-47.

Abramova, M. A., Goncharova, G. S. (2023a). Preservation of the Demographic Potential of the Regions of Russia. *Respublica Literaria*. Vol. 4. No. 2. Pp. 35-47. DOI: 10.47850/RL.2023.4.2.35-47. (In Russ.)

Абрамова, М. А., Гончарова, Г. С. (2023б). Влияние динамики изменения количества семей на сохранность демографического потенциала России. *Respublica Literaria*. Т. 4. № 3. С. 104-121. DOI: 10.47850/RL.2023.4.3.104-121.

Abramova, M. A., Goncharova, G. S. (2023b). Effects of the Dynamics of Changes in the Number of Families for the Safety of Russia's Demographic Potential. *Respublica Literaria*. Vol. 4. No. 3. Pp. 104-121. DOI: 10.47850/RL.2023.4.3.104-121. (In Russ.)

Акимова, Е. (2021). За 20 лет число многодетных семей в России сократилось вдвое. [Электронный ресурс]. *Комсомольская правда*. 30 июня. URL: <https://www.kp.ru/online/news/4347433/> (дата обращения: 17.01.2024).

Akimova, E. (2021). In 20 years, the number of large families in Russia has halved. [Online]. *Komsomolskaya Pravda*. June 30. Available at: <https://www.kp.ru/online/news/4347433/> (Accessed: 17 Jan. 2024). (In Russ.)

Анализ социально-экономического положения многодетных семей. Доклад на II Всероссийской конференции «Многодетная семья в современной России». (2008). [Электронный ресурс]. *Web.archive.org. Demographia.ru*. URL: https://web.archive.org/web/20160410161625/http://demographia.ru/articles_N/index.html?idArt=1193 (дата обращения: 17.01.2024).

Analysis of the socio-economic situation of large families. Report at the II All-Russian conference "Large family in modern Russia". (2008). [Online]. *Web.archive.org. Demographia.ru*. Available at: https://web.archive.org/web/20160410161625/http://demographia.ru/articles_N/index.html?idArt=1193 (Accessed: 17 Jan. 2024). (In Russ.)

Андреев, Е. М., Захаров, С. В. (2017). Микроперепись – 2015 ставит под сомнение результативность мер по стимулированию рождаемости. [Электронный ресурс]. *Демоскоп Weekly*. № 711-712. С. 20. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0711/tema01.php> (дата обращения: 17.01.2024).

Andreev, E. M., Zakharov, S. V. (2017). Micro-census 2015 casts doubt on the effectiveness of measures to stimulate fertility. [Online]. *Demoscope Weekly*. No. 711-712. P. 20. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0711/tema01.php> (Accessed: 17 Jan. 2024). (In Russ.)

Женщины, принявшие участие в микропереписи, по возрастным группам и числу рожденных детей (табл. 5.1) (абсолютные данные). (2015). [Электронный ресурс]. *Федеральная служба государственной статистики. Микроперепись населения 2015 г. Таблицы с итогами микропереписи населения 2015 года. Раздел V. Рождаемость и репродуктивные планы*. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения: 17.01.2024).

The women who took part in the micro-census, by age group and the number of children born (Table 5.1) (absolute data). (2015). [Online]. *Federal State Statistics Service. Micro-census of the population in 2015 Tables with the results of the micro-census of the population in 2015. Section V. Fertility and reproductive plans*. Available at: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (Accessed: 17 Jan. 2024). (In Russ.)

Многодетные семьи в России (2024). [Электронный ресурс]. *TADVISER*. 24 янв. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%9C%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D1%81%D0%B5%D0%BC%D1%8C%D0%B8_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8 (дата обращения: 17.01.2024).

Large families in Russia (2024). [Online]. TADVISER. 24 Jan. Available at: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%9C%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D1%81%D0%B5%D0%BC%D1%8C%D0%B8_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8(Accessed: 17 Jan. 2024). (In Russ.)

Население, принявшее участие в микропереписи, по возрастным группам, числу ожидаемых и желаемых детей (табл. 5.2) (абсолютные данные). (2015). [Электронный ресурс]. Федеральная служба государственной статистики. Микроперепись населения 2015 г. Таблицы с итогами микропереписи населения 2015 года. Раздел V. Рождаемость и репродуктивные планы. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения: 17.01.2024).

The population who took part in the micro-census, by age group, the number of expected and desired children (Table 5.2) (absolute data). (2015). [Online]. Federal State Statistics Service. Micro-census of the population in 2015 Tables with the results of the micro-census of the population in 2015. Section V. Fertility and reproductive plans. Available at: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (Accessed: 17 Jan. 2024). (In Russ.)

Прокофьева, Л. М., Куприянова, Е. И. (2009). Многодетная семья в России. [Электронный ресурс]. Демоскоп Weekly. № 373-374. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2009/0373/tema01.php> (дата обращения: 17.01.2024).

Prokofieva, L. M., Kupriyanova, E. I. (2009). A large family in Russia. [Online]. Demoscope Weekly. No. 373-374. Available at: <https://www.demoscope.ru/weekly/2009/0373/tema01.php> (Accessed: 17 Jan. 2024). (In Russ.)

Семейные ячейки, входящие в состав частных домохозяйств, по размеру и числу детей моложе 18 лет по субъектам Российской Федерации (табл. 3.10; табл. 12; табл.13). (2010). [Электронный ресурс]. Федеральная служба государственной статистики. Всероссийская перепись населения 2010. Т. 6. Число и состав домохозяйств. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 17.01.2024).

Family units belonging to private households by size and number of children under 18 years of age in the subjects of the Russian Federation (Table 13). (2010). [Online]. Federal State Statistics Service. All-Russian Population Census 2010. Vol. 6. Number and composition of households Available at: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (Accessed: 17 Jan. 2024). (In Russ.)

Семейные ячейки, входящие в состав частных домохозяйств, по размеру и числу детей моложе 18 лет (табл. 9 – 10). (2020). [Электронный ресурс]. Федеральная служба государственной статистики. Итоги ВПН-2020. Т. 8. Число и состав домохозяйств. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Том8_Chislo_i_sostav_domochozyajstv (дата обращения: 17.01.2024).

Family units belonging to private households, by size and number of children under 18 years of age (Table. 9 – 10). (2020). [Online]. *Federal State Statistics Service. The results of the All-Russian Population Census-2020. Vol. 8. The number and composition of households.* Available at: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8_Chislo_i_sostav_domochozyajstv (Accessed: 17 Jan. 2024). (In Russ.)

Указ президента о статусе многодетных семей: основные положения (2024). [Электронный ресурс]. *Assistentus*. URL: <https://assistentus.ru/zanimatelno/ukaz-prezidenta-o-statuse-mnogodetnyh-semej-osnovnye-polozheniya/> (дата обращения: 17.01.2024).

Presidential Decree on the status of large families: basic provisions (2024). [Online]. *Assistants*. Available at: <https://assistentus.ru/zanimatelno/ukaz-prezidenta-o-statuse-mnogodetnyh-semej-osnovnye-polozheniya/> (Accessed: 17 Jan. 2024). (In Russ.)

Указ Президента Российской Федерации от 23.01.2024 № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей». (2024). [Электронный ресурс]. *Официальный интернет-портал правовой информации*. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202401230001> (дата обращения: 17.01.2024).

Decree of the President of the Russian Federation No. 63 dated 01/23/2024 “On measures of social support for large families”. (2024). [Online]. *The official Internet portal of legal information*. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202401230001> (Accessed: 17 Jan. 2024). (In Russ.)

Шерстнева, В. В. Проблемы многодетных семей в современной России. (2014). *Институты развития демографической системы общества. V Уральский демографический форум*. Екатеринбург. С. 236-241.

Sherstneva, V. V. Problems of large families in modern Russia. (2014). *Institutes of development of the demographic system of society. V Ural Demographic Forum*. Yekaterinburg. Pp. 236-241. (In Russ.)

Сведения об авторах / Information about the authors

Абрамова Мария Алексеевна – доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: marika24@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6923-3564>

Гончарова Галина Савитовна – научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: socis24@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3734-9447>

Статья поступила в редакцию: 04.02.2024

После доработки: 20.02.2024

Принята к публикации: 04.03.2024

Abramova Mariya – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Leading Researcher, Head of the Department of Social and Legal Studies of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: marika24@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6923-3564>

Goncharova Galina – Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: socis24@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3734-9447>

The paper was submitted: 04.02.2024

Received after reworking: 20.02.2024

Accepted for publication: 04.03.2024

УДК 316.613.4

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ НАСЕЛЕНИЯ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО РЕГИОНА: ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ЯКУТИИ)

Е. Г. Маклашова

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (г. Якутск)
maklashova@mail.ru

Аннотация. В статье автор обращает внимание на специфику изучения социального самочувствия населения в условиях полиэтнической среды. В этом контексте социальное самочувствие становится значимой категорией этносоциологических исследований. Цель статьи – определить и представить возможности изучения социального самочувствия населения полиэтнического региона через призму этнической идентификации на примере Республики Саха (Якутия). Автор представляет данные, отражающие особенные и характерные черты социального самочувствия трех ключевых этнических групп Якутии – русских, якутов (саха) и коренных малочисленных народов Севера. На основе разработанной авторским коллективом методологии изучения социального самочувствия, дополненной обоснованием учета этнокультурных основ жизни, и полученных данных в ходе социологического исследования в Республике Саха (Якутия), проведенного в 2021-2022 гг., дается заключение о взаимосвязи этнокультурных компонентов жизни и социального самочувствия, наблюдаемой, прежде всего, у коренных народов Якутии.

Ключевые слова: социальное самочувствие, этнические ресурсы, этничность, русские, якуты (саха), уровень удовлетворенности, качество жизни, Якутия.

Для цитирования: Маклашова, Е. Г. (2024). Социальное самочувствие населения полиэтнического региона: этносоциальные особенности (по материалам социологического исследования в Якутии). *Respublica Literaria*. Т. 5. № 1. С. 84-99. DOI: 10.47850/RL.2024.5.1.84-99

SOCIAL WELL-BEING OF THE PEOPLE IN POLYETHNIC REGION: ETHNOSOCIAL FEATURES (BASED ON SOCIOLOGICAL RESEARCH IN YAKUTIA)

E. G. Maklashova

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS (Yakutsk)
maklashova@mail.ru

Abstract. In the article, the author draws attention to the specifics of studying the social well-being in a polyethnic environment. In this prism, social well-being becomes a significant category of ethnosociological researches. The purpose of the article is to identify and present the possibilities of studying the social well-being of the population of a polyethnic region through the prism of ethnic identification using the example of the Republic of Sakha (Yakutia). The author presents data reflecting the special and characteristic features of the social well-being of the three main ethnic groups of Yakutia – Russians, Yakuts and Indigenous Peoples of the North. Based on the methodology for studying social well-being developed by the team of authors, supplemented by the rationale for taking into account the ethnocultural foundations of life, and obtained during a sociological study in the Republic of Sakha (Yakutia), conducted in 2021-2022, a conclusion on the relationship between the ethnocultural components of life and social well-being, observed primarily among the Indigenous Peoples of Yakutia is given.

Keywords: social well-being, ethnic resources, ethnicity, Russians, Yakuts, level of satisfaction, quality of life, Yakutia.

For citation: Maklashova, E. G. (2024). Social Well-being of the People in Polyethnic Region: Ethnosocial Features (Based on Sociological Research in Yakutia). *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 1. Pp. 84-99. DOI: 10.47850/RL.2024.5.1.84-99

Актуальность и разработанность темы. Российская Федерация одна из немногих стран, сохраняющая и поддерживающая культурную и языковую дифференциацию как конструктивные механизмы государственности и социальной стабильности. Полиэтничность и многоязычие признаны фундаментальной основой существования и развития России. В этой связи, мониторинг состояния социальной структуры российского общества в ее многообразии, где значимым элементом выступает этничность, является основой превентивного управления социальным развитием. Анализ состояния различных социальных групп, дифференцированных по этнокультурному фактору, остается актуальным вопросом стабильного развития регионов России и в целом страны.

В научном пространстве существуют разные мнения о влиянии гетерогенности (лингвистической, культурной, религиозной) на развитие территории / страны. Так, например, глубокий анализ проведен Р. У. Камаловой, в статье которой фиксируются выводы отечественных и зарубежных ученых: «... успех Кремниевой долины в 1980–1990-е годы не в последнюю очередь был обусловлен разнообразием культурного и профессионального опыта исследователей и предпринимателей»; «... И. Монтальво и М. Рейнал-Куэрол на данных по 98 странам мира в период с 1960 по 1992 гг. было показано, что религиозная поляризованность отрицательно связана как с ростом экономики, так и со среднедушевым доходом»; «... на эмпирических данных, характеризующих ситуацию в 71 стране, было исследовано влияние религиозной и этнической гетерогенности на процессы демократизации. Демократизация измерялась как изменение уровня политических прав и гражданских свобод (по версии Freedom House) за период с 1992 по 2006 гг.... Анализ разных спецификаций регрессионной модели обнаружил, что демократизацию затрудняет религиозная, а не этническая гетерогенность» [Камалова, 2013, с. 142].

Безусловно, что ключевой при изучении социального самочувствия населения полиэтнического региона является категория «этничность» и производные от нее проблемы (межнациональные отношения, коллективные идентичности, функционирование родных языков и т. д.). В этом вопросе накоплен солидный багаж знаний, заложенный Р. Г. Абдулатиповым и В. Ю. Зориным, активно изучавших вопросы эффективности государственной политики по регулированию этносоциальных отношений в России, где анализируется роль этнических сообществ в становлении и развитии Российского государства [Абдулатипов, 2000; Зорин, 2003]; Л. М. Дробижевой, под чьим руководством проведены широкомасштабные исследования по гармонизации межнациональных отношений и коллективным идентичностям, установившие отсутствие конкуренции между гражданской и этнической идентичностями [Гражданская, этническая и региональная

идентичность ..., 2013]; М. Ф. Чернышем, под его руководством изучались межнациональная напряженность: предпосылки напряжений и конфликтов в сфере межнациональных отношений [Черныш, 2016]; Э. А. Паиным об этнополитическом маятнике [Паин, 2003] и др.

В регионах также имеется ряд достижений в области изучения феномена этничности и его производных. Среди исследователей можно выделить ученых, имеющих непосредственное отношение к Дальнему Востоку: В. Б. Игнатьеву, И. И. Подойницыну, Д. М. Винокурову, О. В. Васильеву, С. М. Баишеву, А. Г. Томаска, И. Ф. Ярулина, А. Ю. Завалишина, А. С. Кима, В. И. Куприянову [Этносоциальные процессы в Якутии ..., 2020; Подойницына, 2022; Винокурова, 2015; Баишева, 2017; Томаска, 2023; Ярулин, 2015; Долган, Завалишин и др., 2014; Куприянова, 2010; Осипова, Маклашова, 2014; Захарова, Захарова, 2022]; ученых из Сибири: М. А. Абрамову, Ю. В. Попкова, С. А. Мадюкову, О. А. Персидскую [Абрамова, Гончарова, 2012; Попков, 2023; Мадюкова, 2021; Персидская, 2021]. В сфере этносоциальных отношений активно работают школы в республиках Татарстан, Бурятия, Башкортостана [Габдрахманова, Сагдиева, 2019; Базаров, 2015; Единство и многообразие языков ..., 2023]. Отметим, что в рамках изучения этнических сообществ в современных условиях мы используем интеграционный подход в обосновании социокультурного развития, предполагающий сочетание примордиализма, строящегося на историко-культурном объяснении существования группы людей, на основе признания естественных и объективных факторов коллективного единства и конструктивизма (в том числе инструментализма).

Основу исследования составили методологические подходы к пониманию категории «социальное самочувствие», которые весьма разнообразны. В отечественной социологии распространение получили методологические наработки Ж. Т. Тощенко и С. В. Харченко, Б. Д. Парыгина, Л. Е. Петровой, А. А. Русалиновой, Л. И. Михайлова и др. [Тощенко, Харченко, 1996; Парыгин, 1966; Петрова, 2000; Русалинова, 1994, Михайлова, 2010], обративших пристальное внимание на разработку критериев оценки социального самочувствия, в которых авторы доказательно акцентируют внимание на тех или иных его ключевых аспектах: деятельных и поведенческих, удовлетворенности социальным положением, удовлетворенности качеством жизни и т. д. В рамках данной статьи и в целом исследования по проектам «Республика Саха (Якутия) и большие вызовы: социальное самочувствие, мобильность и стратегии адаптации» и «Социальное самочувствие населения Республики Саха (Якутия) в условиях трансформации российского общества: индикаторы, факторы, динамика» авторский коллектив также исходит из значимости объективных и субъективных факторов при изучении социального самочувствия и понимания последнего, как определяющего адаптационные стратегии человека, дополняя изучением этнокультурных ресурсов, как предопределяющих социальную стабильность полиэтничных сообществ. Данный подход также используется в рамках реализации технологического проекта «Технологическое обеспечение социальной стабильности полиэтничных сообществ на Северо-Востоке России» НОЦ «Север – территория устойчивого развития» по определению социального самочувствия русского населения в Якутии.

Описание процедурной части исследования. В работе использованы данные социологических исследований по теме «Республика Саха (Якутия) и большие вызовы: социальное самочувствие, мобильность и стратегии адаптации» (2021–2022 гг.) (n=1365 чел., выборка многоступенчатая зональная, поселенческая и половозрастная, распределение

по зонам Якутии: 53,2 % – Центральная, 17,0 % – Южная, 2,9 % – Восточная, 19,3 % – Западная, 7,7 % – Арктическая зона Якутии; по поселенческому уровню: городское – 65,0 %, сельское население – 35,0%; по полу: 45,5% – мужчины, 54,5 % – женщины; по возрасту: 3,3 % – 15–19 лет, 8,7 % – 20–24 года, 10,7 % – 25–29 лет, 12,5 % – 30–34 года, 13,2 % – 35–39 лет, 11,5 % – 40–44 года, 9,0 % – 45–49 лет, 9,0 % – 50–54 года, 9,5 % – 55–59 лет, 6,9 % – 60–64 года, 3,3 % – 65–69 лет, 24 % – 70 лет и старше, по национальности: русские – 24,9 %, якуты (саха) – 56,3 %, коренные малочисленные народы Севера – 10,3 %, другой национальности – 3,6 % и смешанной национальности – 4,9 %). Ввод и компьютерная обработка анкетных данных производилась в программе SPSS 24. Статистический анализ социологических данных выполнялся в программе SPSS и включал частотный анализ, анализ таблиц сопряженности, корреляционный анализ (коэффициент Пирсона при учете в каждом из видов корреляции асимптотической значимости (далее – значимость), отражающей вероятность случайной связи).

В основе реализованных социологических исследований лежит методика, разработанная и используемая Институтом социологии РАН в рамках определения маркеров единения (язык, культура, обряд, история, вера, территория проживания, внешний облик, характер), степени распространения в сообществе этнической самоидентификации (посредством парных альтернативных вопросов), матрицы коллективных идентичностей (в контексте проблем соотношения этнической, гражданской, территориальной идентификаций), уровня межнациональных отношений, обобщенного и межличностного доверия, предопределившая необходимость в углубленном локальном изучении.

Анкета включала закрытые вопросы с одним или многовариантными ответами и один открытый вопрос. Заполнялась со слов респондентов. Материальное положение определялось исходя из уровня покупательной способности респондентов на основе их субъективной самооценки. Национальность также определялась на основе самоприписывания респондентом себя к той или иной этнической группе / этносу / национальности (в данной статье эти категории используются равнозначно, оставляя за скобками дискуссию о приписывании их к той или иной методологии исследования).

Цель настоящей статьи – определить и представить возможности изучения социального самочувствия населения полиэтнического региона через призму этнической идентификации на примере Республики Саха (Якутия).

Этнический состав и этнокультурные установки – главный индикатор состояния полиэтнического сообщества национального региона, отражающий уровень функционирования этнического и его включенность в развитие региона с учетом существующей этнонациональной политики России как федеративного государства, представляющего возможность сохранения и развития родных языков и национальной культуры народов России. По данным ВПН-2020 в Якутии проживает 995 686 чел. К наиболее многочисленным национальностям с численностью более 5 000 чел. относятся: таджики, киргизы, украинцы, буряты, эвены, эвенки, русские и якуты (саха). Ключевыми для изучения состояния этносоциального процесса в республике выступают якутское и русское население, и выделенные в обобщенную категорию коренные малочисленные народы Севера, объединяющие такие малочисленные народы, как эвенки, эвены, чукчи, юкагиры и долганы. Анализ данных ВПН-2002 и ВПН-2020 фиксирует, что сохраняется тенденция роста

якутского населения и убыль русского. За период с 2002 г. численность якутского населения увеличилась на + 9,6 п. п. Растет численность коренных малочисленных народов Севера (эвены, эвенки, юкагиры, долганы, чукчи). В 2020 г. коренное население Якутии представлено 60,3 % населения. Сокращение фиксируется среди русского населения, которое уменьшилось на 8,7 п. п. Вслед за русским населением «сжимается» группа этносов-спутников (украинцы, белорусы), а также коренных народов России (татары, чувашаи, мордва и т. д.). В то же время растет численность этнических групп, проживающих в Средней Азии (киргизы, таджики, узбеки), и этот рост весьма существенный (с 0,4 % до 2,4 %). На фоне сокращения численности национальных меньшинств (народов, обладающих своими государствами за пределами России) увеличилось число китайцев.

В статье использованы наработки, применяемые в проекте «Социальное самочувствие населения Республики Саха (Якутия) в условиях трансформации российского общества: индикаторы, факторы, динамика» и «Технологическое обеспечение социальной стабильности полиэтнических сообществ на Северо-Востоке России» в рамках изучения русского населения.

Результаты. Анализ особенностей социального самочувствия населения республики определим через следующие его индикаторы:

- психоэмоциональный статус, выражающийся в эмоциональном состоянии и уверенности в будущем;
- объективные характеристики опрошенного массива, отражающиеся в материальном статусе и образовании;
- субъективные основы, выражающиеся в восприятии своего социального статуса и удовлетворенности личной жизни, оценке качества жизни в пункте проживания;
- этнокультурные основания жизни, включающие этническую идентичность и соблюдение национальных традиций.

Согласно результатам социологического опроса, русские респонденты и народы Севера большей частью ощущают такие позитивные эмоции, как спокойствие и уравновешенность (табл. 1). В то же время практически треть опрошенного русского и якутского массива находилась в состоянии фрустрации и стресса, при этом среди якутов людей с негативным эмоциональным фоном больше на 10,2 п. п., чем у коренных народов Севера, и на 1,5 п. п., чем у русских респондентов. Среди населения с позитивным эмоциональным настроением опрошенных якутов (саха) меньше на 10,2 п. п., чем у респондентов из числа коренных малочисленных народов Севера, и на 1,5 п. п., чем у русских (табл. 1).

Чувство уверенности в завтрашнем дне у респондентов, структурированных по национальности, весьма дифференцировано. В целом основное большинство представителей трех ключевых национальностей в той или иной степени ощущают уверенность (варианты ответов: «полностью уверен», «скорее уверен, чем нет») в своем будущем, свидетельствуя о позитивном настроении населения (табл. 2). Однако мы наблюдаем и наличие в составе населения большой группы неуверенных, сомневающих в стабильности своей жизни, причем таковых больше среди русских (31,1%). Если мы суммируем группу неуверенных и тех, кто затруднился ответить, как находящихся в нестабильном положении и не обладающих четким пониманием своего будущего, то получим, что треть и русского, и якутского населения (38,5 и 36,8 %, соответственно) ощущают неуверенность и находятся в ситуации фрустрации.

Таблица 1

Эмоциональное состояние респондентов, в %

Самоощущение	Национальность			
	русские	якуты (саха)	коренные малочисленные народы Севера	всего (опрошенный массив)
Эмоциональный подъем	5,7	6,5	6,7	6,3
Спокойствие и уравновешенность	61,9	59,6	69,6	60,3
Безразличие, апатия, подавленность	19,5	16,6	11,1	17,2
Тревога, страх	8,4	10,8	6,7	10,0
Раздраженность, озлобленность, агрессия	4,5	6,5	5,9	6,2

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос об уверенности респондентов в своем в будущем, в %

Уверенность в будущем	Национальность			
	русские	якуты (саха)	коренные малочисленные народы Севера	всего (опрошенный массив)
Суммарный процент положительных ответов	61,5	63,3	72,1	63,3
Суммарный процент отрицательных ответов	31,1	26,7	22,1	28,1
Затруднились ответить	7,4	10,1	5,7	8,5

На фоне распространения среди русского и якутского населения чувства неуверенности коренные малочисленные народы Севера меньше всего сегодня ощущают сомнения и чаще, чем другие, смотрят в будущее с решительностью и верой.

Анализ данных объективно существующих жизненных ситуаций показывает, что половина опрошенного населения ощущают себя бедными или малообеспеченными, причем таковых больше всего среди представителей коренных малочисленных народов Севера (61,5 %). Среди русского населения имеется некий баланс между живущими в рамках удовлетворения первичных потребностей и теми, кто может позволить себе большие траты (автомобиль, квартира, загородный дом и т. д.). Якутское население несколько реже относит себя к богатому слою, но чаще, чем коренные малочисленные народы Севера, в то же время якутов, считающих, что они живут бедно или являются малообеспеченными, больше на 8,2 п. п., чем среди русского населения (табл.3).

Таблица 3

Материальное положение респондентов, в %

Материальный статус	Национальность			
	русские	якуты (саха)	коренные малочисленные народы Севера	всего (опрошенный массив)
Бедные	14,9	20,7	20,0	19,2
Малообеспеченные	35,8	38,2	41,5	37,7
Среднеобеспеченные	37,9	30,7	31,1	33,2
Богатые	11,3	10,4	7,4	10,0

В таблице 4 представлен имеющийся уровень образования, показывающий различия в образовательных стратегиях представителей трех ключевых национальностей в Якутии. У русского и якутского населения примерно идентичные ориентации в образовании и иная образовательная стратегия у представителей коренных малочисленных народов, что также зафиксировано переписью населения 2020 г. (табл. 4). Для коренных малочисленных народов Севера характерна ориентация на среднее профессиональное образование и доминирование удельного веса лиц со средним и начальным образованием. Образовательный тренд у якутского и русского населения иной: высокий удельный вес лиц, имеющих профессиональное образование (более 75 %) с приоритетом получения высшего и среднего специального образования.

Таблица 4

Уровень образования респондентов, в %

Уровень образования	Русские	Якуты (саха)	Коренные малочисленные народы Севера
Неполное среднее	0,9	2,0	2,9
Среднее общее	6,8	6,7	13,6
Среднее специальное	22,8	18,7	33,6
Неполное высшее	5,9	5,7	11,4
Высшее	63,5	67,0	38,6

Обратимся к третьему срезу социального самочувствия – анализу субъективного восприятия своего места в обществе и окружающего социального процесса по месту проживания. Данные в таблице 5 показывают, что в целом основное большинство населения Якутии (больше 80 %) удовлетворены и своей личной жизнью, и своим положением в обществе, что демонстрирует высокий уровень возможностей для реализации и устойчивый эмоциональный фон общества в регионе. В то же время наблюдаются тренды: представители всех трех ключевых национальностей чаще удовлетворены личной жизнью, чем своим социальным положением; чаще респонденты затрудняются оценить удовлетворенность своим социальным положением, чем своей личной жизнью.

Таблица 5

Уровень удовлетворенности респондентов, в %

Уровень удовлетворенности	Стороны (аспекты удовлетворенности)					
	В целом своей личной жизнью			Положением в обществе		
	Национальность			Национальность		
	русские	якуты (саха)	коренные малочисленные народы Севера	русские	якуты (саха)	коренные малочисленные народы Севера
Затруднились ответить	3,3	2,9	2,1	4,8	5,5	5,8
Удовлетворены	81,0	82,7	84,3	80,8	78,8	83,5
Не удовлетворены	15,8	14,4	13,6	14,4	15,7	10,8

Объективные условия жизни респондентов, оцененные ими через категорию «качество жизни», в восприятии представителей трех национальностей имеют разную степень удовлетворенности, фиксируя разницу в восприятии социальных условий и уровень притязания. Данные в таблице 6 показывают, что якутское население (собственно, как и коренные малочисленные народы Севера) в своем большинстве удовлетворены качеством жизни, тогда как большинство русского населения все-таки испытывает недовольство от окружающей их социальной среды.

Таблица 6

Оценка респондентами качества жизни в пункте проживания, в %

Варианты ранжирования	Национальность		
	русские	якуты (саха)	коренные малочисленные народы Севера
Затруднились ответить	3,3	2,9	2,2
Суммарный процент положительных ответов	46,0	60,9	50,4
Суммарный процент отрицательных ответов	50,7	36,2	47,5

В отношении оценки значимости этнических маркеров, под которыми мы понимаем прежде всего этническую идентичность, национальные традиции, родной язык (вопросы о родном языке, уровне удовлетворения мерами поддержки по его развитию, сохранению национальных традиций не рассмотрены и будут анализироваться в других работах), отметим, что ранее в отечественной социологии они не являлись основой оценки социального самочувствия населения. В рамках нашего проекта коллектив авторов прибегнул к обоснованию включения этнокультурного компонента (понимаемого шире, чем оценка межнациональной ситуации) в систему оценки социального самочувствия населения полиэтнического региона. Гипотеза о некоей зависимости социального самочувствия от состояния этнических ресурсов и их доступности в полиэтническом сообществе оказалась вполне состоятельной на материалах Якутии. Данные в таблице 7 показывают, что для коренных народов Якутии этническая идентичность является значимым элементом жизни, в отличие от русского населения, хотя и русские, проживающие

в Якутии, не забывают о своей национальной принадлежности. В этой связи показательны выводы московских исследователей, в частности Е. М. Арутюновой, фиксирующих сохранение у русского населения запроса на «защиту национального достоинства, равноправия людей разных национальностей и вероисповеданий» [Арутюнова, 2023].

Таблица 7

Оценка респондентами этнической идентичности, в %

Отношение к своей этнической идентичности	Национальность		
	русские	якуты (саха)	коренные малочисленные народы Севера
Я редко задумываюсь о том, кто я по национальности	56,7	21,7	20,9
Я никогда не забываю о своей национальности	43,3	78,3	79,1

В этой связи можно отметить, что более 70 % населения на вопрос о соблюдении национальных традиций в семье продемонстрировали, что участвуют в процессе сохранения и передачи национальных традиций на уровне семьи. Среди трех национальных групп чаще представители русского населения высказывались, что не соблюдают какие-либо традиции в семье и доля таких людей чуть больше, чем у коренных малочисленных народов Севера (на 6,3 п. п.) В меньшей степени не соблюдают национальные традиции респонденты якуты (табл. 8).

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос о соблюдении национальных традиций в семье, в %

Соблюдение национальных традиций в семье	Национальность		
	русские	якуты (саха)	коренные малочисленные народы Севера
Да	37,3	67,1	51,1
Скорее да	35,5	22,4	28,1
Скорее нет	13,6	8,0	14,4
Нет	13,6	2,4	6,5

В целом анализ четырех компонентов, составляющих социальное самочувствие населения Якутии в разрезе этнической принадлежности респондентов, фиксирует наличие дифференциации в восприятии и оценке социальной погруженности человека в полиэтническую среду Якутии. Мы наблюдаем как схожие, так и разные тенденции у трех анализируемых групп при рефлексии на одни и те же события.

Обсуждение результатов. При проведении парной корреляции всех вышеуказанных параметров (эмоциональное состояние, уверенность в будущем, материальный статус, образование, удовлетворенность личной жизнью, удовлетворенность своим социальным статусом, оценка качества жизни, восприятие своей этнической идентичности, соблюдение

традиций в семье) выявлены прямые зависимости между показателями, отражающими материальный статус, психоэмоциональное состояние, уверенность в будущем, социальный статус, удовлетворенность личной жизнью, качеством жизни (показатели r -Пирсона в каждом парном измерении различные, асимптотическая значимость по каждому из параметров = 0,000, во всех проверяемых случаях корреляция значима на уровне 0,01), что позволяет говорить, что чем выше материальное положение, тем чаще эмоциональный настрой можно охарактеризовать как позитивный, а оценка социального статуса и качества жизни выше; чем выше позитивный настрой, тем выше удовлетворенность своим положением и уверенность в будущем. Несколько иные взаимосвязи прослеживаются по параметрам, фиксирующим образование и этнические ресурсы населения. Так, установлена прямая взаимосвязь между параметром «соблюдение традиций в семье» и удовлетворенностью личной жизнью, эмоциональным состоянием, оценкой качества жизни и восприятием своей этнической идентичности (r -Пирсона=0,089, r -Пирсона=0,101, r -Пирсона=0,073, r -Пирсона=0,309 соответственно, при значимости во всех проверяемых парных комбинациях по данным параметрам = 0,001 во всех проверяемых случаях отмечается слабая положительная связь, но с высокой степенью значимости для параметра и «восприятия своей этнической идентичности», умеренная положительная связь так же с высокой степенью значимости). Параметр «образование» дает прямую корреляцию в отношении материального статуса (r -Пирсона=0,135, при значимости =0,000), т. е. чем выше образование, тем выше материальное положение респондентов, и обратную корреляцию в отношении социального статуса (r -Пирсона= -0,070 при значимости =0,013), эмоционального состояния (r -Пирсона= -0,056 при значимости =0,041) и качества жизни (r -Пирсона= -0,080 при значимости =0,003), т. е. чем выше образование, тем критичнее и / или объективнее оценивается качество жизни и свое социальное положение, а также тем чаще респондент склонен находиться в негативном эмоциональном состоянии. Сложный процесс, связанный с фиксацией респондентами своей принадлежности к той или иной группе на основе разных объективных и эмоциональных факторов, в данном случае этноидентификационный, накладывает на взаимосвязи дополнительную обусловленность. На фоне существования зависимости материального и эмоционального состояния мы наблюдаем, что наиболее «кризисная» в материальном положении группа «коренные малочисленные народы Севера» проявляет высокую эмоционально-позитивную позицию, тогда как якуты, большая часть которых также находится в границах между бедностью и малообеспеченностью, чаще ощущают тревогу и раздраженность. Напротив, респонденты по национальности «русские», среди которых доля живущих в бедности ниже на 8,2 п. п., чем у якутов, и на 10,8 п. п., чем у коренных малочисленных народов Севера, испытывают сегодня чаще, чем представители других двух народов, подавленность и практически наравне с якутами тревогу и раздраженность. В отдельных случаях в отношении этнических групп корреляционные зависимости фиксируются и подтверждаются, например, между уверенностью в будущем, эмоциональным состоянием, оценкой качества жизни и социального статуса: в этих аспектах русское население наиболее категоричное и критичное, более позитивно настроена группа «коренные малочисленные народы Севера».

Взаимосвязь индикаторов, фиксирующих этнокультурные параметры жизни (этническая идентичность и сохранение национальной культуры и традиций) с эмоционально-психологическими показателями устанавливает их эмоционально-психологическую обусловленность.

Итак, мы отмечаем, что, несмотря на существование взаимосвязи эмоций и объективных условий жизни, имеется более сложный уровень познания – этнический (этнокультурный в условиях анализа состояния полиэтнического сообщества), – вбирающий все разнообразие взаимосвязей, но позволяющий зафиксировать отдельные случаи единства и разнообразия в восприятии социальных процессов и адаптации к ним, отражающихся на социальном самочувствии этносов / этнических групп. В рамках полиэтнической Якутии мы можем наблюдать менее стабильную и более критически окрашенную характеристику восприятия ситуации у русских на фоне их достаточно крепкого и престижного в социально-экономическом плане положения, и, наоборот, коренные малочисленные народы Севера имеют хороший потенциал устойчивости в эмоциональном плане и восприятии жизни, ощущений удовольствий от нее при меньшей потребности в материальном достатке и получении высокого уровня образования. Якуты показывают сегодня, с одной стороны, удовлетворенность общей социальной средой и личной жизнью, но и чаще находятся в состоянии апатии и раздражительности практически идентично, как и русское население. Этнокультурный ракурс позволил определить высокий уровень привязанности коренных народов к национальной культуре и позитивное восприятие своей этнической уникальности, что также оказывает влияние на оценку социальной среды и социального статуса в условиях полиэтнического региона. Устанавливая характер социального самочувствия у ключевых этнических групп в Якутии, безусловно, мы говорим о его характере в момент фиксации и понимаем, что при изменении социальных реалий оно подвержено изменению. Важным в этом изучении считаем заключение, что учет этнической структуры и этнических ресурсов при оценке социальных процессов в полиэтничном регионе является значимым для понимания стратегий адаптации индивида, выстраивающихся на основе социального самочувствия (которое предопределяет наблюдаемые этносоциальные тренды в Якутии: снижение численности русского населения, рост численности якутского населения и коренных малочисленных народов Севера). Результаты анализа социального самочувствия этнических групп показали, что оно имеет как характерные, так и особенные черты, отражающие восприятие социальной действительности через призму сформированного эмоционально-когнитивного, поведенческого фона этнических групп, и играет важную роль в стабильности полиэтнических сообществ. Этнокультурный пласт выступает ресурсом адаптации и повышения социального самочувствия, прежде всего, коренного населения. Безусловно, необходимы дальнейшие мониторинговые исследования для отслеживания социального самочувствия, причем с расширением объектов изучения и включением ранее «не характерных» этнических групп, набирающих численный потенциал в рамках региона. С методологической точки зрения требуется разработка модели расчета социального самочувствия населения полиэтнического региона на основе вычленения комплексных индикаторов.

Список литературы / References

Абдулатипов, Р. Г. (2000). *Национальный вопрос и государственное устройство России*. М. 605 с.

Abdulatipov, R. G. (2000). *The national question and the state structure of Russia*. Moscow. 605 p. (In Russ.)

Абрамова, М. А., Гончарова, Г. С. (2012). Степени этничности как основа национальной политики. *Социологические исследования*. № 10. С. 42-50.

Abramova, M. A., Goncharova, G. S. (2012). Degrees of ethnicity as the basis of national policy. *Sociological Studies*. No. 10. Pp. 42-50. (In Russ.)

Арутюнова, Е. М. (2023). Социальное самочувствие и ключевые проблемы: кейс Республики Саха (Якутия) в условиях внешнего давления на Россию. *ИНАБ. № 1. Межнациональные отношения, гражданская идентичность и интеграционные процессы в полиэтничном пространстве России*. С. 58-69. DOI: 10.19181/INAB.2023.1.6

Arutyunova, E. M. (2023). Social well-being and key problems: the case of the Republic of Sakha (Yakutia) in the context of external pressure on Russia. In: *Information and analytical bulletin of the Institute of Sociology FCTAS RAS. No. 1. Interethnic relations, civil identity and integration processes in the polyethnic space of Russia*. Pp. 58-69. DOI: 10.19181/INAB.2023.1.6. (In Russ.)

Баишева, С. М. (2017). Труд как ресурс адаптации и социальное самочувствие оленеводов на фоне трансформации общества. *Вестник Забайкальского государственного университета*. Т. 23. № 12. С. 104-111.

Baisheva, S. M. (2017). Work as a resource for adaptation and social well-being of herders against the backdrop of society transformation. *Transbaikal State University Journal*. Vol. 23. No. 12. Pp. 104-111. (In Russ.)

Базаров, Б. В. (2015). Этносоциальные процессы в современной Бурятии. *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. № 4. С. 40-44.

Bazarov, B. V. (2015). Ethno-social processes in modern Buryatia. *North-Eastern Journal of Humanities*. No. 4. Pp. 40-44. (In Russ.)

Винокурова, Д. М. (2015). Роль миграции в динамично-устойчивом развитии Севера: поиск методологии. *Арктика XXI век. Гуманитарные науки*. № 1 (4). С. 40-48.

Vinokurova, D. M. (2015). The role of migration in a dynamic-sustainable development of the North: the search of methodology. *Arctic XXI century. Humanitarian sciences*. No. 1 (4). Pp. 40-48. (In Russ.)

Габдрахманова, Г. Ф., Сагдиева, Э. А. (2019). Социокультурные условия приживаемости «новых» этнических групп Республики Татарстан. *Вестник Института социологии*. Т. 10. № 1. С. 58-77. DOI: 10.19181/vis.2019.28.1.556.

Gabdrakhmanova, G. F., Sagdieva, E. A. (2019). The socio-cultural conditions for the adaptation of “new” ethnic groups in the Republic of Tatarstan. *The Bulletin of the Institute of Sociology (Vestnik Instituta sotziologii)*. Vol. 10. No. 1. Pp. 58-77. DOI: 10.19181/vis.2019.28.1.556. (In Russ.)

Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра. (2013). М. 485 с.

Civil, ethnic and regional identity: yesterday, today, tomorrow (2013). Moscow. 485 p. (In Russ.)

Долган, А. Г., Завалишин, А. Ю., Ким, А. С., Федорова, В. Р. (2014). Профилактика межнациональных конфликтов, дисбаланса и непонимания между народами Хабаровского края. *DIXI-2014: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях*. Хабаровск. С. 149-193.

Dolgan, A. G., Zavalishin, A. Yu., Kim, A. S., Fedorova, V. R. (2014). Prevention of interethnic conflicts, imbalance and misunderstanding between the peoples of the Khabarovsk Territory. In *DIXI-2014: ideas, hypotheses, discoveries in social and humanitarian research*. Khabarovsk. Pp. 149-193. (In Russ.)

Единство и многообразие языков и культур народов России (на примере Республик Башкортостан, Татарстан, Саха (Якутия), Дагестан). (2023). Уфа. 366 с.

The unity and diversity of languages and cultures of the peoples of Russia (on the example of the republics of Bashkortostan, Tatarstan, Sakha (Yakutia), Dagestan). (2023). Ufa. 366 p. (In Russ.)

Захарова, Н. Е., Захарова, А. Е. (2022). Исследование культурно-языкового ландшафта анабарского улуса Республики Саха (Якутия). *Социолингвистика*. № 2 (10). С. 70-80.

Zakharova, N. E. Zakharova, A. E. (2022). Study of the cultural and linguistic landscape of the Anabar ulus of the Republic of Sakha (Yakutia). *Sociolinguistic studies*. No. 2 (10). Pp. 70-80. (In Russ.)

Зорин, В. Ю. (2003). *Национальная политика в России. История, проблемы, перспектива*. М. 284 с.

Zorin, V. Yu. (2003). *National politics in Russia. History, problems, prospects*. Moscow. 284 p. (In Russ.)

Камалова, Р. У. (2013). Этническая гетерогенность: основные понятия и проблемы измерения [Электронный ресурс]. *Полития*. № 4 (71). С. 127-149. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskaya-geterogennost-osnovnye-ponyatiya-i-problemy-izmereniya>. DOI: 10.30570/2078-5089-2013-71-4-127-149 (дата обращения: 20.02.2024).

Kamalova, R. U. (2013). Ethnic Heterogeneity: Main Concepts and Measurement Problems [Online]. *Politeia*. No. 4 (71). Pp. 127-149. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskaya-geterogenost-osnovnye-ponyatiya-i-problemy-izmereniya>. DOI: 10.30570/2078-5089-2013-71-4-127-149 (Accessed: 20 February 2024). (In Russ.)

Куприянова, В. И. (2010). Формирование толерантности и профилактика экстремизма в контексте государственной национальной политики: региональный аспект. *Власть и управление на Востоке России*. № 3. С. 132-137.

Kupriyanova, V. I. (2010). Formation of tolerance and prevention of extremism in the context of state national policy: regional aspect. *Power and Administration in the East of Russia*. No. 3. Pp. 132-137. (In Russ.)

Мадюкова, С. А. (2021). Место и роль этнических традиций в социокультурном пространстве. *Respublica Literaria*. Т. 2. № 1. С. 84-94. DOI: 10.47850/RL.2021.2.1.84-94.

Madyukova, S. A. (2021). Place and role of ethnic traditions in the socio-cultural space. *Respublica Literaria*. Vol. 2. No. 1. Pp. 84-94. DOI: 10.47850/RL.2021.2.1.84-94. (In Russ.)

Михайлова, Л. И. (2010). Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами. *Социологические исследования*. № 3. С. 45-50.

Mikhailova, L. I. (2010). Social moods and reception of future by Russians. *Sociological Studies*. No. 3. Pp. 45-50. (In Russ.)

Осипова, О. В., Маклашова, Е. Г. (2014). Молодежь Арктики: миграционные намерения и социальные ожидания. *Journal of Siberian and Far Eastern Studies*. № 10. С. 6-44.

Vasilieva, O. V., Maklashova, E.G. (2014). Youth of the Arctic: migration intentions and social expectation. *Journal of Siberian and Far Eastern Studies*. No. 10. Pp. 6-44. (In Russ.)

Паин, Э. А. (2003). *Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России*. М. 164 с.

Pain, E. A. (2003). *Between empire and nation. The modernist project and its traditionalist alternative in the national politics of Russia*. Moscow. 164 p. (In Russ.)

Парыгин, Б. Д. (1966). *Общественное настроение*. М. 328 с.

Parygin, B. D. (1966). *Public mood*. Moscow. 328 p. (In Russ.)

Петрова, Л. Е. (2000). Социальное самочувствие молодежи. *Социологические исследования*. № 12. С. 50-55.

Petrova, L. E. (2000). Social well-being of young people. *Sociological Studies*. No. 12. Pp. 50-55. (In Russ.)

Персидская, О. А. (2021). Влияние этнической идентичности на представления о межэтнической интеграции: к постановке проблемы. *Respublica Literaria*. Т. 2. № 1. С. 95-103. DOI: 10.47850/RL.2021.2.1.95-103.

Persidskaya, O. A. (2021). Influence of ethnic identity on representations about interethnic integration: to statement of the problem. *Respublica Literaria*. Vol. 2. No. 1. Pp. 95-103. DOI: 10.47850/RL.2021.2.1.95-103. (In Russ.)

Подойницына, И. И. (2022). Межнациональные коммуникации в Республике Саха (Якутия). *Общество: социология, психология, педагогика*. № 2 (94). С. 29-33. DOI: 10.24158/spp.2022.2.3.

Podoynitsyna, I. I. (2022). Cross-national communications in the Republic of Sakha (Yakutia). *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. No. 2. Pp. 29-33. DOI: 10.24158/spp.2022.2.3. (In Russ.)

Попков, Ю. В. (2023). «Почва» в этничности: традиции отечественного народоведения в испытании «перестройкой» и постмодернизмом (постановка проблемы). *Новые исследования Тувы*. № 1. С. 137-153. DOI: 10.25178/nit.2023.1.8.

Popkov, Yu. V. (2023). "Soil" in ethnicity: traditions of Russian ethnology tested by "Perestroika" and postmodernism (problem statement). *The new research of Tuva*. No. 1. Pp. 137-153. DOI: 10.25178/nit.2023.1.8. (In Russ.)

Русалинова, А. А. (1994). Социальное самочувствие человека в современном мире как научная проблема. *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Т. 6. Вып. 1. С. 49-61.

Rusalina, A. A. (1994). Social well-being of a person in the modern world as a scientific problem. *Vestnik of Saint Petersburg University*. Vol. 6. Iss. 1. Pp. 49-61. (In Russ.)

Томаска, А. Г. (2023). Особенности идентичностей населения Республики Саха (Якутия). *Вестник антропологии*. № 4. С. 37-50. DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/37-50.

Tomaska, A. G. (2023). The Republic of Sakha (Yakutia) population identities. *Herald of Anthropology*. No. 4. Pp. 37-50. DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/37-50. (In Russ.)

Тощенко, Ж. Т., Харченко, С. В. (1996). *Социальное настроение*. М. 196 с.

Toshchenko, Zh. T., Kharchenko, S. V. (1996). *Social mood*. Moscow. 196 p. (In Russ.)

Черныш, М. Ф. (2016). Теоретико-методологические основы изучения причин межэтнической напряженности. *Социологический журнал*. Т. 22. № 4. С. 25-41. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.4.4806.

Chernysh, M. F. (2016). Theoretical and methodological study of ethnic tension causation. *Siologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal*. Vol. 22. No. 4. Pp. 25-41. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.4.4806 Sociological journal. (In Russ.)

Этносоциальные процессы в Якутии: современный ракурс и перспективы развития. (2020). Якутск. 312 с. DOI: 10.25693/monogr/ethnosociology/2020.

Ethno-social processes in Yakutia: modern perspective and development prospects. (2020). Yakutsk. 312 p. DOI: 10.25693/monogr/ethnosociology/2020. (In Russ.)

Ярулин, И. Ф. (2015). Концепт «доверие» в анализе этнических миграций. *Регионалистика*. № 5-6. С. 85-95.

Yarulin, I. F. The concept of «trust» in the analysis of ethnic migration. *Regionalistica*. No. 5-6. Pp. 85-95. (In Russ.).

Сведения об авторе / Information about the author

Маклашова Елена Гавриловна – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск, ул. Петровского, 1, e-mail: maklashova@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-5080-6473>

Статья поступила в редакцию: 15.02.2024

После доработки: 04.03.2024

Принята к публикации: 15.03.2024

Maklashova Elena – Doctor of Sociological Sciences, Chief Researcher of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Petrovskogo Str., 1, e-mail: maklashova@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-5080-6473>

The paper was submitted: 15.02.2024

Received after reworking: 04.03.2024

Accepted for publication: 15.03.2024

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 316.334

**ДЕТЕРМИНАНТЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ЕВРАЗИИ:
ЯВЛЕНИЕ КРИЗИСА****В. С. Шмаков**

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)

vsshmakov@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается феномен эволюции евразийского социокультурного пространства. Исследование детерминант, обуславливающих кризисное состояние развития культуры и социальности под влиянием процессов глобализации, позволяет установить основные факторы, оказывающие доминирующее воздействие на формирование социокультурного пространства, определяющие перспективы развития социокультуры локальных сообществ Евразии. Использование социокультурного подхода дает возможность исследовать основополагающие принципы объяснения и понимания социокультурной эволюции, представить комплексное описание процессов развития локальных сообществ в ходе производственно-экономической и институциональной модернизации. В динамике социокультурного развития Евразии проявляются две основные тенденции: традиционализм (сохранение и поддержание традиционного социокультурного наследия) и модернизация (либерализованная конструкция, нацеленная на разрушение традиционных социокультурных ценностей).

Ключевые слова: евразийское социокультурное пространство, локальные сообщества, тенденции трансформации, социокультурный кризис, стагнация.

Для цитирования: Шмаков, В. С. (2024). Детерминанты социокультурного развития Евразии: явление кризиса. *Respublica Literaria*. Т. 5. № 1. С.100-112. DOI: 10.47850/RL.2024.5.1.100-112

**DETERMINANTS OF THE SOCIO-CULTURAL DEVELOPMENT OF EURASIA:
THE PHENOMENON OF CRISIS****V. S. Shmakov**

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)

vsshmakov@gmail.com

Abstract. The article examines the phenomenon of the evolution of the Eurasian socio-cultural space. The study of the determinants of the crisis state of the development of culture and sociality under the influence of globalization processes allows us to identify the main factors that have a dominant impact on the formation of the socio-cultural space, determining the prospects for the development of the socio-culture of local communities in Eurasia. The use of a sociocultural approach allows us to explore the fundamental principles of explaining and understanding sociocultural evolution, to present a comprehensive description of the processes of development of local communities in the course of industrial, economic and institutional modernization. There are two main trends in the dynamics of the socio-cultural development of Eurasia: traditionalism, the preservation and maintenance of traditional socio-cultural heritage and a modernized, liberalized structure aimed at the destruction of traditional socio-cultural values.

Keywords: Eurasian socio-cultural space, local communities, transformation trends, socio-cultural crisis, stagnation.

For citation: Shmakov, V. S. (2024). Determinants of the Socio-cultural Development of Eurasia: The Phenomenon of Crisis. *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 1. Pp. 100-112. DOI: 10.47850/RL.2024.5.1.100-112

Столкновение цивилизаций детерминировало возникновение модели развития современного евразийского социокультурного пространства, соткав своеобразную канву из противоречий, разногласий и конфликтов. Глобализация формирует мироустройство, обуславливающее локальные и глобальные явления, оказывающие доминирующее влияние на социокультурное развитие, генерирующее переход от традиционного общества к модернизованному. Выстраиваемая модель развития отражает трансформацию социокультурного пространства, фиксируя преобразования культуры и социальности, охватывающие всю структуру жизнедеятельности локальных сообществ Евразии. В процессе трансформации нарушается исторически сложившийся жизненный баланс, возникает своеобразный социокультурный кризис. Эволюция социокультуры в масштабах локального сообщества затрагивает традиционную социокультурную среду, меняет социокультурный контекст, преобразуя факторы, фундаментирующие традиционную структуру жизнедеятельности. В локальных сообществах воспроизводятся процессы локализации и гибридизации, отражающие трансформацию культуры и социальности, фиксируется движение сообщества в направлении интеграции или дезинтеграции. Дифференциация и фрагментация традиционных социокультурных структур в условиях проникновения либеральных ценностей вызывает напряжения и противоречия в социокультурной среде.

Задача нашей работы заключается в анализе тенденций трансформации евразийского социокультурного пространства, в установлении акторов, детерминирующих формирование моделей социокультурного развития локальных сообществ Евразии под влиянием глобализации, в исследовании проблем интеграции / дезинтеграции во всех сферах жизнедеятельности. Рассматривая евразийское социокультурное пространство как объект исследования, отметим, что трансформация социокультуры под давлением глобализации определяет тенденции разрушающего воздействия на устойчивое развитие традиционных социокультурных структур локальных сообществ. В методологическом плане использование системного подхода позволяет провести комплексное описание тенденций социокультурного развития локальных сообществ в единстве культуры и социальности. Социокультурный анализ дает возможность определить основополагающие принципы объяснения и понимания эволюции социокультурного развития. В свое время евразийцы, придерживаясь многофакторности исторического процесса, предложили методологию исследования движения социума в масштабах «месторазвития», подчеркивая пространственную детерминацию России-Евразии, оценивая вектор места и времени основополагающей конструкцией объяснительного процесса. Теория «месторазвития», раскрывая связанность исторической, социально-экономической и культурной жизнедеятельности народов Евразии, интегрирует и консолидирует прошлое, настоящее и будущее, представляя своеобразный фундамент развития Евразии [Савицкий, 2002, с. 300-304]. П. А. Сорокин, говоря о проблеме местожительства, территориальной

привязанности социума, привел идею Юбера Лагарделя (французский синдикалист): «...из всех связей, которые соединяют людей между собой, связи по местности являются самыми сильными. Одно и то же местожительство порождает в людях общность стремлений и интересов ... Сходство в образе жизни, семейные связи, товарищеские отношения, созданные еще с детства, ... придают им общий характер, создающий живую связь», и здесь же воскликнул, оценивая ее: «Отлично сказано!» [Сорокин, 1993, с. 211].

В литературе исследование проблем социокультурного развития Евразии занимает значительное место. Необходимо отметить, что в процессе анализа не имеет абсолютизирующего значения подчеркивание той или иной точки зрения, либо отражаются глобальные процессы эволюции социокультуры в условиях глобализации на уровне гибридизации, утверждая «европейские» ценности как аксиому, либо прослеживается установка на необходимость сохранения социокультурных традиций, норм и ценностей локальных сообществ. Рассматриваются вопросы эволюции социокультурного пространства Евразии, связанности социокультурного развития и территории, влияния производственно-экономических процессов на устойчивое развитие социокультуры [Лапин, 2000; Щедровицкий, 2007; Лекторский, 2018; Ермишина, 2022]. Анализируются процессы структурирования социокультурного пространства как сложного многоэтапного процесса, зависящего от степени интеграции / дезинтеграции социокультуры и ее динамики [Giddens, 1985; Кожин, 2002; Астафьева, 2002; Персидская, 2023]. Определенный нюанс выделяет Ю. М. Лотман, подчеркивая, что процесс усвоения новых смыслов, обогащения семантического поля, не приводит к утрате принимающей культурой своих системообразующих качеств [Лотман, 2000, с. 272].

В целом можно заметить, что проблема эволюционного развития евразийского социокультурного пространства актуализируется по одной главной причине: Евразия состоит из множества локальностей, обладающих спецификой развития культуры и социальности. Постоянное взаимодействие и взаимовлияние локальных сообществ порождает определенную степень «тяжести» контактов, возбуждая в процессе взаимоотношений столкновение «своих» и «чужих» ценностей, состояние социокультурного шока. Исходя из понимания, что евразийское социокультурное пространство исторически формировалось и развивалось как этнокультурная, поликонфессиональная генерация, обладающая существенными отличительными характеристиками и своеобразием, ее устойчивое развитие в значительной степени зависит от решения проблемы сочетания, взаимодействия, взаимозависимости социокультурных традиций и новаций, привносимых в процессе коммуникаций с мировой культурой. Дифференциация, расслоение традиционных и зарождение новых структурных социокультурных образований и комплексов создают напряжение в сообществах, обостряя ситуацию деления народов на «культурные» и «некультурные». В этом значении евразийство, детерминируя себя как явление интернациональное, обладает широким спектром возможностей, сформированным в производственно-экономическом, политическом, межнациональном и социокультурном коммуницировании и сотрудничестве с целью нивелирования разделения, изолированности Евразии. В этом случае процесс качественного обновления социокультурной традиции превращается в неотъемлемый духовный элемент локального сообщества.

Анализируя проблему комплексного развития Евразии, евразийцы обращали особое внимание на экономико-географические основания жизнедеятельности сообществ евразийского пространства. В этом случае взаимосвязь культуры и социальности с месторазвитием России-Евразии, как континентальной державы, обозначалась приоритетной в формировании экономических контактов, включая проблемы конструктивного распределения и использования недр и энергетических ресурсов. Очевидно, что Евразию необходимо рассматривать как многоплановый формирующийся мегакомплекс, уникальное производственно-экономическое, социокультурное объединение, способное интегрировать населяющие народы. Евразия, проявляясь самостоятельным центром силы, в условиях обострения борьбы за ресурсы и рынки сбыта, способна сохранить и закрепить влияние евразийского пространства на мировую цивилизацию [Подберезкин, 2015; Дружинин, 2016; Шлапекко, Степанова, 2018].

В контексте исследования мы рассматриваем евразийство как определенную парадигму понимания России, представляющую концептуальный образ социокультурного пространства, результат интегрирования западных и восточных начал евразийской цивилизации, основанной на синтезе и симбиозе культур. Акцентируем, что евразийская геополитическая концепция определяла соотношения «народности» и «территории» как проблему существования и взаимофункционирования сложных национальных, производственно-экономических и социокультурных взаимодействий и противоречий, характеризующихся широкой локальностью сообществ Евразии, отличающихся социокультурным разнообразием, плюрализмом субкультур, представляющих систему взаимодействия центростремительных и культуурообразующих сил.

Локальные сообщества Евразии представляют огромный конгломерат, исторически оформившийся социокультурный комплекс традиций, ценностей, жизненных смыслов, определяющих системы жизнедеятельности, обретающих в условиях диктата глобализации свойства нелинейности, дихотомичности, поляризации. Сообщества зачастую вынуждены отказываться от традиционных ценностей, т. к. разрушается равновесие в связке «традиция и инновация», подчеркивая нестабильность локального сообщества. В этом случае «локальные сообщества можно определить как своеобразные гео-социо-культурные общности – устойчивую совокупность людей, объединенных целостностью условий, принципов, правил жизнедеятельности, проявляющихся в специфике культуры и социальности, в географических и историко-временных рамках» [Шмаков, 2022а, с. 437]. При таком подходе локальное сообщество есть целостная социально-экономическая и социокультурная структура, сообщество, коллектив людей, организованных общей территорией проживания, переплетенных экономическими, политическими, социокультурными, социально-психологическими, этническими и кровнородственными связями. Выделим два содержательных аспекта концептуализации локального сообщества. Во-первых, группа людей, интегрированный коллектив действующих субъектов, консолидированных «местожительством», традиционным способом жизнедеятельности, нормами и ценностями. Во-вторых, объединенных набором отношений: производственно-экономических, политических, социокультурных, социально-психологических, этнических и кровнородственных. Локальная социокультура является результатом смешивания глобальных и локальных социокультурных структур, нестабильных и противоречивых по сравнению с традиционными формами культуры. Глобализация, оказывая значительное

влияние на трансформацию евразийского социокультурного пространства, определяет социокультурные вызовы, расширяет мобильность, в итоговом варианте у локальных сообществ сокращаются рамки сохранения традиционной культуры и социальности в их жизненном пространстве.

Социокультурная трансформация, собственно, определяется растущими противоречиями, связанными с процессами глобализации, конфликтом глобальности и локальности, модернизации и традиционализма. Выявляющаяся проблема сохранения социокультурной целостности ставит вопросы самоидентификации и определения места России в будущем мире. Как отмечается в литературе, локальные сообщества Евразии, и не только, находятся в состоянии поиска путей, которые бы сделали концепцию социокультурной интеграции первостепенной в моделировании жизненных позиций [Bender, 1978; Добрякова, 1999; Куклина, 2006; Калуцков, 2008; Шмаков, 2022б]. В этом плане принципиально выделяются два направления эволюции социокультурного развития локальных сообществ: 1) сохранение основы традиционных ценностных установок с опорой на базовые социокультурные приоритеты и смыслы, обеспечивающие сохранение социокультуры, социокультурных институтов, способных оказывать первостепенное влияние на сбережение и поддержку традиционной социокультурной среды; 2) сохранение значимости защиты и поддержания базовых социокультурных ценностей, обладающих определенным регулирующим потенциалом, организующим жизнедеятельность локальных сообществ. В результате запускается процесс наращивания противоречий между традиционной социокультурной практикой и модернизационными движениями в развитии культуры и социальности. Традиционные социокультурные ценности подвергаются эрозии, создаются условия, порождающие переход от традиционного к модернизованному обществу, воспроизводя атмосферу стимуляции, возврата к архаическим социокультурным интересам, существовавшим в свое время, но в процессе исторического развития вытесненным на периферию социокультурного пространства [Штомпель, Штомпель, 2010; Хоружая, Салчинкина, 2017]. Углубляя ситуацию, В. С. Степин подчеркивает: «Преобразование общества и типа цивилизационного развития предполагает изменение глубинных жизненных смыслов и ценностей, закреплённых в универсалиях культуры. Переустройство общества всегда связано с революцией в умах, с критикой ранее господствующих мировоззренческих ориентаций и выработкой новых ценностей. Никакие крупные социальные изменения невозможны без изменений в культуре» [Степин, 2011, с. 14]. В процессе социокультурной эволюции проявляется процедура смешивания традиций, новаций и архаики, три системы ценностей оказывают давление на социокультурную среду, порождая дисфункции институционального развития, вызывающие социокультурные аномалии, образуя предпосылки для генерирования социокультурного кризиса.

Зафиксируем ряд факторов, раскрывающих кризисное состояние социокультуры локальных сообществ:

1. Модернизация обуславливает дифференциацию существующих производственно-экономических отношений и порождает новые композиции, кардинально меняющие производственно-экономические практики и структуру социальных взаимодействий. Образуются существенные расхождения между различными социальными группами, поколениями локальных сообществ. Возникающие противоречия ведут к драматическим

последствиям, разрушается стабильность в развитии культуры и социальности, растет экономическая, институциональная и социокультурная неустойчивость, усиливаются миграционные процессы и локальные конфликты.

2. Трансформация порождает проблему формирования нового социокультурного баланса. В социокультурную среду привносятся элементы чужеродных культур, образуя сложности взаимодействия «своей» и «чужой» культуры и социальности, подвергая разрушению основы традиционной социокультуры, дифференцируя и диверсифицируя социокультурное пространство.

3. Модернизация углубляет противоречия, связанные с консолидацией локальных сообществ, поддержанием устойчивого национального взаимодействия.

В свое время Дж. С. Милль сделал интересное умозаключение по поводу различных обстоятельств «влияющих на состояние и прогресс общества, неисчислимы и бесконечно изменчивы; и, хотя все они меняются согласно причинам и, следовательно, законам, множество причин столь велико, что превосходит наши ограниченные способности к вычислению» [Mill, 1846, p. 549]. Тем не менее, замечание Дж. С. Милля делает необходимым рассмотреть наиболее выпуклые тенденции трансформации, которые служат наращиванию процессов социокультурной эволюции евразийского пространства, формированию разнородности, гетерогенности социокультурной среды.

1. С одной стороны, локальные сообщества прилагают определенные усилия для сохранения традиционной социокультуры, социокультурных ценностей. В этом контексте анклавизация социокультурного пространства служит поддержкой изоляции, замкнутости, закрытости сообщества. С другой стороны, под воздействием внешних факторов определяются установки на внутреннюю перестройку, саморазвитие, углубление, совершенствование социокультурной среды. Происходит процесс плавного преобразования локальной социокультуры, интериоризации, приспособления к меняющимся реалиям. Осуществляется процесс диффузии, взаимного проникновения, смешивания «своей» и «чужой» социокультуры.

Высокая степень гетерогенности, разнородности факторов, воздействующих на социокультурное пространство, определяет дезинтеграцию традиционных социокультурных структур, благоприятствует распаду «своей» и насаждению новой социокультурной реальности. Возможно, именно в кризисные времена в локальных сообществах наиболее активно возникают, оформляются и конституируются новые ценности, нормы, символы, переоформляется социокультурная среда локального сообщества [см., например: Белкин, Ионесов, 2014, с. 202].

2. Локализация в первую очередь характеризуется проблемой конгломеративности, способности локальных сообществ образовывать и сохранять устойчивые производственно-экономические, институциональные и социокультурные структуры. Гибридизация при данных условиях допускает или предполагает максимальный уровень открытости воздействия внешних факторов, социокультурного диалога, смешения, интеграции евразийского социокультурного пространства. В таком ракурсе гибридизация усматривается как способ понимания, восприятия социокультуры «чужих» на основе модели интериоризации, ассимиляции, развивающегося процесса усвоения новых социокультурных смыслов, норм, правил, обогащающих социокультурную среду. При этом явление не влечет

за собой потерю локальным сообществом системообразующих качеств и свойств. Гибридизация тесно связана с проблемой диффузии, как процесса распространения культуры и социальности в социокультурном пространстве, непосредственным или косвенным воздействием субкультуры, не просто заимствованием, а прямым восприятием, обретением элементов социокультуры «чужих». При этом отметим, что процесс гомогенизации (своеобразное усреднение социокультурной среды) определяется ключевой проблемой современного глобального взаимодействия, конфликтом между склонностью к гомогенизации культуры и ее гетерогенизацией, дифференциацией, дисперсностью.

3. Возникшие в ходе взаимодействия и взаимовлияния локальных и глобализованных социокультур, имеющих, зачастую, разновекторные, противоположные по уровню и значимости тенденции развития, систематические коммуникации порождают разногласия, противоречия в социокультурной сфере. Проявляющиеся конфликты провоцируют социокультурную дестабилизацию, разрыв шаблонов, приходит в расстройство устойчивое развитие локальных сообществ, детерминируя социокультурный кризис.

Н. И. Лапин справедливо указал, что «особый, редкий в истории случай представляет собой патологический социокультурный кризис... Общество, переживающее патологический социокультурный кризис, есть кризисный социум. Это специфическое, довольно редко встречающееся в истории состояние общества, характеризующееся уникальным сочетанием параметров социального и культурного развития... Два кризиса – социальный и культурный – сложились в одном обществе и действуют в нем одновременно. Точнее, они взаимодействуют, но весьма специфически, воплощая своеобразие нашего общества как социокультурной реальности» [Лапин, 1992, с. 34-35]. В широком смысле кризис выступает своеобразным ответом на развивающиеся в процессе эволюции культуры и социальности противоречия. Социокультурный кризис – это состояние развития социокультуры, во-первых, связанное с разрушением старых форм, правил и содержания социокультурной жизни. Во-вторых, оно характеризуется проявлением и закреплением новых социокультурных свойств и функций, составляющих развивающуюся сферу социокультуры. В-третьих, возникают условия эволюции социокультурной среды, характеризующиеся состоянием перехода, преобразования, связанного с разрушением традиционной системы ценностей, социокультурных маркеров. В-четвертых, в социокультурном пространстве возникает кризисное состояние, отличающееся наличием деструктивных эффектов в развитии социокультуры. В-пятых, формируются тенденции трансформации функций социокультурного пространства, изменения ценностных ориентиров. Активизируются процессы модификации институтов, определяющих развитие культуры и социальности.

Социокультурный кризис является ключевым фактором, провоцирующим нестабильность локальных сообществ, вызывающим коренные изменения в развитии культуры и социальности, преобразуя нормы поведения, искажая традиционные жизненные смыслы, мотивы и цели жизнедеятельности локальных сообществ, зафиксированные в нормах и правилах традиционной социокультуры. Растущая нестабильность в сообществах детерминирует проявление аксиологической размытости, неоднозначности. В процессе искажения, обесценивания традиционных норм и условий жизни модифицируются стереотипы поведения людей, меняются условия социокультурных коммуникаций.

В ситуации кризисного состояния культуры и социальности активизируется разрушение интегрирующих социокультурных связей и отношений. Локальные сообщества испытывают состояние нестабильности, подвергаются размежеванию, дивергенции, разрушительным тенденциям социально-экономического плана. Масштабные метаморфозы, заключающиеся, прежде всего, в сокращении потенциала и роли социокультурной сплоченности и консолидации, коллективистских начал и интересов в жизнедеятельности сообществ, форсируют размывание, разложение социокультурных ценностей.

Мы рассматриваем социокультурную трансформацию как процесс, сочетающий в своем развитии модерн, традицию и архаику, проявляющиеся в ходе социокультурной эволюции, активно влияющие на генерирование моделей социокультурного развития, порождая институциональный вакуум, дисфункции, инициирующие социокультурный кризис. В этом контексте, социальный кризис актуализировал возрождение базовых ценностей, усиливая роль традиционных механизмов социокультурного функционального регулирования, осовременил проблему сохранения социокультурной идентичности, базовых социокультурных ценностей. Под влиянием социально-экономической модернизации, в условиях активного давления глобализации, европейских жизненных ценностей, оживляются процессы смены представлений, понятий, образов локальных сообществ о традиционной социокультуре, как о чем-то старом, косном, мешающем «жить по-человечески». Это самое опасное заблуждение в масштабах социокультурной среды. Несомненно, что смешение глобальных и локальных социокультурных норм и правил жизнедеятельности активизирует более широкое восприятие условий жизни «запада», подобный ситуативный подход стимулирует процессы адаптации, при этом форсируя развитие кризисного состояния локальных сообществ, дезинтеграции и размывания границ, возрождение архаических форм социокультурной жизни. Пробудившиеся архаические представления культуры и социальности в ходе эволюции традиционной социокультурной сферы локальных сообществ заполняют образовавшееся пространство, восполняя исчезнувшие звенья социокультуры. Подчеркнем, что социокультурный кризис, как этап развития евразийского региона, представляет процесс разрушения традиционных социокультурных ценностей, дестабилизацию социокультурного пространства и, главное, стимулирует изменения основы устойчивого развития культуры и социальности, активизируя процессы разложения социокультурной идентичности. Социокультурная трансформация, интериоризация, ассимиляция культуры и социальности сопровождается расширением социокультурной энтропии, деформации социально-экономической системы, формирует стагнирующее положение социокультуры и, в конечном итоге, социокультурную трагедию.

В заключении отметим, что особенностью развития российской цивилизации является евразийский характер столетиями формирующейся российской социокультурной общности, сложившейся и развивающейся на основе исторических судеб, геополитических и социокультурных программ и интересов. Евразийские социокультурные факторы и ценности сопрягаются с современными социально-экономическими условиями, определяемыми производственно-экономическими, институциональными и социокультурными процессами.

В масштабах социокультурного пространства Евразии проявляются две основные тенденции трансформации культуры и социальности: традиционализм, сохранение и поддержание традиционного социокультурного наследия, традиций, норм, правил и способов бытия, обеспечивающих в длительный исторический период жизнедеятельность локальных сообществ; модернизм, основывающийся на либерализации социокультурного пространства, расширяющий условия и границы экономических, социальных и культурных связей и взаимодействий. В этом ключе гибридизация выступает способом понимания, объяснения и восприятия социокультуры «чужих», моделируя социокультурное пространство Евразии на основе интериоризации, ассимиляции, насаждения требуемых социокультурных смыслов, норм, правил жизнедеятельности. Естественно, что формирующиеся модели эволюции культуры и социальности обладают противоречивым характером. Давление глобальной (массовой) культуры, основанной на западноевропейских жизненных стандартах, способствует смешению глобальных и региональных форм, дискредитируя основы социокультурного наследия, традиционных базовых ценностей и норм. Модифицирующийся жизненный уклад локальных сообществ оказывает деформирующее влияние на состояние и развитие социокультурной идентичности, интеграции / дезинтеграции евразийского социокультурного пространства. Движение к восприятию, заимствованию, освоению, сопровождающееся разрушением господствовавших в обществе социокультурных норм, правил и способов поведения, обостряет противоречия глобальности и локальности, актуализируя кризис в развитии социокультурной среды локальных сообществ, углубляя конфликт в системе внутренних взаимоотношений социума. В состоянии социокультурного кризиса снижается уровень прогнозирования и управления локальным сообществом, приобретающим в процессе адаптации понимание «богатство / бедность», являющееся основой размежевания локального сообщества. Его имущественное разделение создает ситуацию внутреннего конфликта, конфликта институционального и социокультурного. Возникают массы людей, выпадающих из производственно-экономической, институциональной и социокультурной жизни. Разрушение устойчивого равновесия в процессе эволюции в сфере культуры и социальности детерминирует продолжение социокультурного кризиса, дальнейшего развития противоречивых тенденций эволюции социокультурного пространства Евразии.

Список литературы / References

Астафьева, О. Н. (2002). *Глобализация как социокультурный процесс*. М.: Изд-во РАГС. 472 с.

Astafieva, O. N. (2002). *Globalization as a Socio-cultural Process*. Moscow. 472 p. (In Russ.)

Белкин, А. И., Ионесов, В. И. (2014). Кризис как культурная реальность. *Известия Самарского научного Центра Российской академии наук*. Т. 16. № 2. С. 201-205.

Belkin, A.I., Ionesov, V.I. (2014). Crisis as a cultural reality. *Izvestiya of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 16. No. 2. Pp. 201-205. (InRuss.)

Бхагвати, Дж. (2005). *В защиту глобализации*. Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Ладомир. 406 с.

Bhagwati, J. (2005). *In defense of globalization*. Inozemtsev, V. L. (ed.). Moscow. 406 p. (In Russ.)

Добрякова, М. С. (1999). Исследования локальных сообществ в социологической традиции. *Социологические исследования*. № 7. С. 125-133.

Dobryakova, M. S. (1999). Studies of local communities in the sociological tradition. *Sociological Research*. No. 7. Pp. 125-133. (In Russ.)

Дружинин, А. Г. (2016). *Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа: монография*. Ростов н/Д.: Изд-во Южного федер. ун-та. 228 с.

Druzhinin, A. G. (2016). *Russia in Multipolar Eurasia: the view of a social geographer: a monograph*. Rostov-on-Don. 228 p. (In Russ.)

Ермишина, К. С. (2022). Евразийство с точки зрения пассионарной теории Л. Н. Гумилева. *Вопросы философии*. № 6. С. 109-119. DOI: 10.21146/0042-8744-2022-6-109-119.

Ermishina, K. S. (2022). Eurasianism from the point of view of L. N. Gumilev's passion theory. *Questions of Philosophy*. No. 6. Pp. 109-119. DOI: 10.21146/0042-8744-2022-6-109-119. (In Russ.)

Калуцков, В. Н. (2008). *Ландшафт в культурной географии*. М.: Новый Хронограф. 161 с.

Kalutskov, V. N. (2008). *Landscape in Cultural Geography*. Moscow. 161 p. (In Russ.)

Кожин, В. В. (2002). *О русском национальном сознании: избранные статьи о наиболее актуальных вопросах Российского государства*. М.: Алгоритм. 380 с.

Kozhinov, V. V. (2002). *About the Russian National Consciousness: Selected Articles on the most Pressing Issues of the Russian State*. Moscow. 380 p. (In Russ.)

Куклина, В. В. (2006). *Локальные сообщества Южной Сибири в полиэтничной среде: культурно-географический срез*. Новосибирск: Изд-во СО РАН. 116 с.

Kuklina, V. V. (2006). *Local communities of Southern Siberia in a multiethnic Environment: a Cultural and Geographical Cross-section*. Novosibirsk. 116 p. (In Russ.)

Лапин Н. И. (1992). Кризис отчужденного бытия и проблема социокультурной реформации. *Вопросы философии*. № 12. С. 29-41.

Lapin N. I. (1992). The crisis of alienated existence and the problem of socio-cultural reformation. *Questions of Philosophy*. No 12. Pp. 29-41. (In Russ.)

Лапин, Н. И. (2000). Социокультурная трансформация России: либерализация versus традиционализация. *Журнал социологии и социальной антропологии*. Т. III. № 3. С. 32-39.

Lapin, N. I. (2000). Sociocultural transformation of Russia: liberalization versus traditionalization. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. III. No. 3. Pp. 32-39. (In Russ.)

Лекторский, В. А. (2018). *Человек и культура*. СПб.: СПбГУП. 639 с.

Lectorsky, V. A. (2018). *Man and Culture*. St. Petersburg. 639 p. (In Russ.)

Лотман, Ю. М. (2000). *Семiosфера*. СПб.: Искусство-СПБ. 704 с.

Lotman, Y. M. (2000). *Semiosphere*. St. Petersburg. 704 p. (In Russ.)

Персидская, О. А. (2023). Роль социально-философских теорий в представлениях об интеграции и дезинтеграции обществ (на основе подхода Т. Дж. Бернарда). *Сибирский философский журнал*. Т. 21. № 1. С. 79-89. DOI: 10.25205/2541-7517-2023-21-1-79-89

Persidskaya, O. A. (2023). The Role of Socio-philosophical Theories in the Concepts of Integration and Disintegration of Societies (Based on the Approach of T. J. Bernard). *Siberian Philosophical Journal*. Vol. 21. No. 1. Pp. 79-89. DOI: 10.25205/2541-7517-2023-21-1-79-89 (In Russ.)

Подберезкин, А. И., Харкевич, М. В. (2015). Локальные человеческие цивилизации в Евразии: долгосрочные сценарии взаимодействия. *Вестник МГИМО Международные отношения*. № 4 (43). С. 152-158. DOI: 10.24833/2071-8160-2015-4-43-152-158

Podberezkin, A. I., Kharkevich, M. V. (2015). Local Civilizations in Eurasia: Long Term Scenario of Interaction. *MGIMO Review of International Relations*. No. 4 (43). Pp. 152-158. DOI: 10.24833/2071-8160-2015-4-43-152-158 (In Russ.)

Савицкий, П. Н. (2002). Географические и геополитические основы евразийства. *Основы евразийства*. М.: Арктогея центр. С. 297-304.

Savitsky, P. N. (2002) Geographical and Geopolitical Foundations of Eurasianism. In: *Fundamentals of Eurasianism*. Moscow. Pp. 266-280. (In Russ.)

Сорокин, П. А. (1993). *Система социологии*. Т. 2. М.: Наука. 338 с.

Sorokin, P. A. (1993). *The System of Sociology*. Vol. 2. Moscow. 338 p. (In Russ.)

Степин, В. С. (2011). Философский анализ универсалий культуры. *Гуманитарные науки*. № 1. С. 8-15.

Stepin, V.S. (2011). Philosophical Analysis of the Universals of Culture. *Humanities*. No. 1. Pp. 8-15. (In Russ.)

Шлапеко, Е., Степанова, С. (2018). Великий Шелковый путь и евразийская интеграция. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 62. № 1. С. 43-52. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-01-43-52.

Shlapeko, E., Stepanova, S. (2018). The Great Silk Road and Eurasian integration. *World Economy and International Relations*. Vol. 62. No. 1. Pp. 43-52. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-01-43-52. (In Russ.)

Щедровицкий, П. Г. (2007). Изменения в мышлении на рубеже XXI столетия: социокультурные вызовы. *Вопросы философии*. № 7. С. 36-54.

Shchedrovitsky, P. G. (2007). Changes in thinking at the turn of the 21st century: sociocultural challenges. *Questions of philosophy*. No. 7. Pp. 36-54. (In Russ.)

Шмаков, В. С. (2022а). Воздействие производственно-экономического развития на социокультурную эволюцию локальных сообществ. *Современные исследования социальных проблем*. Т. 14. № 4. С. 431-449. DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-4-431-449.

Shmakov, V. S. (2022a). The impact of Industrial and Economic Development on the Socio-cultural Evolution of Local Communities. *Modern Studies of Social Problems*. Vol. 14. No. 4. Pp. 431-449. DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-4-431-449. (In Russ.)

Шмаков, В. С. (2022б). Локальные сообщества Евразии: геокультурный аспект. *Мир науки. Социология, филология, культурология*. Т. 13. № 2. DOI: 10.15862/46SCSK222. [Электронный ресурс]. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/46SCSK222.pdf> (дата обращения: 17.01.2024)

Shmakov, V. S. (2022b). Local Communities of Eurasia: the Geocultural Aspect. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. Vol. 13. No. 2. DOI: 10.15862/46SCSK222. [Online]. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/46SCSK222.pdf> (Accessed: 17.01.2024). (In Russ.)

Штомпель, Л. А., Штомпель, О. М. (2010). Архаизация современной культуры: необходимость или случайность? *Ценности и смыслы*. № 1 (4). С. 34-42.

Shtompel, L. A., Shtompel, O. M. (2010). The archaization of modern culture: necessity or chance? *Values and Meanings*. No. 1 (4). Pp. 34-42. (In Russ.)

Хоружая, С. В., Салчинкина, А. Р. (2017). Архаизация и деградация в социокультурном пространстве. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. № 5 (79). С. 194-196.

Khoruzhaya, S. V., Salchinkina, A. R. (2017). Archaization and Degradation in the Socio-cultural Space. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Questions of Theory and Practice*. No. 5 (79). Pp. 194-196. (In Russ.)

Bender, T. (1978). *Community and Social Change in America*. Baltimore: John Hopkins University Press.

Giddens, A. (1985). Time, Space and Regionalization. In Gregory, D. and Urry, J. (eds.) *Social Relations and Spatial Structures*. London. St. Martins Press. Pp. 531-533.

Mill, J. S. (1846). *A System of Logic, Ratiocinative and Inductive: Being a Connected View of the Principles of Evidence and the Methods of Scientific Investigation*. N.-Y. 593 p.

Сведения об авторе / Information about the author

Шмаков Владимир Сергеевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского Отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: vsshmakov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2965-1758>

Статья поступила в редакцию: 15.01.2024

После доработки: 26.02.2024

Принята к публикации: 11.03.2024

Shmakov Vladimir – Doctor of Philosophical Sciences, Leading researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolayev Str., 8, e-mail: vsshmakov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2965-1758>

The paper was submitted: 15.01.2024

Received after reworking: 26.02.2024

Accepted for publication: 11.03.2024

ПРАВО

УДК 347.1

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И КИТАЯ

Н. Ю. Чернусь

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
preiudicia@yandex.ru

Я. Чжун

Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет (г. Новосибирск)
2321231858@qq.com

Аннотация. В условиях функционирования цифровой среды все большее значение приобретают информационные активы, в то время как необходимость обеспечения защиты личных неимущественных прав остается незыблемой конституционной гарантией. Технологии искусственного интеллекта, используемые во многих сферах жизнедеятельности, получают доступ к разного рода персональной информации, что само по себе влияет на национальную, экономическую и политическую безопасность, посягает на социальную стабильность. Законодательство многих стран, включая Россию и Китай, содержит положения, обеспечивающие правовую охрану персональных данных. Однако многие проблемы остаются нерешенными, что требует дальнейшего совершенствования правового регулирования сбора и обработки персональных данных, обеспечения их правовой охраны путем предоставления различного правового режима отдельным видам персональных данных, разработки современной модели контроля за информационной безопасностью. В статье содержится сравнительно-правовой анализ законодательства о персональных данных России и Китая, выявляются проблемы правовой охраны личной информации граждан, формулируются выводы о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства о персональных данных, которое должно содержать гарантии информационной безопасности при автоматической обработке личной информации гражданина.

Ключевые слова: персональные данные, защита персональных данных, обработка персональных данных, искусственный интеллект, личные права, информационная безопасность, цифровые технологии.

Для цитирования: Чернусь, Н. Ю., Чжун, Я. (2024). Проблемы правовой защиты персональных данных по законодательству России и Китая. *Respublica Literaria*. Т. 5. № 1. С.113-123. DOI: 10.47850/RL.2024.5.1.113-123

PROBLEMS OF LEGAL PROTECTION OF PERSONAL DATA UNDER THE LAWS OF RUSSIA AND CHINA

N. Yu. Chernus

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
preiudicia@yandex.ru

Ya. Zhong

Novosibirsk National Research State University (Novosibirsk)
2321231858@qq.com

Abstract. In the context of the functioning of the digital environment, information assets are becoming increasingly important, while the need to ensure the protection of personal non-property rights remains an unshakable constitutional guarantee. Artificial intelligence technologies used in many spheres of life gain access to various kinds of personal information, which in itself affects national, economic and political security, encroaches on social stability. The legislation of many countries, including Russia and China, contains provisions ensuring the legal protection of personal data. However, many problems remain unresolved, which requires further improvement of the legal regulation of the collection and processing of personal data, ensuring their legal protection by providing different legal regimes for certain types of personal data, and developing a modern model of information security control. The article contains a comparative legal analysis of the legislation on personal data of Russia and China, identifies problems of legal protection of personal data, and draws conclusions about the need for further improvement of legislation on personal data, which should contain guarantees of information security during automatic processing of personal data.

Keywords: personal data, protection of personal data, processing of personal data, artificial intelligence, personal rights, information security, digital technologies.

For citation: Chernus, N. Yu., Zhong, Ya. (2024). Problems of Legal Protection of Personal Data under the Laws of Russia and China. *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 1. Pp. 113-123. DOI: 10.47850/RL.2024.5.1.113-123

Одной из самых востребованных и актуальных в настоящее время практически во всех сферах человеческой жизнедеятельности задач, требующих решения, является задача по внедрению и использованию технологий искусственного интеллекта. Как отметил Президент РФ В. В. Путин на Большой ежегодной пресс-конференции в этом году, «... предотвратить развитие искусственного интеллекта, в том числе – сверхинтеллекта, который начинает чувствовать, который различает запахи, у него появляются когнитивные возможности, который сам себя развивает, просто предотвратить это невозможно. Нужно сделать все для того, чтобы мы могли быть одними из лидеров в этом направлении» [Путин прокомментировал развитие ИИ, 2023].

Действительно, развитие и интеграция технологии искусственного интеллекта происходит настолько стремительно, что все сложнее найти потенциально не подлежащую ее охвату отрасль или сферу нашей жизни. Внедрение технологии искусственного интеллекта обуславливает появление новых, ранее неизвестных правопорядку, юридических и этических проблем, требующих разрешения. Одной из таких проблем является защита персональных данных, которые в настоящее время собираются и обрабатываются автоматически, в том числе с применением технологий искусственного интеллекта.

Так, с тотальной цифровизацией экономики связано появление новых информационных активов, баз данных, создание и использование которых несет угрозу нарушения личных неимущественных прав граждан. В условиях функционирования цифровой среды значение информационных активов растет, в то время как необходимость обеспечения защиты личных неимущественных прав остается незыблемой конституционной гарантией. Технологии искусственного интеллекта, используемые во многих сферах жизнедеятельности, получают доступ к разного рода персональной информации, что само по себе влияет на национальную, экономическую и политическую безопасность, посягает

на социальную стабильность. Законодательство многих стран, включая Россию и Китай, содержит положения, обеспечивающие правовую охрану персональных данных. Однако многие проблемы остаются нерешенными, что требует дальнейшего совершенствования правового регулирования сбора и обработки персональных данных, обеспечения их правовой охраны путем предоставления различного правового режима отдельным видам персональных данных, разработки современной модели контроля за информационной безопасностью.

В ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – Закон о персональных данных) содержится определение персональных данных, согласно которому это любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному, или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных). Таким образом, персональные данные относятся к такому информационному ресурсу, который позволяет идентифицировать человека. Как отмечают исследователи, персональные данные являются не только важным информационным активом, но и основой для идентификации каждого человека в публичных интересах с целью эффективного функционирования публичной власти [Song Caifa, 2022, p. 48].

В законодательстве разных государств и регионов для обозначения личной информации о гражданине используются термины «персональные данные», «персональная информация», «личные данные», при этом содержание этих понятий, как правило, совпадает как в законодательстве Китая и его регионах – Гонконге и Тайване, так и в законодательстве стран Европейского Союза и России. Кроме того, влияние оказывают особенности перевода, поэтому, сравнивая законодательство России и Китая, перечисленные термины будут означать очень близкие по своему содержанию понятия.

Итак, согласно Гражданскому кодексу КНР, обнародованному 28 мая 2020 г. (далее - ГК КНР), к частной личной информации применяются положения о праве на неприкосновенность частной жизни или, в случае отсутствия которых, положения о защите личной информации (ст. 1034 ГК КНР). Иными словами, в законодательстве КНР установлен единый правовой режим охраны личной информации и права на неприкосновенность частной жизни. При этом под личной информацией понимается информация, записанная в электронном виде или другими способами, которая может использоваться сама по себе или в сочетании с другой информацией для идентификации физического лица, включая имя, дату рождения, идентификационный номер, биометрическую информацию, адрес проживания, номер телефона, адрес электронной почты, медицинскую информацию, местонахождение и т. д. человека (ст. 1034 ГК КНР). Как отмечают исследователи, под персональными данными в законодательстве КНР понимаются сведения, хранящиеся в электронной или иной форме, позволяющие идентифицировать прямо или косвенно конкретное физическое лицо, представляющие собой любую информацию, имеющую отношение к идентифицируемому или определяемому физическому лицу [Xiaolan, 2022, p. 72]. Это означает, что защите подлежит большой массив информации, которая имеет отношение к физическому лицу, и законодательство о защите персональных данных обеспечивает такую защиту.

Законодательство о персональных данных России и Китая к персональным данным также относит информацию о человеке, с помощью которой можно установить его личность. Закон о персональных данных к такой информации относит биометрические персональные

данные (ст. 11). Законодательство Китая биометрические персональные данные относит к конфиденциальной личной информации, обеспечению охраны которой уделяется особое внимание. Так, согласно ст. 28 Закона КНР «О защите личной информации», обнародованного 20 августа 2021 г. (далее – Закон КНР о защите личной информации), конфиденциальная личная информация – это личная информация, которая в случае утечки или незаконного использования может легко привести к ущемлению личного достоинства физического лица или может поставить под угрозу его личную безопасность или собственность. К такой информации относятся биометрические данные, сведения о религиозных убеждениях, особенностях личности, состоянии здоровья, финансовых счетах и местонахождении человека, а также личная информация несовершеннолетнего, не достигшего 14 лет. Таким образом, помимо биометрических данных, позволяющих наиболее достоверно идентифицировать человека, законодательство КНР распространяет режим конфиденциальности и на другие личные сведения. В целом же законодательство России и Китая распространяет режим правовой охраны в отношении различных видов персональной информации. Поскольку уровень конфиденциальности отдельных видов персональных данных может различаться (конфиденциальная личная информация и личная информация в законодательстве КНР), то одним из методов обработки персональных данных, который направлен на соблюдение режима конфиденциальности личной информации, является метод обезличивания персональной информации. В Законе о персональных данных содержится понятие обезличивания персональных данных, под которым понимаются действия, в результате которых становится невозможным без использования дополнительной информации определить принадлежность персональных данных конкретному субъекту персональных данных. Подобное регулирование содержится в ст. 4 Закона КНР о защите личной информации, которая исключает из содержания персональных данных анонимную информацию. Таким образом, можно прийти к выводу о том, что права и интересы субъектов персональных данных подлежат защите, а лица, которые занимаются обработкой персональных данных, должны использовать методы анонимизации (обезличивания) для обеспечения прав субъектов персональных данных при обработке информации. Другим примером правового обеспечения защиты персональных данных является установление в отношении исполнителей информационных услуг обязанности по обеспечению охраны персональных данных, а также выполнение закрепленных в законе условий, при выполнении которых сбор и обработка персональных данных являются легитимными. Так, для сбора и последующего использования персональных данных требуется согласие лица, у которого эти данные собираются (субъекта персональных данных), при этом сбор и использование персональных данных без такого согласия является правонарушением и влечет за собой применение мер юридической ответственности. Это может быть гражданская, административная или уголовная ответственность.

Определяя отраслевую природу права на защиту персональных данных, следует обратить внимание на связь права на защиту персональных данных с другими конституционными правами человека и гражданина. Согласно ч. 1 ст. 23 Конституции РФ, каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются (ч. 1 ст. 24 Конституции

РФ). Иными словами, право на неприкосновенность частной жизни, право на личную и семейную тайну включает в себя право гражданина на определение правового режима своих персональных данных. К аналогичному выводу приходят и другие исследователи [Макаров, Вологодина, 2019, с. 72]. Таким образом, гражданин имеет право определять, какие персональные данные могут находиться в открытом или закрытом доступе, кому и для какой цели предоставить право на получение и обработку своих персональных данных. С целью обеспечения гарантий осуществления права на неприкосновенность частной жизни конституционное и отраслевое законодательство содержит положения, направленные на охрану данного права. Так, гражданско-правовой режим защиты персональных данных содержится в положениях Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), согласно которым, если иное прямо не предусмотрено законом, не допускаются без согласия гражданина сбор, хранение, распространение и использование любой информации о его частной жизни, в частности сведений о его происхождении, о месте его пребывания или жительства, о личной и семейной жизни (п. 1 ст. 152.2 ГК РФ). В ГК КНР защите личной информации посвящена глава VI раздела «Личные права», согласно которой защита персональных данных также вытекает из конституционного права гражданина на неприкосновенность частной жизни. Согласно ст. 1032 ГК КНР, физическое лицо имеет право на неприкосновенность частной жизни. Ни одна организация или частное лицо не может нарушать право другой стороны на неприкосновенность частной жизни, вторгаясь, раскрывая или предавая гласности личные дела других лиц. Нематериальные блага, к которым относится неприкосновенность частной жизни, защищаются в соответствии с гражданским законодательством, а также в тех случаях и пределах, в каких использование способов защиты гражданских прав (ст. 12 ГК РФ) вытекает из существа нарушенного нематериального блага или личного неимущественного права и характера последствий этого нарушения. Распространение персональной информации, исходя из характера правонарушения, обладает признаками деликта, поэтому у потерпевшего есть право не только на возмещение понесенных им убытков, но и на компенсацию морального вреда. Аналогичные способы защиты субъектов персональных данных при неправомерном использовании личной информации вытекают из положений ст. 1032 и 1033 ГК КНР.

Обратимся к специальному законодательству. Так, в Китайской народной республике принят закон, который направлен на защиту личной информации, размещенной в интернет-пространстве. Это Закон КНР «О кибербезопасности», обнародованный 7 ноября 2016 г. (далее – Закон КНР о кибербезопасности), который содержит гарантии защиты персональных данных, размещаемых в сети Интернет. В соответствии с п. 3 ст. 22 Закона КНР о кибербезопасности, в тех случаях, когда сетевые продукты и услуги имеют функцию сбора информации о пользователе, их провайдеры должны разъяснить это пользователям и получить их согласие на это. Так же операторы сетей, которые собирают и используют персональную информацию, должны раскрывать правила сбора и использования такой информации, цель, порядок и объем сбора и использования информации, и получать согласие субъекта персональных данных (п. 1 ст. 41 Закона КНР о кибербезопасности). Правило информированного согласия на использование персональных данных также содержится в ст. 17 Закона КНР о защите личной информации, согласно которой перед обработкой персональной информации ее обработчик должен достоверно, точно и полно информировать лицо о целях обработки персональной информации, способах обработки

и других связанных с этим вопросах на видном месте, на ясном и понятном языке, а лицо должно добровольно и однозначно дать согласие на такую обработку, исходя из того, что оно полностью информировано. Согласно Положению КНР о защите персональной информации пользователей телекоммуникаций и Интернета (принято на 2 совещании Министерства промышленности и информационных технологий КНР 28 июня 2013 г.), поставщики информационных услуг должны собирать и использовать персональные данные пользователей с ведома субъектов персональных данных. Обращение с персональной информацией должно не только отвечать требованиям законности, правомерности и необходимости, но и иметь четкую и обоснованную цель, при этом оно должно осуществляться таким образом, чтобы минимизировать воздействие на права и интересы личности, быть ограничено минимально возможным объемом для достижения цели обращения, следовать принципам открытости и прозрачности, обеспечивать точность и полноту персональной информации, принимать необходимые меры для обеспечения безопасности персональной информации (п. 1 ст. 9 Положения).

Дополнительные гарантии защиты прав субъекта персональных данных содержатся в Законе КНР о защите личной информации. Так, согласно ст. 46 Закона КНР о защите личной информации, лицо, обнаружившее неточность или неполноту своей персональной информации, имеет право потребовать от обработчика персональной информации ее исправления или дополнения. Если физическое лицо обращается с просьбой об исправлении или дополнении своей персональной информации, ее обработчик обязан проверить эту информацию и своевременно исправить или дополнить ее. В соответствии со ст. 47 Закона КНР о защите личной информации, обработчик персональной информации должен добровольно удалить персональную информацию при перечисленных в статье обстоятельствах. Если обработчик персональной информации не делает этого, физическое лицо имеет право потребовать удаления размещенной информации. Если срок хранения, установленный законами или административными правилами, не истек, или если удаление персональной информации технически затруднено, обработчик персональной информации должен прекратить ее обработку, за исключением хранения и принятия необходимых мер по обеспечению безопасности.

Таким образом, в законодательстве о персональных данных КНР содержатся гарантии защиты прав субъекта персональных данных, направленные на предварительное получение у него информированного согласия на использование этой информации, обеспечивающее возможность доступа и ее исправления, а также право субъекта персональных данных на их удаление.

Похожие гарантии защиты персональных данных содержатся и в российском законодательстве, ведь необходимость таких гарантий является важным стимулом и основанием для развития технологий искусственного интеллекта, поскольку использование технологий, обрабатывающих ежесекундно колоссальный объем информации, нарушает право на защиту персональных данных в силу своей природы.

Обязанность получения согласия субъекта персональных данных на обработку его персональных данных закреплена в ст. 6 Закона о персональных данных. Согласно ч. 1 ст. 9 Закона о персональных данных, субъект персональных данных принимает решение о предоставлении его персональных данных и дает согласие на их обработку свободно, своей волей и в своем интересе. Согласие на обработку персональных данных должно быть

конкретным, предметным, информированным, сознательным и однозначным. Право субъекта персональных данных на доступ к его персональным данным, а также возможность отзыва субъектом персональных данных согласия на обработку персональных данных закреплены в ст. 14 Закона о персональных данных.

Правам субъекта персональных данных корреспондируют обязанности оператора, деятельность которого связана с обработкой персональных данных. Так, ст. 1038 ГК КНР закрепляет обязанность обработчиков информации обеспечивать безопасность собранной информации. Обработчик информации не должен раскрывать или подделывать личную информацию, которую он собирает и хранит, и не должен незаконно предоставлять другим личную информацию физического лица без согласия последнего, за исключением случаев, когда информация после обработки не может быть использована для идентификации какого-либо конкретного человека и не может быть восстановлена до исходного статуса. Обработчик информации должен принимать технические меры и другие необходимые меры для обеспечения безопасности личной информации, которую он собирает и хранит, и предотвращения утечки, подделки или потери информации. В случае утечки, подделки или потери личной информации человека, он должен своевременно принять меры по исправлению положения, уведомить заинтересованных физических лиц в соответствии с нормативными актами и сообщить об этом в соответствующие компетентные органы.

Интересные положения, направленные на охрану персональных данных, содержатся в Законе КНР о защите прав и интересов потребителей (обнародованный 25 октября 2013 г.), который предусматривает, что операторы обязаны принимать технические меры и иные необходимые меры по обеспечению информационной безопасности и предотвращению утечки или утраты персональных данных потребителей (п. 2 ст. 29). Положения, направленные на обеспечение безопасности персональных данных граждан-потребителей, отсутствуют в российском потребительском законодательстве, однако действуют общие положения, которые содержатся в Законе о персональных данных. 15 марта 2021 г. Государственная администрация КНР по регулированию рынка выпустила «Меры по администрированию интернет-транзакций», согласно которым операторы, обеспечивающие продажу через интернет товаров и сопутствующих услуг, должны принимать технические и иные необходимые меры. Ни одна организация или частное лицо не должны незаконно торговать, предоставлять или раскрывать персональные данные других лиц, а также заниматься деятельностью, угрожающей национальной безопасности, государственным интересам деятельности по обработке персональной информации (п. 1 ст. 18).

Таким образом, научно-технический прогресс, появление новых технологий, в том числе технологий искусственного интеллекта, позволяют современному человеку участвовать в очень разных по своей природе отношениях. Природа отношений, в которых участвует человек, содержит новые возможности, а вместе с тем и новые условия, и формы таких взаимоотношений. Появление цифрового пространства заставляет иначе определять объем персональной информации по сравнению с тем периодом времени, когда человеческое общение ограничивалось личными встречами и перепиской. Если до цифровой эпохи в сферу персональной информации входили такие индивидуализирующие лицо данные, как имя, пол, место происхождения и адрес, то в настоящее время коммерческую ценность имеют персональные информационные данные, которые после их обработки могут

предсказывать и характеризовать экономическое поведение человека, его предпочтения и пристрастия. Современные технологии обработки больших данных находятся в стадии стремительного развития, а существующее законодательство не содержит должного механизма контроля за распространением личной информации, что говорит о необходимости выработки легитимного механизма обеспечения более совершенной защиты персональных данных. Как отмечают исследователи, в современных реалиях цифровое пространство нерегулируемо расширяется, что ведет к господству «цифровой» эры, где право на защиту персональных данных должно быть приравнено к фундаментальным правам и свободам человека [Абрамова, 2020, с. 52].

Итак, основой для эффективного обеспечения безопасности данных является правовая система в целом, в которой законодательство и правовые институты преследуют общие цели, направленные на защиту прав и свобод человека и гражданина, обеспечение баланса защиты прав. Законодательство России и Китая в целом имеют схожий подход к правовой охране прав и свобод человека. В обеих странах приняты законы, которые содержат общие положения, направленные на защиту персональных данных, в то же время постепенно формируется специальное законодательство, позволяющее учесть специфику защиты личной информации в различных сферах.

Закон о персональных данных и Закон КНР о защите личной информации закрепляют принципы и условия обработки персональных данных, права субъектов персональных данных, обязанности операторов, обрабатывающих персональные данные, тем не менее, особенностей обработки и использования персональных данных в различных отраслях с использованием тех или иных технологий указанные законы не содержат.

Примером появления специального законодательства, положения которого направлены на возможность контроля за использованием информации, размещаемой в сети, является Закон КНР «О безопасности данных», обнародованный 10 июня 2021 г. (далее – Закон КНР о безопасности данных). Данный закон направлен на регулирование отношений по обработке данных, обеспечение безопасности данных, содействие развитию и использованию данных, защиту законных прав и интересов отдельных лиц и организаций, а также защиту суверенитета, безопасности и интересов государства. Безусловно, использование информационных ресурсов влияет на национальную безопасность, и отсутствие управления информационными ресурсами существенно увеличивает информационные риски, возникающие в процессе сбора, хранения и обработки информации, несет угрозу национальной, экономической безопасности, стабильности социального порядка и политической безопасности. Таким образом, обеспечение эффективной защиты и законного использования персональных данных посредством принятия необходимых мер, а также способность гарантировать безопасность использования персональных данных, в настоящее время являются важными целями, которые стоят перед законодателем. Как отмечают китайские исследователи, в настоящее время позиция Китая в отношении правового регулирования информационных данных должна основываться на приоритете национальной безопасности, но в то же время необходим баланс между безопасностью и свободным распространением данных. В условиях верховенства общественных интересов должна быть определена и понятна грань между защитой общественных и частных интересов [Xu Yumei, Wang Xinyu, 2022, p. 39].

На сегодняшний день в Китае отсутствует специальное ведомство, деятельность которого сводилась бы к контролю за всеми информационными ресурсами, тем не менее, создан орган, контролирующий использование интернет-пространства. Это Государственное управление Интернет-информации. Другие ведомства осуществляют контроль и надзор в своих областях, однако, как отмечают исследователи, распределение обязанностей между государственными структурами не является четким, что приводит к тому, что время от времени происходит взаимное уклонение от ответственности. Это обусловлено недостаточным надзором за самими субъектами административного регулирования. Если вследствие деятельности органа государственного управления произойдет утечка важной информации, возникнет угроза личной и национальной безопасности [Xu Yumei, Wang Xinyu, 2022, p. 44].

Что касается российского законодательства, то в сфере обеспечения защиты персональных данных большую роль играет отраслевое законодательство, учитывающее специфику возникающих в связи с использованием персональных данных отношений. Так, защита персональных данных работника обеспечивается трудовым законодательством (ст. 14 Трудового кодекса РФ). Кроме того, защита персональных данных обеспечивается отраслевым саморегулированием. В частности, в системе органов внутренних дел действует Инструкция по организации защиты персональных данных, содержащихся в информационных системах органов внутренних дел Российской Федерации (прил. к приказу МВД РФ от 6 июля 2012 г. № 678). Действительно, отраслевое саморегулирование, наряду с наличием федерального законодательства, содержит дополнительные гарантии защиты прав субъектов персональных данных, оно направлено на повышение осведомленности о требованиях федерального законодательства, правовое регулирование и использование персональных данных в более безопасной среде.

Обеспечению более совершенной защиты персональных данных способствует создание стандартов их безопасности. Так, согласно ст. 10 Закона КНР о безопасности данных соответствующие отраслевые ассоциации должны в соответствии со своими уставами сформулировать кодекс поведения и стандарты для обеспечения безопасности данных в соответствии с законом, усилить саморегулирование в своих соответствующих отраслях, направить членов по усилению защиты данных, улучшить их уровень защиты и способствовать здоровому развитию отраслей. В соответствии со ст. 17 этого же закона государство должно способствовать формированию стандартов разработки данных и стандартов для технологий использования данных и безопасности данных. Отдел стандартизации при Государственном совете и другие соответствующие ведомства при Государственном совете должны в рамках своих соответствующих обязанностей и функций организовать создание и своевременно вносить изменения в стандарты технологий и продуктов для данных.

На основании проведенного сравнительно-правового исследования в области защиты персональных данных в России и Китае, следует констатировать наличие в ней общих правовых проблем и исследовательских направлений обеспечения защиты персональных данных. Современная действительность трансформируется под влиянием новых технологий, основанных на обработке больших данных, использующих облачные пространства, искусственный интеллект, блокчейн и другие цифровые информационные технологии. Физический мир, существующий в объективной реальности, в определенной степени

заменяется «киберпространством». В этих новых условиях важно создать правовую и институциональную систему защиты прав и свобод человека и гражданина, способную обеспечивать реальную и эффективную защиту прав. К мерам, направленным на совершенствование правовой защиты персональных данных, можно предложить следующие:

– внедрение отраслевого саморегулирования, в том числе создание типовых отраслевых нормативно-правовых актов, которые могли бы исполнять роль внутренних документов (инструкций) по соблюдению законодательства о персональных данных;

– разработка системы уведомлений о соблюдении организациями требований о защите персональной информации. Случаи несанкционированного использования персональных данных должны обнародоваться, размещаться на специализированных сайтах государственных органов, контролирурующих соблюдение законодательства о персональных данных;

– создание стимулирующих механизмов, позволяющих оценивать соблюдение законодательства о персональных данных, обеспечение технической и информационной безопасности при сборе и обработке персональных данных.

Список литературы / References

Абрамова, А. Г. (2020). Международно-правовая защита персональных данных в сети Интернет: общие положения. *Регион и мир*. Т. 11. № 5. С. 51-58.

Abramova, A. G. (2020). International Legal Protection of Personal Data on the Internet: General Provisions. *Region and the World*. Vol. 11. No. 5. Pp. 51-58. (In Russ.)

Макаров, А. В., Вологодина, Е. С. (2019). Персональные данные как объект преступных посягательств на неприкосновенность частной жизни: законодательный опыт в России и зарубежных странах. *Российский следователь*. № 5. С. 71-75.

Makarov, A. V., Vologdina, E. S. (2019). Personal Data as an Object of Criminal Encroachments on Privacy: Legislative Experience in Russia and Foreign Countries. *The Russian Investigator*. No. 5 Pp. 71-75. (In Russ.)

Путин прокомментировал развитие ИИ. (2023). [Электронный ресурс]. *РИА новости*. 14 дек. URL: <https://ria.ru/20231214/razvitie-1915817736.html> (дата обращения 24.01.2024).

Putin Commented on the Development of AI. (2023). [Online]. *RIA News*. December 14. Available at: <https://ria.ru/20231214/razvitie-1915817736.html> (Accessed: 24 January 2023). (In Russ.)

宋才发. (2022). 个人信息保护的法律规制与法治路径[J]. *重庆邮电大学学报(社会科学版)*. Vol. 34. No. 5. Pp. 48-56.

Song Caifa (2022). Legal Regulation and Rule of Law Path of Personal Information Protection [J]. *Chongqing University of Posts and Telecommunications Journal (Social Science Edition)*. Vol. 34. No. 5. Pp. 48-56. (In Chinese)

徐玉梅,王欣宇. (2022). 我国重要数据安全法律规制的现实路径——基于国家安全视角[J]. *学术交流*. No. 5. Pp. 37-48.

Xu Yumei, Wang Xinyu (2022). The Realistic Path of Legal Regulation of Important Data Security in China-Based on National Security Perspective [J]. *Academic Exchange*. No. 5. Pp. 37-48. (In Chinese)

余筱兰. (2022). 个人数据处理中权益的冲突与和解[J]. *西南民族大学学报(人文社会科学版)*. Vol. 43. No. 9. Pp. 72-81.

Xiaolan, Yu. Conflict and Reconciliation of Rights and Interests in Personal Data Processing [J]. *Southwest University for Nationalities Journal (Humanities and Social Sciences Edition)*. Vol. 43. No. 9. Pp. 72-81. (In Chinese)

Сведения об авторах / Information about the authors

Чернущ Надежда Юльевна – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: preiudicia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9316-524X>

Чжун Янькэ – магистрант Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета, г. Новосибирск, Пирогова, 1, e-mail: 2321231858@qq.com

Статья поступила в редакцию: 31.01.2024

После доработки: 20.02.2024

Принята к публикации: 11.03.2024

Chernus Nadezhda – Candidate of Juridical Sciences, Senior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: preiudicia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9316-524X>

Zhong Yanke – Master's student of the Institute of Philosophy and Law of Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Pirogova Str., 1, e-mail: 2321231858@qq.com

The paper was submitted: 31.01.2024

Received after reworking: 20.02.2024

Accepted for publication: 11.03.2024